

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Иван, брат Петра** 4

Житейская история

Светлана Еремеева **Два пламени** 16

Это интересно

Майя Орлова **Девятая миссия** 20

Валентин Пикуль **Под монашеским клобуком**
(отрывок из рассказа)..... 29

Минувшее

Денис Логинов **Кочующая императрица** 35

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Музыка слов** 54

Шедевры

Ирина Опимах **Поверить алгеброй гармонию...** 65

Неизвестное об известном

Светлана Марлинская **Жизнь в танце** 75

Судьбы

Алла Зубкова **Полёт гения** 90

Забывтые страницы

Пантелеймон Романов **Терпеливый народ** 100

Посмеемся вместе

Сергей Левицкий **750 метров секса** 105

Рассказ

Евгений Рудашевский **Спасение** 106

Детектив

Елена Колчак **У страха глаза велики**.....134

Кроссворд. Эрудит

188

Главный редактор, генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	«Ручеек». Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №682

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.03.2013

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Полина Голованова

16 лет, учащаяся,
Воронежская область,
поселок Хохольский

Мутным блеском затянута солнце — которого — нет,
На механике действий построен главный сюжет.
И написаны чувства по химической формуле грез,
Чтобы ветер чужого незнания их не унес.

Разорви эту тонкую нить,
Что скрепила наши сердца.
Ради этого стоило жить,
Ради этой любви без конца.
Растечется по мысленным стенам
Твоя правда, размытая ложью.
Ты скользишь белой сталью по венам,
Убивая мой мир мелкой дрожью.
Импульс тока растает с закатом,
Расстояние — мне не помеха,
Я его измеряю в секундах,
Задыхаясь от приступа смеха...

Иван,

Светлана
Бестужева-Лада

Достаточно хорошо известно, что в самом начале своего официального правления Петр (впоследствии Великий), во-первых, был «младшим царем», поскольку делил трон со «старшим царем» — сводным братом Иоанном Алексеевичем, а во-вторых, оба царя фактически подчинялись правительнице Софье, которая и на троне, сделанном по специальному заказу, сидела выше них. Правда, недолго.

брат
Петра

Сидение на «нижнем троне» не интересовало Петра сначала ввиду его малолетства: десятилетнему мальчишке вовсе не улыбалось часами сидеть истуканом в парадных одеждах, символизируя непонятно что. Но когда друзья-субутыльники объяснили ему, что «царь» — это вовсе не «зеленая тоска», а невероятные возможности исполнять любые свои желания, правительницу Софью, заигравшуюся в неженские политические игры, заточили в Новодевичий монастырь. А «старшего царя», брата Ивана...

Но вообще эту историю нужно рассказывать неторопливо. Иначе будет непонятно, каким образом очередным русским царем стал не законный наследник российского престола, а шустрый отпрыск Нарышкиной...

Когда в 1682 году довольно неожиданно для всех скончался царь Федор Алексеевич, не оставив и не назначив наследника, на престол по закону должен был сесть его младший родной брат, 15-летний Иван Алексеевич, как следующий по старшинству. Ничего из ряда выходящего в этом не было бы: примерно в таком возрасте становились царями практически все представители династии Романовых.

Но, как неожиданно выяснилось, Иван *«с детства был болезненным и неспособным к управлению страной»*. Выяснили это, разумеется, Нарышкины, надо полагать, проведя добросовестное исследование физического и умственного состояния царственного отрока. Не могли не провести: душой теснились за Россию, боялись, что при недееспособном царе попадет она в загребущие боярские руки и... Ну, понятно, погибнет держава. Но есть способ ее спасти: объявить царем самого младшего сына покойного царя Алексея Михайловича от Натальи Кирилловны Нарышкиной,

ее сделать регентшей и — Россия спасена.

Многим высокородным боярам такой вариант спасения державы активно не понравился, прежде всего потому, что им не нравились сами Нарышкины — хваткие, не всегда отличавшие свое от чужого, пекущиеся исключительно о собственных интересах. Нашлось множество людей, готовых стать верными помощниками и поддержкой законному царю Ивану. Проблема заключалась только в одном: сам Иван проявлял невероятное равнодушие к возможности занять престол.

Впрямую он от него не отказывался, готов был выполнять все, что полагалось делать помазаннику Божью, как то: восседать на троне в царском одеянии, пристойно держать скипетр и державу и делать вид, что слушает — бояр, послов и так далее, но вот править — категорически не хотел. Его с детства привлекала исключительно церковь и все с нею связанное. Поэтому, когда реально возникла кандидатура Петра — живчика и здоровяка, по-

томка рода Нарышкиных, а не Милославских, Ивана громко и прилюдно объявили немощным, заявляя, что «Иван-де, головой скорбный от природы, к тому же склонен к заиканию, плохо видит и недомогает цингюю». Ну, куда такого на трон? Нужен Петр — и баста!

Как знать, возможно, все и произошло бы именно по такому сценарию, не вмешайся в события умная, властная и бешено честолюбивая царевна Софья. Она готова была стать опорой братцу Ивану, помощницей в управлении державой, освобождать его от докучных текущих дел. Ей же, в свою очередь, готовы были помогать те бояре, которые ненавидели Нарышкиных. Ничем,

яре насмерть перепугались народного гнева и придумали компромисс: посадить на трон сразу обоих наследников престола, а над ними — для помощи и пригляда — правительницу, царевну Софью. На тот момент это был единственный более или менее приемлемый выход, хотя бы потому, что так считал любимец и ближайший советник Софьи князь Василий Голицын, кстати, один из умнейших людей своего времени.

Срочно созданный Собор из духовенства и всяких чинов людей Москвы, под давлением стрельцов, нашел двоевластие очень полезным, особенно на случай войны. Никого не смущало, что в случае военных действий армию не смог бы возгла-

---

Когда в 1682 году неожиданно для всех скончался царь Федор Алексеевич, не оставив наследника, на престол по закону должен был сесть его младший родной брат, 15-летний Иван Алексеевич. Но, как неожиданно выяснилось, Иван «с детства был болезненным и неспособным к управлению страной»

кроме очередной кровавой неразберихи, закончиться это не могло — ею и закончилось: стрельцы подняли бунт, ворвались в Кремль и покромсали на мелкие кусочки всех, кто их, по той или иной причине, не устраивал.

Больше всех пострадали, разумеется, Нарышкины, но остальные бо-

вить ни Иван, равнодушный к мирской суете, ни Петр — по причине своего малолетства. Всем и без того было ясно, что армию, как всегда в последние годы, возглавит Голицын.

25 июня 1682 года Иван V Алексеевич и Петр I Алексеевич венчались на царство в Успенском соборе Московского Кремля. «Старший» царь («убо-

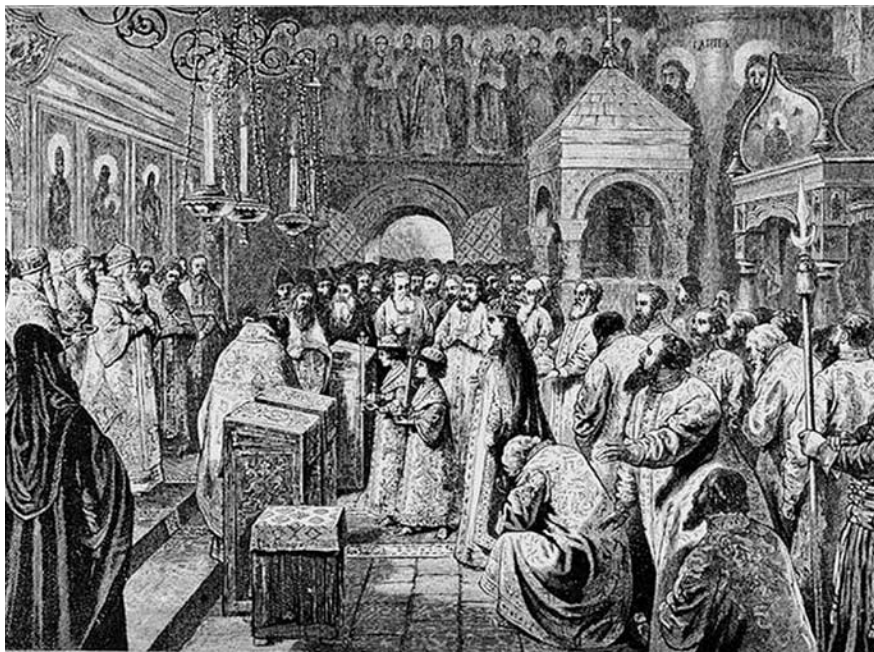

*Царь Иван
Алексеевич
Романов
(Иван V)*

гий и слабоумный») венчался подлинной шапкой Мономаха и большим нарядом, а для «младшего» были сделаны копии. Выходит, что Ивана воспринимали все-таки достаточно серьезно, а «Петрушку» использовали в качестве дублера — мало ли что...

Семь лет после этого царствование и Ивана, и Петра было чисто

декоративным, фактически власть осуществлялась царевной Софьей Алексеевной, опиравшейся на клан Милославских и на своих фаворитов. Любопытная деталь: именно Софья сделала все возможное, чтобы свести Петра с Лефортом — известным авантюристом, пригретым еще ее братом Федором. Царевна надея-

лась, что Лефорт быстро спойт и развратит мальчишку — наклонности у того были соответствующие, ну а там можно и несчастный случай устроить. Но Лефорт оказался хитрее и дальновиднее «многомудрой» Софьи: предпочел дружбу странного царского отрока благоволению царевны.

Когда царю Ивану пошел восемнадцатый год, Софья всерьез озабочилась вопросом его брака: женатый царь, да еще с возможным наследником, — это уже серьезно. К тому же, давало возможность обойтись и без физического устранения Петра: рождение законного

наследника от корня Милославских резко меняло ситуацию.

У греческого историка Феодози говорится, что брак Ивана был задуман князем Василием Голицыным, который, считая насильственные меры против Петра крайне опасными, советовал Софье:

«Царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то не трудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том же достоинстве, которое она желает...»

глашения правительницы, за малолетством
Юлиана и Петра Алексеевичей, Софья, сестра
Федора Алексеевича, за свои чистови-
енные замислы, возмущила Петра
была заключена в монастырь и
пострижена.

Польща просила у России помощи
против Турции и состоялось
мира, по которому Киев и Укра-
ина за Москвою.

Цари Юлианъ и Петръ Алексеевичи.
Правительница Софья Алексеевна.
1682—1689г.

Венчание на царство Ивана, Петра и Софью

Костомаров пишет уже осторож-
нее, но с характерной оговоркой:

*«Есть предположение, что в э-
том выборе царя Ивана Алексееви-
ча было участие царевны Софии:
это подтверждается, во-первых,
тем, что София уже прежде относилась
благоклонно к родителю Пра-
сковьи, перед тем пожалованному
званием боярина; во-вторых, тем,
что, по слабоумию своему, царь
Иван Алексеевич едва ли был спо-
собен без чужого влияния решить-
ся на важный шаг в жизни».*

Вряд ли умная царевна и еще бо-
лее умный Голицын затеяли бы же-
нить слабоумного, расслабленного,

«головной скорбного» да еще и не-
способного к супружеской жизни
Ивана. Да и никто из бояр не под-
держал бы их в этом. Значит, счита-
ли — и совершенно справедливо! —
Ивана просто тихим и кротким юно-
шей, нуждающемся в надежном по-
воде.

Выбранная Иваном девушка —
Прасковья Салтыкова — считалась
первой красавицей России: высо-
кая, статная, пышнотелая цветущая
брюнетка. Однако она не слишком
понравилась Софье из-за неблаго-
надежности ее семьи (было у Салты-
ковых обыкновение время от време-
ни ставить собственные интересы

выше государственных и служить врагам). Да и сама избранница не очень стремилась стать царицей, хотя была на два года старше жениха (по тем временам — засиделась в девках). Софья попыталась, было, сыграть на этом и уговорить брата выбрать другую невесту, но тот со всей кротостью и мягкостью настоял на своем:

— Люба мне сия девица. А иной никакой не надобно, и лучше вовсе

державных предков отправил пение, приложился к святыням и просил у патриарха благословения на брачную жизнь.

Между тем, кончились приготовления: уборка палат, свадебных столов, расставление яств и проч. и проч., и торжество началось с выполнением тех мельчайших обычаев, которые освящены были в глазах действующих лиц давностью лет и вековым употреблением...

В июне 1682 года Иван и Петр венчались на царство в Успенском соборе Кремля. «Старший» царь венчался подлинной шапкой Мономаха и большим нарядом, а для «младшего» были сделаны копии. Ивана все же воспринимали достаточно серьезно, а «Петрушку» использовали в качестве дублера — мало ли что...

не женюсь, уж не гневайтесь, сестрица любезная.

8 января 1684 года, накануне венчания, «...был у царя стол для бояр, боярынь, родственников отца и невесты. Иван с Прасковьей сидели за особым столом. Царский духовник, протопоп, благословив жениха и невесту, велели им поцеловаться, а бояре и боярыни поднялись с поздравлениями; после стола невеста отпущена домой, и гости разъехались.

... 9 января 1684 года, в среду, царь Иван провел все утро в соборах: отслужил молебен; на гробах

...После венчания и свадебного стола именитые гости, проведя царя и царицу в опочивальню, уселись за стол, выжидая час боевой, когда дружка принесет весть, что у царя доброе совершилось.

А на утро следующего дня, как велось это обыкновенно, царю и царице готовили мыльни разные, и ходил царь в мыльню, и по выходе из нее возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велено было сохранять постельничему. А как царица пошла в мыльню и с нею ближние жены, и осматривали ее сорочку, а осмотря сорочку,

*Царевна
Софья*

показали сродственным женам немногим для того, что ее девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместе, сохраняли в тайное место».

Впоследствии многие историки и романисты «убедительно» доказывали, что детей царица Прасковья родила не от законного мужа, а от специально приставленного к ней Софьей спальника Василия Юшкова. Ведь первые пять лет брака Прасковья не беременела. Версия красивая, только спальника Юшкова к царице Прасковье приставил ее де-

верь, царь Петр, причем после того, как она овдовела. Возможно, тогда Юшков и стал ее любовником, хотя к тому времени царица Прасковья уже совершенно никого не интересовала, да и сама не стремилась привлекать к себе излишнее внимание.

В браке, в особом тереме в Кремле, Прасковья и Иван прожили двенадцать лет в полном согласии и пришедшей со временем взаимной любви, произведя на свет пятерых детей — увы, только дочерей, к неописуемому огорчению Софьи и всех Милославских. Уж лучше бы Прасковья оказалась бесплодной —

*Царица
Прасковья
Федоровна
Романова
(Салтыкова),
супруга Ивана
Алексеевича*

*Справа:
Прасковья
Федоровна
в зрелые годы*

можно было бы постричь ее в монахини и найти Ивану другую супругу. Но Иван без памяти любил дочек, и когда две из них скончались в младенчестве, воспринял это как настоящую трагедию.

Царица вместе с державным супругом не пропускала ни одной службы, посещала монастыри, делала вклады, участвовала в крестных ходах, раздавала милостыню нищей братии и колодникам. Госу-

дарственными делами она не занималась — только своим «женским» делом, пересматривала полотна, скатерти и другие вещи, доставляемые из слобод, работавших на дворец; заведовала рукоделиями своих мастериц в светлицах, где производились всякие работы, даже шились куклы царским детям. Нередко и сама вышивала золотом и шелками в церкви и монастыре, изготавливала некоторые предметы из платья се-

бе, государю и детям: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца.

Но главною и неизменною задачею жизни царицы была молитва и милостыня во всех видах и формах, по правилу того времени: «церковников и нищих и маломощных, бедных, скорбных и странных пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми, напой и согрей». Она подавала щедрую милостыню на монастыри и церкви во время своих богомольных выходов. Церковное поминовение усопших царственных родственников сопровождалось кормлением духовного чина и нищих, по-

поддерживал ни одну из существовавших боярских группировок. Ему были интересны две вещи: церковь и семья, причем он с одинаковым благоговением относился и к той, и к другой. А уж конфликты, тем более открытые стычки, он на дух не переносил. В 1689 году, когда царица Софья вновь пыталась подбить стрельцов на бунт, используя имя Ивана Алексеевича как знамя борьбы против партии Петра, Иван отписал любезной сестрице, чтобы она оставила его в покое, ибо он *«ни в чем с любезным братом ссориться не будет»*.

В браке Прасковья и Иван прожили 12 лет в полном согласии и взаимной любви, произведя на свет пятерых детей — увы, только дочерей. Но Иван без памяти любил дочек, и когда две из них скончались в младенчестве, для него это стало настоящей трагедией

следние собирались к царским хоромам во все поминальные дни. То есть царица вела практически такой же образ жизни, как и царь. На редкость была дружная и благочестивая чета, которая даже в то время выделялась своей набожностью и ревностным исполнением всех обрядов.

А вот суетными мирскими делами Иван совсем не интересовался, не вникал в дела государственные, не

*Софья Алексеевна
Романова*

*Иван Алексеевич
Романов*

*Петр Алексеевич
Романов*

Когда же пришло время самостоятельного правления Петра I, его старший брат по-прежнему держался в стороне и «пребывал в непрестанной молитве и твердом посте».

Кстати о Петре. Зачем уже после заточения Софьи в монастырь ему понадобилось писать «слабоумному братцу» пространное письмо с прямой просьбой о содействии?

«А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем; на то б и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что

учала она в дела вступать и в титул писаться собою без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас! Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позоволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшей пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов».

Как отца почитать готов... Естественно, в тот момент Петру поддержка брата была нужна, как воздух: «старший» ведь царь. А ну как «не восхощет» поддержать жесткие меры царя «младшего» — и что тогда? Дума-то боярская, несомненно, встала бы на сторону Ивана Алексеевича, он был свой, «правильный», не чета «кукуйскому чертушке». Так что до смерти старшего брата Петр особо-то и не чудил — побаивался, что его, фактического дублера, в монастырь заточат.

Иван Алексеевич прожил дольше всех отпрысков мужского пола ца-

После смерти мужа вдова вместе с тремя оставшимися в живых дочерьми поселилась в загородной царской резиденции Алексея Михайловича в селе Измайлове. Должность дворецкого, по-видимому, исполнял ее родной брат Василий Федорович Салтыков, приставленный к ней Петром. В документах XVIII века вдовствующую царицу продолжают именовать «Ее величество государыня царица Прасковья Федоровна».

Но тридцать лет ее вдовьей жизни при «царе-реформаторе» — это тема для отдельного рассказа: слишком туго она переплетена с историей

Иван Алексеевич прожил дольше всех отпрысков мужского пола царицы Марии Милославской, и все же скончался он скоропостижно на тридцатом году жизни и был погребен в Архангельском соборе Кремля

рицы Марии Милославской. И все же скончался он скоропостижно (по-видимому, от инфаркта) на тридцатом году жизни в начале 1696 года в Москве и был погребен в Архангельском соборе Московского Кремля.

За два года до этого тоже скоропостижно скончалась на сорок третьем году жизни вдовствующая царица Наталья Кирилловна, ничем никогда не болевшая, даже пресловутой «цингой».

Петр Алексеевич, наконец, стал самодержцем.

России, хотя Прасковья Федоровна, последняя русская царица, и держалась всегда в тени.

А к ее покойному супругу все крепче прилеплялось определение «расслабленный и главою скорбный». Ибо должна была Россия осознать, какое великое счастье выпало на ее долю: вместо «юродивого» на трон взошел...

Некоторые, правда, говорили — Антихрист. Но мало ли что о ком говорят... □

Светлана
Еремеева

ДВА

ПЛАМЕНИ

Ночь стекала на село черным дегтем. Вяжкую темноту разбавлял скучный морозящий дождь. Тоня не спала и в каком-то оцепенении смотрела из окна на стоящий напротив соседский дом. По обе стороны от него тянулся пустырь, и казалось, что черное небо буквально сливается с землей. В темени не было видно ни контура соседского дома, ни его крыши, лишь два светящихся окна словно висели в этом огромном черном небе. Тоня смотрела на них и думала о том, как хрупка перегородка, защищающая человеческое бытие. Как легко разбить эти подвешенные к небу окна и нарушить чью-то привычную жизнь...

...Однажды вот такой же темной ночью плачущая мать затолкнула пятилетнюю Тоню на чердак. Отец тогда ушел из семьи к одной волоокой молодой «залетке», и мать в отчаянии бросилась к неизвестно откуда приблудившейся в их село гадалке. Та наказала ей посадить на чердак, поближе к печной трубе, младшую дочь, чтобы она жгла там бумагу и звала отца. «Пусть зовет батяню домой, и дым отнесет к нему детский клич, — учила гадалка мать, принимая от нее бидончик свеженадоенного молока и рубли, вырученные вчерашним днем за картошку на базаре. Тоня хорошо помнит, как она поджигала в алюминиевом тазу газетные лоскутки и, подученная матерью, что есть мочи надрывалась: «Папка, айда домой! Папка, айда домо-о-й!», как велела гадалка. Маленькой Тоне казалось, что в

этом непонятном слове «айда» и скрыта сила, которая заставит отца прибежать на ее зов. И она старалась изо всех сил: «Айда! Папка, ай-да!» А мать в сенях с надеждой часто кивала головой.

Но, видно, ветер в ту ночь дул не в папкину сторону, или его молодича закрыла на ночь окно, только дым ничего до отца не донес, домой он не пришел, а вскоре и вовсе уехал со своей зазновой в соседний поселок. Там они прожили года два, пока «залетка» не нашла другого кавалера, по-выгоднее и помоложе. И тогда отец вернулся к ним.

Как счастлива была мать, любившая мужа без памяти! Она не сказала ему ни слова упрека, а просто обрадовалась, что мужик снова рядом, и с этой радостью в глазах ее через шесть лет и похоронили.

...Тоне уже тридцать семь. Вся ее жизнь: работа на почте и телевизионные небылицы. Не забыв, как расцвела мать с приходом отца, Тоня для себя усвоила — у каждой женщины обязательно должен быть муж. А вот у нее все как-то не получалось. Как говорили у них в селе — то мы не для вас, то вы не про нас. Которые ей нравились, на нее не смотрели, а которым нравилась она, те ей были не по душе.

Полгода назад в ее жизни появился Валерий. Он работал таксистом и часто заезжал в их поселок. Тоня приняла его как праздник. Когда Валерий вечером подкатывал на своей «девятке» к ее дому, кровь в ее жилах бежала, как весенний звонкий ручей. Антонина старалась угодить «своему счастью» во всем. Мужик видный, веселый, уверенный в себе. И ее ценит. Особенно за то, что она, не в пример его бывшим женам, покладистая и работящая. А еще Валерий говорил: «Хорошо, что у тебя детей нет. Я парень пока молодой и люблю, чтобы все внимание мне доставалось», — и, обнимая Тоню, улыбался во весь рот, показывая ровные белые зубы. В общем, устраивала она его по всем параметрам, и все шло к тому, что быть Антонине, наконец-то, замужем.

А две недели назад «сгорела» от водки жена Тониного брата. Самого его еще прошлой весной зарезали в пьяной драке. Осталось у брата три девчонки, от горшка два вершка. Сейчас они были у Тони и тихо спали на разобранном диване. Завтра за ними должны были приехать из района и отвезти их в детдом. Тоне же было велено заполнить бумагу, что она, как ближайшая родственница, отказывается от опеки над ними.

О том, чтобы взять детей к себе, Тоня и не помышляла. С братом, после того как он переехал в соседний район, они виделись редко, покойную невестку она не любила, да и девчонок почти не знала. В сущности, она детям чужая, и вряд ли им будет хорошо с ней. Детдом находился в райцен-

тре. Скоро Валерий и ее туда заберет. Тогда она будет племянниц проводить, гостинцы приносить, а в отсутствие мужа (Тоня точно знала, что ему это не понравится) и в гости к себе заберет. Так что бумагу Тоня давно заполнила, и сейчас она белела на столе на видном месте, чтобы завтра впопыхах не забыть отдать ее кому нужно.

Три малышки обвили друг друга ручонками. Тоня осторожно сняла с самой младшенькой оранжевый бант, чтобы та удобнее примостила головку на подушке, и внезапно подумала: «А ведь там бантик на ночь никто не снимет». И тут же успокоила сама себя: «Но и утром не повяжет».

Почему именно сегодня она вспомнила, как звала домой отца? Что-то в той далекой картине не давало ей покоя. И Тоня вдруг ясно поняла: тогда в сенцах мать была не одна, в углу жались друг к дружке два ее старших брата. Теперь она до душевной судороги осознала тот детский взгляд: так смотрят, когда, пытаясь скрыть колотящую внутреннюю дрожь, стараются не заплакать от горькой обиды. От напряжения таращат глаза, взгляд костенеет, и из не затуманенных слезами зрачков вырывается голая боль души. Что в них сломалось тогда, какая струна порвалась безвозвратно в брошенных отцом пацанах? Как клочки бумаги, сгоравшие той ночью в дырявом тазу, оплавившись и обуглившись их сердца. Оба они заблудились в жизни, словно в черном непроходимом лесу. Рано начали выпивать, потом старший брат загремел за решетку...

Понял ли отец в своей горячке, что молодница совсем его не любила? Что сыновья, почувствовав в себе ущербность отвергнутых, так с этим и остались? А ее саму любят?! Ведь она сейчас в таком же угаре! И Тоня, глядя в окно, уже не замечала ночной темноты: перед ней полыхали и боролись два пламени — сладко-ненасытный, испепеляющий душу пожар и огромное сияющее зарево, которое не обжигало, а грело и освещало все вокруг.

...Под утро Антонина взялась разжигать печку, чтобы девчонки проснулись в тепле. Отсыревшие дрова никак не хотели загораться. Она жгла газету за газетой, а желанное пламя все не занималось.

На столе лежал белый лист бумаги. Антонина спокойно взяла его, смяла и засунула в топку. Чиркнула спичкой. Дровишки схватились разом, и горячий живой огонек улыбнулся ей прямо в лицо... □

Майя Орлова

ДЕВЯТАЯ

М
И
С
С
И
Я

Энциклопедия Брокгауза и Эфрона в статье о Никите Яковлевиче Бичурине отделяется несколькими короткими фразами: священнослужитель, посвятивший жизнь миссионерству, точнее, распространению православия в Китае. За вольнодумство попал в немилость к Синоду и скончался в забытом монастыре.

Все это — лишь малая толика правды, поскольку имя архимандрита Иакинфа (в миру — Никиты Бичурина) по праву можно поставить отдельной строкой в истории востоковедения в России, как основоположника научного китаеведения. Его перу принадлежат свыше 100 серьезных исследований, статей, переводов исторических, географических произведений. Изучению азиатских стран, таких как, Китай, Тибет, Маньчжурия, Монголия, Восточный Туркестан и Средней Азии он посвятил более сорока лет, то есть половину всей своей жизни.

В августе 1777 года в чувашском селе Акулево Казанской губернии, в семье дьячка Якова родился сын, получивший при крещении имя Никита.

Вот что писал современник Н. Бичурина, историк Н.С. Щукин:

«Отец его, дьячок Иаков, не имея даже фамилии, всю жизнь провел в этом звании и крестьянских трудах. Сын его Никита поступил, в восьмом году возраста, в училище нотного пения города Свияжска. В 1785 году перешел в Казанскую семинарию, где и дано ему прозвище Бичурина, по селу, в котором родился».

Необходимо отметить, что в те годы для активного внедрения православия среди нерусского крестьянства преосвященные архиепископы Вениамин, Антоний и особенно Амвросий старались готовить грамотных проповедников за счет пополнения духовной семинарии учениками из семей служи-

телей церкви. Родителям Никиты Бичурина, как и другим священнослужителям, не приходилось даже думать об увольнении сыновей из духовного ведомства для получения светского образования, — Синод не позволял этого.

И «Казанского наместничества Свияжской округи села Пичурина священника Якова Данилова сыну Никите» путь был один — в духовное учебное заведение. Казанская семинария, в которой Никита Бичурин пробыл около 14 лет, готовила священнослужителей для многих регионов — от Волги до «азиатского» Востока.

За время учебы в семинарии он изучил латынь, греческий и французский языки, закончил ее с отличием и был принят в Казанскую духовную академию. Там после окончания и остался преподавателем грамматики и риторики, одновре-

Никита Яковлевич Бичурин

менно приняв монашеский сан и исполняя должность настоятеля Казанского Иоанновского монастыря, а в 1802 году был переведен на должность архимандрита Вознесенского монастыря в Иркутске.

В это время из Петербурга в Китай, находящийся под правительством династии Цин, отправилась российская дипломатическая миссия, во главе с графом Ю.А. Головкиным, целью которой являлось из-

вестить маньчжурского императора о восшествии на престол Александра I. Вместе с ней в Пекин следовала очередная, Девятая духовная миссия, во главе с архимандритом Аполлосом. Надо сказать, что на тот момент миссия была единственно достоверным источником информации о ситуации в азиатском регионе.

В сентябре 1805 года она прибыла в Иркутск. Там, познакомившись

с отцом Иакинфом, граф Головкин пришел к выводу, что эрудированный и представительный иркутский архимандрит более подходит на пост главы миссии, нежели недалекий и малограмотный Аполлос. И возглавляемая уже отцом Иакинфом, духовная миссия отправилась из Иркутска для выполнения поставленных перед нею царским двором задач, а в сентябре 1807 года пересекла границы «Поднебесной Империи».

Бичурин и представить себе не мог, что не увидит Россию долгих пятнадцать лет.

Основная цель русской православной миссии в Китае заключалась в распространении православия. Однако отец Иакинф оказался «малоусердным» наставником мисионеров, за что до конца своей жизни подвергался гонениям. Но именно ему было суждено стать первым русским ученым, приступившим к тщательному изучению истории народов Центральной и Средней Азии на основе письменных источников на восточных языках.

По пути в Пекин Бичурин вел подробный дневник, стремясь описать *«проезжаемую страну с селениями и городами, состояние в одной годовых времен... и даже присовокупить к сему статистическое описание Монголии»*. Проезжая через Монголию, он изучал монгольский язык и с увлечением собирал историко-этнографические сведения о монгольских племенах.

С первого же дня приезда в Китай отец Иакинф «денно и ночью» трудился. В своем послании от февраля 1810 года, адресованном обер-прокурору Синода А.Н. Салтыкову, он сообщал:

«Время позволяет мне учиться сверх китайского и манджурского еще понескольку мунгальскому (монгольскому), тибетскому и корейскому».

В течение четырех лет пребывания в Китае Н.Я. Бичурин составил китайско-русский словарь, послуживший первоосновой для составления многотомных китайско-русских словарей. Наряду с изучением книжного и разговорного китайского языка отец Иакинф занялся письменными источниками по истории, географии, этнографии, медицине, астрономии, философии, сельскому хозяйству, торговле, судоходству.

На седьмом году жизни в Пекине он перевел литературно-исторический свод учений Конфуция, затем приступил к переводам-извлечениям в трех томах из огромного китайского географического сочинения «Дайцин и Тунчжи» и обширного перевода в 16 томах «Тунцзянь ганму» — сводной истории Китайского государства с древнейших времен до Цинской династии (1644 г.).

Видный советский востоковед Л.Н. Гумилев писал, что переводы Бичурина, составляющие 20 рукописных томов, служили для него *«колодецем, из которого он черпал сведения для своих работ»*.

Овчинников Н.В. «Н.Я.Бичурин и А.С.Пушкин В Петербурге»

Однако нравы эпохи не терпели такого вольнодумства. И пока Иакинф в Пекине без устали занимался наукой, царские министры в Петербурге искали ему замену. 1 декабря 1820 года в Пекин прибыла Десятая духовная миссия с архимандритом Петром Каменским.

А отец Иакинаф «за разорение миссии» был лишен сана архимандрита, но оставлен в монашеском звании. Синод приговорил его к ссылке на вечное поселение в Соловецком монастыре, «с тем, чтобы, не отлучая его оттуда никуда, при строжайшем за его поведением надзоре употреблено было старание о приведении его к истинному в преступлении его раскаянию».

Царь Александр I утвердил указ Синода, но предложил содержать опального монаха Иакинфа не в Соловецком монастыре, а под строгим присмотром в монастыре на острове Валаам, что на Ладожском озере.

На затерянном среди холодного озера острове Бичурин провел четыре с лишним года и, несмотря ни на что, продолжал начатую в Китае работу. В 1826 году о нем вспомнили — но не в Синоде, а в Министерстве иностранных дел, где требовался хороший переводчик с китайского языка. Его возвращение стало возможным благодаря восшествию на престол императора Николая I, издавшего резолюцию:

Никита Яковлевич Бичурин

«Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту».

Так разжалованный архимандрит очутился в Санкт-Петербурге, где всего лишь через два года был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по разряду литературы и древностей Востока. Одновременно Бичурин избрали почетным библиотекарем Петербургской публичной библиотеки.

К концу 1829 года ученый подготовил первую библиографическую работу — «Реестр китайских и маньчжурских книг, находящихся в императорской Публичной библиотеке», а в 1830 году совершил экспедицию в Забайкалье, откуда привез тибетские и монгольские книги,

буддийскую храмовую утварь и многое другое.

Во время пребывания в Забайкалье отец Иакинф решил оставить монашество и, вернувшись из экспедиции, подал в Синод прошение о снятии с него монашеского сана. Однако воля «августейшего» самодержца всея Руси Николая I была такова: оставить Иакинфа Бичурин *«на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашества...»*

Гонимый церковью, но не отпускаемый ею же, Никита Бичурин получил полное светское признание: в 1831 году его избрали членом Азиатского общества в Париже, а затем он из года в год становился

Отец Иакинф

лауреатом престижной Демидовской премии*.

Сочинение отца Иакинфа по истории калмыцкого народа было

по достоинству оценено А.С. Пушкиным, использовавшим его при написании «Истории Пугачева». «Самым достоверным и беспристраст-

---

*Демидовская премия для ученых учреждена в 1831 году уральским промышленником, камергером двора Его Императорского величества Павлом Николаевичем Демидовым, «желавшим содействовать преуспеянию наук словесности и промышленности в своем отечестве». Ежегодно на премии выделялось 20000 рублей государственными ассигнациями, а само присуждение наград меценат предоставил Российской Императорской Академии наук, как «первенствующему ученому сословию в империи». Присуждалась до 1866 года ежегодно. В 1993 году премия была возрождена в Екатеринбурге по инициативе академика Г.А. Месяца, тогдашнего председателя Уральского отделения РАН, при поддержке уральских властей, промышленников и предпринимателей.

ным известием о побеге калмыков, — писал Пушкин, — обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили яркий свет на отношения наши с Востоком».

Благодаря Бичурину, передовые люди России впервые получили широкое представление о странах и народах, истории, экономике и культуре Азии.

Последствия непрерывных умственных занятий не могли не сказаться на здоровье. Еще в середине 1840-х гг., и в письмах к М.П. Погодину он жаловался, что «лекари очень советуют оставить сидячую жизнь», однако не изменял своим устоявшимся привычкам и, наперекор советам врачей и своему преклонному возрасту, не прерывал научные занятия.

В 1848 году отец Иакинаф приступил к созданию своего последнего труда «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Труд этот в трех томах с приложением карт был опубликован в 1851 году.

12 декабря 1851 г. в письме к М.П. Погодину он сообщал: «...Я не вовсе оставляю Ваш журнал, а по временам буду доставлять кое-что, в доказательство же сего и теперь прошу принять две статьи, еще не бывшие ни в одном из журналов; в первой из них описано первоначальное вступление Езуитов в Макао и в Пекин, вторая содержит верную родословную Дома Чингисханова. Если

*одобрите, попрошу поместить их в Вашем журнале, а мне на память при-
слать пять оттисков и экземпляр».*

Поистине трагичными были последние месяцы жизни великого ученого. Уже совсем больной и беспомощный, находясь в монастырской лечебнице, он умирал в окружении монахов, которые, по словам современников, «не любили отца Иакинфа и также нисколько о нем не заботились».

Посетив келью отца Иакинфа за несколько недель до его кончины, один из его друзей увидел, в каких неподобающих условиях находился ученый с мировым именем. Жестокосердые монахи-схимники из Александро-Невской лавры, решив ускорить кончину «безбожника», перестали не только ухаживать за больным ученым, но и лишили его пищи, ссылаясь на то, что «отец Иакинф уже покончил земные расчеты, он соборован, и его ждет пища небесная».

В мемуарной литературе о Н.Я. Бичурине описан случай, когда физически ослабевшего, терявшего дар речи больного однажды посетил чиновник Азиатского департамента, бывший член Пекинской духовной миссии, и заговорил с ним по-китайски: «Вдруг старец как бы выздоровел: заблестали глаза, на лице появилась улыбка, ожил язык — и, безмолвный прежде, говорил непрерывно полчаса на любимом языке своем».

11 мая 1853г. в возрасте 76 лет отец Иакинф скончался в Александро-Невской лавре. Его похоронили на следующий день на Лаврском кладбище, где и по сей день стоит скромный памятник, на котором написано: «Иакинф Бичурин», а чуть ниже вертикальной строкой китайскими иероглифами: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими славу историческими трудами». Далее: «Род. 1777 — ум. 1853 мая 11д.».

В некрологе, помещенном в газете «Северная пчела», об Иакинфе Бичурине напишут: «Его отпевали в кладбищенской церкви Невского монастыря; пекинский архимандрит Гурий совершал литургию. Из многочисленных его знакомых на похоронах присутствовали только четыре человека». Канцелярия Александро-Невской лавры не сочла нужным известить о смерти Бичурина близких и знакомых.

Сегодня память о выдающемся ученом чтут на его родине. В Чувашии учреждена Государственная премия имени Н. Бичурина, присуждаемая ежегодно за лучшие научные исследования. В селе Бичурино установлена мемориальная доска, в местной школе есть музей. Именем Бичурина названа улица в Чебоксарах.

Книги Иакинфа Бичурина не потеряли своего значения и переиздаются по настоящее время. □

ПОД МОНАШЕСКИМ

КЛОБУКОМ

отрывок из рассказа

Никита Яковлевич родился в 1777 году, но лета не ослабили его сил, не уняли порывов сердца. Высокий ростом, жилистый, как бурлак, в движениях порывистый, он не сдавался старости. Его черные глаза сверкали еще молодо. Священный Синод давно махнул на него рукой, как на отпетого бродягу, зато признала Академия наук — присудила первую Демидовскую премию за сочинение по истории калмыков.

В 1838 году Никита Яковлевич вторично заслужил Демидовскую премию за китайскую грамматику, которая «показывает удивительную легкость, с какою можно выучиться читать и переводить с китайского. Он доказал это на практике в Кяхтинской школе, где его ученики чрезвычайно легко и скоро стали разуметь по-китайски».

Бичурин всегда верил в могущество Китая, вольно или невольно восхищаясь его порядками и нравами жителей.

— Что могут знать о Китае в развращенной Европе? — рассуждал он. — Один знаток задуривал неучей, будто табачные плантации близ Кантона поливают мочой падших женщин, отчего и урожаи так хороши. Европейец, попав в Китай, мнит себя мудре-

цом в стране «дикарей», а китаец плюет вослед европейцу, называя его «варваром». Не спорю, что у китайцев преувеличенная национальная гордость, но таким же качеством обладают французы, немцы, англичане и даже мы, грешные...

«Опиумная» война вызвала в нем приступ ярости.

— Бессовестные! — отзывался Иакинф о колонизаторах. — В обмен на опиум вывозили из Китая груды серебра, а теперь пушками убеждают китайцев в пользу курения отравы. Но я в недоумении: как три тысячи британских матросов могли управиться с великой империей, населенной миллионами людей?..

Белинский писал: «Китай силен, но держится пока с севера миролюбием России», а сам Бичурин в своем почти слепом почитании Китая стал доходить уже до крайности.

— Вот это по-азиатски, — ликовал он, наблюдая хорошее. — А вы остались испорченным европейцем, — упрекал он, заметив дурное в человеке. — Обратитесь лицом к Востоку.

Бичурин устал, и сам порой удивлялся тому, как много он успел написать. Научный авторитет Иакинфа был неоспорим, востоковеды Европы просили его быть арбитром в своих спорах, и решение русского монаха оставалось для них безоговорочным.

Намотав на руку железные четки, выкованные из кандалов декабриста, в развевающейся на ветру долгополой рясе, язвительный и громогласный, он всюду вызывал удивление. Его не раз спрашивали: откуда такие странные четки?

— Не скажу! — отвечал Бичурин. — Кузнецы, ковавшие это железо, еще не обрели бессмертия, нужно время, чтобы мои четки стали народной святыней... Боюсь, вы меня не поймете!

Только близкие ему люди знали, что под монашеский кlobук Бичурина подвела несчастная любовь к Татьяне Саблуковой, и виновница этой драмы, ныне богатая боярыня — вдова Корсунская, жила в Петербурге. Никита Яковлевич не забыл своей горькой любви, до самой кончины Татьяны Лаврентьевны он навещал ее, дети и внуки женщины стали для него родными, называя его «дедушкой». Перед смертью она успела сказать ему:

— Прости меня! Я-то знаю, что по моей вине ты в монахи постригся, а теперь мой последний вздох принимаешь...

Умевший ненавидеть, был очень добр. Он терпеть не мог, когда дочь покойной, Софья Александровна Мицикова, наказывала детей, а своих лакеев отсылала в полицию ради их сечения. В подобных случаях Никита Яковлевич вступался за крепостных с такой же яростью, как и за детишек:

— Это варварство! В Китае так бы не поступали...

В 1843 году он стал трижды лауреатом Демидовской премии. К деньгам относился равнодушно, никогда не знал, сколько у него в бумажнике. Однажды за партией в преферанс полез расплачиваться, но бумажника при себе не обнаружил. Заподозрили домашнего лакея. Мицикова велела дворнику тащить лакея на двор, драть его нещадно, но лакей в краже не сознался.

— Да что вы делаете! — возмущался Бичурин. — Плевать я хотел на эти премиальные, только оставьте человека в покое...

Через год или два бумажник нашли. Бичурин велел позвать лакея и при всех вручил ему свой бумажник:

— Сколько б там ни было денег, все твои. Бери за свои невинные страдания. Бери, дурак, не отказывайся... Ты ведь, я знаю, драным всегда будешь, а лауреатом — никогда!

В доме Мициковых прижился молодой художник Костя Флавицкий, позже прославленный картиною «Княжна Тараканова», а тогда он был пропавший в нищете неудачник. Но Костя осмелился ухаживать за Наденькой Мициковой, которую Бичурин почитал своей внучкой, поэтому он и невзлюбил Флавицкого, называя его прощелыгой. Но при этом тайно помогал ему деньгами, оплачивал наем квартиры, даже сам нанял молочника, чтобы тот снабжал Флавицкого молоком... Софья Мицикова осуждала его:

— Сумасшедший! Чуть ли не всю Демидовскую премию моему же лакею отдал. С утра лба не перекрестит, сразу за книгу, а в храм божий на аркане его не затащишь. Зато в балете мечтает побывать, дабы оценить волшебные па Тальони...

Это правда. Никита Яковлевич, в нарушение заветов монашества, театр обожал. Удачно гримируясь, одетый под купца, он ездил в театр любоваться балеринами, слушал в опере лучших итальянских певцов. Но его уже начинала грызть старческая тоска о прошлом, со слезами он поминал Пушкина и Шиллинга, молодежи, окружавшей его, рассказывал забавные случаи из жизни своих современников — Крылова, Жуковского, Брюллова и Глинки, а в конце рассказа, как правило, он впадал в меланхолию, вытирал слезу:

— Для вас, молодых, все это уже история, а для меня это была жизнь. Умру вскорости и тоже перейду в область преданий... Только вот вспомнят ли обо мне?

Наденька Мицикова просила подарить ей четки.

— Глупая ты девчонка, — отвечал ей Бичурин. — Для тебя это лишь повод потешиться, а для меня это ведь тоже история. Не дам! Подрастешь, и оставлю четки тебе на память...

Между тем, Виссарион Белинский, всегда высоко ценивший научные заслуги Бичурина, резко отозвался об описанном им «гражданском и нравственном состоянии» Китая:

— Это уже ни на что не похоже! Беру книгу Иакинфа и читаю, что в Китае все живут в райском блаженстве, никто не ведает взяток и насилий...

А далее разоблачал великодушие Бичурина, который не заметил деспотии цинских богдыханов, закрыл глаза на повальную нищету народа, умолчал о коррупции продажных мандаринов. Не знаю, с какими чувствами отец Иакинф воспринял критику Белинского, в это время он уже начал болеть. Монах жил в загородном доме Мициковых на Выборгской стороне, в зелени сада занимал скромную беседку, крыша которой протекала, с утра до ночи пил чай, продолжая трудиться. Более трех лет он писал историю народов Азии, Сибири и Дальнего Востока.

В 1851 году он был удостоен четвертой Демидовской премии. Почуввав что-то неладное со здоровьем, Бичурин подарил свои четки «внучке» Наденьке. Мициковы снимали дачу на станции Мурино, старый монах ходил с деревенскими девками в лес за грибами, собирал ягоды. Крестьяне любили его за добрую душу, все кланялись ему, когда он шел по деревне с лукошком опят или сыроежек. Однажды в лесу с ним случилась загадочная история. Его нашли привязанным к дереву, над ним висели на сучке золотые часы, циферблат которых был украшен 12 апостолами, в бумажнике остались целы 300 рублей.

— Я ведь слышал, когда люди меня в лесу окликали.

— Так чего же вы сами-то не отозвались?

— Нельзя было, — понуро отвечал Бичурин...

После этой истории, тайну которой он унес в могилу, Никита Яковлевич заболел. Пробовал писать, но, «почти плача, жаловался, что у него ничего не выходит... И тогда же, — вспоминала Наденька, — он говорил мне, что у него сделано духовное завещание, в нем он определил, в какие музеи должны быть отправлены после его смерти вывезенные им из Китая древности».

Но скоро больной старик показался Мициковой обузой, и она, вызвав карету, отправила его в Александро-Невскую лавру, где у Бичурина была своя келья...

Иакинфа все забыли, иногда лишь его навещала Наденька, ставшая к тому времени невестой Моллера. Спустя годы в своих мемуарах она, сама уже старуха, писала, что смотрела на луну и думала о всяком любовном вздоре, а дедушка был забыт. После свадьбы она решила навестить его. Ключник с неудовольствием отворил ей двери.

— Напрасно ходите сюда, — сказал монах женщине. — Давно пора отцу Иакинфу предстать перед судом отца небесного...

Монахи старались не допускать родственников до кельи Иакинфа, они придумывали разные причины, чтобы его кончина прошла незаметно для общества. Если Святейший Синод раньше мстил ему за безбожие и преступления в светской жизни, то почему столь жестоки оказались монахи? Кажется, они сами желали ускорить кончину Бичурина, ибо уже началось бессовестное расхищение его пожитков. В один из визитов Моллер застала «дедушку» зябко дрожащим под каким-то нищенским отрепьем. Она знала, что у него никогда не переводились запасы чая, был полон сундук мехов, присылаемых друзьями из Кяхты.

Она кинулась к сундуку, чтобы достать шубу, но там было уже пусто, а в шкафу болталась лишь старенькая ряса.

— Холодно... чаю... забыли меня. Все оставили...

Надя велела прислужнику лавры поставить самовар, строго спросила, куда девалась шуба и где все меха?

— Отвезли к меховщику... на хранение, — соврал тот.

Своих часов Надя не имела, поэтому, обещая мужу не опоздать к обеду, она вспомнила о часах «дедушки» с 12 апостолами. Обыскав всю келью, не нашла их и снова обратилась к келейнику:

— Послушайте, а где же часы отца Иакинфа?

— Мы их сдали в починку, — нагло отвечал тот...

С каждым разом монахи становились грубее, не хотели впускать женщину в обитель, Надя подолгу барабанила в колокол у ворот, чтобы их открыли. При виде «дедушки» она невольно содрогнулась. Он громко стонал:

— Обижают... не кормят... забыли... не ел...

Она с плачем взмолилась:

— Покормите отца Иакинфа, где же ваше милосердие?

Монах-прислужник назидательно ответил:

— Зачем ему пища земная, если ждет его пища небесная?..

Надя Моллер вдруг ощутила зловоние. По грязной рубашке Бичурина ползли отвратные насекомые. «Наволочки на подушках, простыни — все было грязно и воняло. Закрыт он был ситцевым драньем, из которого торчали клочья ваты. Я приподняла одеяло и отшатнулась: по простыне ползли мелкие белые черви...» Так — в смраде, в гниоце, среди ползающих червей и насекомых — церковь оставила умирать человека, далеко от святости: четырежды лауреата Демидовской премии, основоположника отечественной синологии, которая затмила востоковедение всей Европы...

— Чего здесь ходите? — вдруг обозлился монах. — Уйдите, и незачем смущать покой умирающего старца....

«Он выждал, пока я оделась, вышел со мною и долго шел молча позади меня, постукивая клюкою монаха по каменному полу коридора обители. Это было в конце апреля, а в начале мая пошли у нас хлопоты о найме дачи...» Среди бытовых хлопот родственники забыли Бичурина и лишь 13 мая 1853 года в газете «Северная пчела» вычитали о его смерти.

— Боже мой! Завтра уже хоронят, — сказала мать.

Всей семьей Мициковы и Моллеры поехали на следующее утро в Александро-Невскую лавру, чтобы не опоздать к отпеванию. Но впустивший их в лавру монах сказал, что они опоздали:

— Мы вашего ученого нехристя уже закопали.

— Господи! Да почему не известили о его кончине? Мы единственные его родственники, — сказала Мицикова.

— У братии монашествующих нет земных родственников, — отвечал привратник, — есть один отец небесный...

Никита Яковлевич был погребен на старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, и могила его сохранилась. Позже она была отмечена памятником: подле некрополической справки о датах жизни выстроилась колонка китайских иероглифов. Туристы, посетив кладбище, удивляются — откуда здесь взялись иероглифы? Между тем, китайские письма гласили о Бичурине истину: «ПОСТОЯННО И ПРИЛЕЖНО ТРУДИЛСЯ НАД ИСТОРИЧЕСКИМИ ТРУДАМИ, УВЕКОВЕЧИВШИМИ ЕГО СЛАВУ».

Разве не странная судьба выпала этому человеку?

Вольтерьянец-безбожник смолоду, а пошел в монахи.

Всю жизнь прожил в окружении умнейших друзей, а умер в забвении одиночества, окруженный врагами и хапугами.

Наконец, оставил после себя целую библиотеку написанных им книг, и уже в наше время рукописи Никиты Яковлевича продолжают печатать.

Да, умел старик поработать... нам бы так!

В одном из докладов о нем приведены его пророческие слова, сказанные еще в 1843 году:

«Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании, и нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности... рассудок наш будет представлять в себе отражение только чужих мыслей, часто странных, и нередко нелепых».

Русские, мы всегда и всем будем обязаны России, благодарные за все нашим пращурам... □

Денис Логинов

ИМПЕРАТРИЦА Кочующая

Ее называли самой прекрасной и самой элегантной женщиной Европы девятнадцатого века, она принадлежала к верхушкам знати и по рождению, и по браку. В ее распоряжении были великолепные дворцы, чистокровные лошади, драгоценности, прекрасная коллекция живописи, неограниченные денежные средства.

Урожденная принцесса Баварская, императрица Австро-Венгерской империи, королева-консорт Венгрии, в Австрии она была известна под уменьшительно-ласкательным именем Сиси (нем. Sissi), которым ее называли родные и друзья...

Баварская династия Виттельсбахов, к которой принадлежал отец Сиси, Максимилиан Йозеф, не первый век демонстрировала миру свою предрасположенность к психическим расстройствам. Троюродный племянник Елизаветы, Людвиг II Баварский, уже начинал свой трагический путь к безумию и самоубийству. Да и отец будущей австрийской императрицы обладал нелюдимым характером и жил уединенно в своем поместье Поссенхофен, выезжая ко двору только на официальные церемонии.

Женился он без особой охоты на Марии Людовике Вильгельмине, младшей дочери короля Баварии Максимилиана Первого. Красивая, прекрасно образованная девушка так и не смогла простить родителям, что они выдали ее замуж из династических соображений, но не за короля, как двух ее старших сестер: Амалия вышла замуж за принца Саксонии, София — за эрцгерцога Франца-Карла австрийского, брата императора Фердинанда I и наследника престола.

Максимилиан Баварский уделял жене чрезвычайно мало времени, полагая, что ее удел — рожать детей и заниматься хозяйством. «Осчастливив» супругу тремя детьми, любящий муж на целый год уехал путешествовать — в Египет и Палестину. После поездки он написал книгу «Путешествие на Восток в 1838 году» и привез множество сувениров, которые выставил в доме своего отца, где их можно увидеть и сегодня.

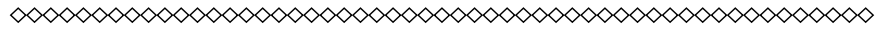
История умалчивает о том, какие подарки герцог привез жене и детям.

Известно только, что после восточного путешествия своего супруга герцогиня родила еще пятерых детей, ни на секунду не переставая чувствовать себя брошенной и несчастной, а герцог, будучи страстным лошадиником, целыми днями пропадал на конюшне.

Старший сын никогда не был близок ни с отцом, ни с матерью, зато две старшие дочери, обе красавицы, стали для герцогини предметом мечтаний о том, какие великолепные браки она для них устроит. Старшая, Хелена, пошла в мать строгостью, рассудительностью и любовью к высшему свету. Младшая, Елизавета, удалась в отца: ездить верхом она научилась едва ли не одновременно со своими первыми шагами. А обществу людей откровенно предпочитала лошадей и зверинец. К музыке и танцам Сиси была совершенно равнодушна, зато ее привлекало рисование: ведь для этого не требовалось партнера.

Когда Хелене исполнилось двенадцать лет, ее мать получила предложение, превосходившее самые смелые надежды: ее родная сестра, вышедшая замуж за брата австрийского императора, предлагала ей женить своего старшего сына Франца-Иосифа на своей старшей племяннице, принцессе Баварской. Эрцгерцогиня София давно уже наблюдала за девушкой и пришла к выводу, что она идеально подходит на роль будущей императрицы: ведь Франц-Иосиф в 18 лет должен был стать императором.

Отец будущего императора был личностью весьма своеобразной. Женив-

Франц-Иосиф

Елизавета

шись почти по любви на красивой, умной и честолюбивой Софии, дочери баварского короля, он быстро понял, что при ней всегда будет играть только вторую скрипку. А революция 1848 года, прокатившаяся по Европе, заставила его вообще отказаться от престола.

В том же году эрцгерцогиня София всеми правдами и неправдами убедила своего супруга отказаться от своих претензий на трон в пользу старшего сына. Ее не зря называли «единственным мужчиной при дворе»: родив за пять лет брака четырех сыновей и дочь, она посчитала свою миссию жены выполненной и сосредоточилась на поли-

тике. Старшего сына она с колыбели готовила к роли императора и добилась своего, когда его восемнадцатилетие так «удачно» совпало с революционным переворотом. Мнения самого юноши на этот счет никто не спрашивал.

Разумеется, первое время именно София оставалась фактической правительницей империи, она постоянно внушала сыну, что главное предназначение монарха — хранить величие и единство государства. Именно поэтому по ее приказу было буквально потоплено в крови венгерское восстание в начале пятидесятых годов. А когда ситуация стабилизировалась, София реши-

ла, что вот теперь настало время женить молодого императора на давно выбранной красавице и умнице кузине.

Все было обговорено заранее: невеста старательно готовилась к высокому замужеству, выезжала в свет, совершенствовалась в танцах и верховой езде, писала учтивые письма будущей свекрови, своей родной тетке. Сиси была занята своими делами: долгими верховыми и пешими прогулками, рисованием, чтением. Но она не смогла отвертеться от присутствия на первой официальной встрече жениха и невесты, и тут произошло невероятное: император Франц Иосиф влюбился в непредсказуемую Сиси с первого взгляда и наотрез отказался жениться на благоразумной Хелене.

На первом же балу, в нарушение всех правил этикета, он два раза подряд приглашал Елизавету на котильон, что тогда было практически равнозначно предложению руки и сердца.

— Или она — или никто! — категорически заявил он своей матери.

Тогда эрцгерцогине Софии впервые пришлось осознать, что ее власть над сыном не безгранична. Делать было нечего. Австрийский трон действительно нуждался в прочном семейном союзе, а главное — в наследниках. Но... пятнадцатилетняя, не слишком хорошо воспитанная Сиси, по мнению Софии, совсем не подходила на роль императрицы. Впрочем, если вплотную заняться ее воспитанием и внушить ей чувство долга перед империей...

И эрцгерцогиня, и император ошиблись: казавшаяся послушным воском

юная девушка с осиной талией и роскошными, доходящими до пят волосами, стала постоянной головной болью и трагедией австрийского императорского семейства.

В конце апреля 1854 года император Франц Иосиф сочетался браком со своей шестнадцатилетней кузиной, которая, похоже, не понимала, во что ввязывается. Сиси искренне наслаждалась пышными декорациями: венчание состоялось в церкви Августинцев в Вене, а потом новобрачная ехала по ликующему городу в карете с инкрустированными золотом колесами и дверцами, расписанными еще самим Рубенсом. На юной императрице было бледно-розовое платье, расшитое серебром, на пышноволосой головке сверкала роскошная бриллиантовая диадема. Волшебное, сказочное зрелище...

Выходя из кареты, Елизавета зацепилась за дверцу, и диадема едва не упала с ее головы.

— Наберись терпения, — шептал муж, — мы быстро забудем весь этот кошмар.

Но быстро забыть его удалось лишь императору — сразу после свадьбы он погрузился в работу, Елизавете же пришлось гораздо труднее.

Сказка закончилась практически в первую брачную ночь. Есть мнение, что она почти неделю после свадьбы не подпускала к себе мужа, а столкновение с физической стороной любви так повлияло на психику шестнадцатилетней девушки, что затормозило ее эмоциональное развитие, оставив навсегда в этом возрасте. И это очень похо-

же на правду: все поступки Сиси в дальнейшем напоминали поведение импульсивной и взбалмошной девушки, а вовсе не зрелой женщины.

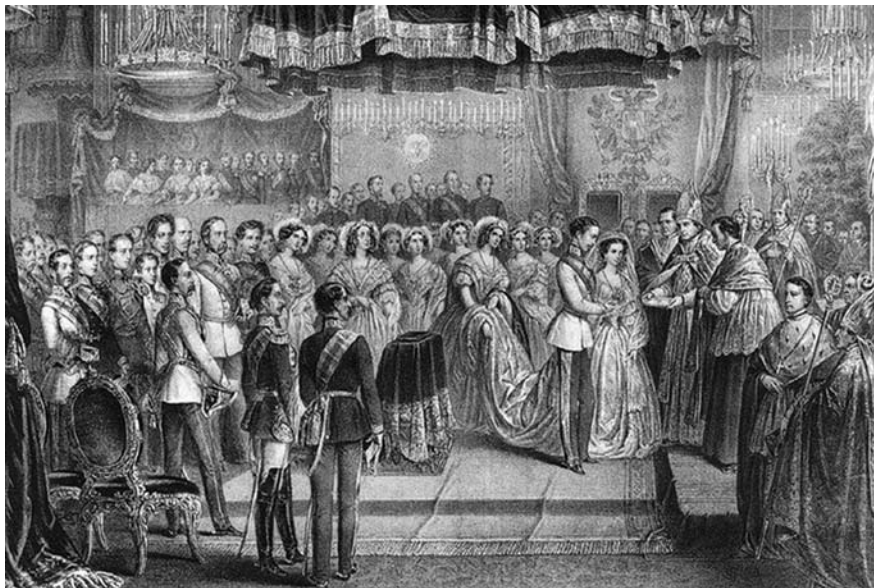
Когда свадебные торжества закончились, и жизнь вошла в свое прежнее русло, молодая императрица обнаружила, что эта жизнь ей совершенно не подходит. Прежде всего, тетушка-свекровь, не оставившая надежды сделать из невестки «настоящую императрицу», изводила ее мелочными придирками, ссылаясь на этикет, введенный еще прапрадедом императора Карлом Пятым. А этот этикет — самый сложный в Европе того времени — строго регламентировал и жизнь придворных, и жизнь самой Елизаветы,

где твердый распорядок дня лишал Сиси всякой свободы, ограничивая даже общение с мужем.

Запертая в роскошном дворце, Сиси не могла, как еще совсем недавно, сбежать на рассвете с мольбертом в прекрасные тирольские предгорья, довольствуясь в течение дня лишь куском хлеба и водой из ручья, не могла отправиться в конюшню и заняться любимым делом — уходом за лошадьми. Она вообще ничего не могла — только читала и писала грустные стихи.

Привыкшая к свободе, Сиси пренебрегала управлявшими жизнью двора правилами этикета, начиная с манеры держаться, реверансов и приветствий до длины перчаток и глубины деколь-

*Свадьба Франца-Иосифа I и Елизаветы 24 апреля 1854 года.
Литография Винченца Кацлера, 1854*

те. Она попыталась пожаловаться супругу, но император, погруженный в государственные заботы, к тому же, выросший в тех строгих правилах, которые так тяготили его юную жену, был не в состоянии понять, что она

уже находится на грани нервного срыва. Кроме того, мягкий по характеру Франц-Иосиф испытывал одновременно глубокое уважение к матери и безграничную любовь к жене, что никак не способствовало примирению

этих двух абсолютно не похожих друга на друга женщин. Единственной подлинной страстью Сиси была верховая езда, дававшая иллюзию свободы и служившая выходом ее чрезмерной, бьющей через край энергии. Но и эта отдушина захлопнулась: Елизавета забеременела, к великой радости супруга, свекрови и даже всей империи. Все ждали появления наследника, но... в марте 1855 года на свет появилась девочка.

Ей дали имя София и поместили в апартаменты к эрцгерцогине-бабушке, справедливо полагавшей, что она луч-

ше знает, как обходиться с новорожденной. Сиси пыталась бунтовать, но она решительно не представляла себе, что ей делать с новорожденной. К тому же, вскоре она поняла, что вновь беременна: через год и три месяца после Софии на свет появилась вторая девочка — Гизелла. И все повторилось: Сиси могла видеться с детьми лишь в строго отведенные для этого часы.

Описание страданий юной женщины, насильственно разлученной с дочерьми, сильно преувеличено. Сиси действительно страдала, но лишь потому, что дремавшая в ней с детства бо-

*Императорская чета во время верховой прогулки в Зоологическом саду.
Литография Эдуарда Кайзера. 1854–55*

лезнь после двух родов внезапно активизировалась. Одной из ее маний было то, что дети безнадежно испортили ее фигуру, которой она гордилась: объем талии Сиси составлял 50 сантиметров. Трижды в день придворные дамы совершали обмер талии и успокаивали императрицу. Но этого хватало ненадолго: Елизавета сознательно ограничивала себя в пище, приказала устроить рядом со своими покоями специальный гимнастический зал и до одури ездил верхом. Свекровь лишь поджимала губы: поведение молодой императрицы выходило за все мыслимые рамки приличия, да и наследник при таком образе жизни мог вообще не появиться на свет.

Понадобилась трагедия, чтобы немного образумить Сиси (или, напротив, подтолкнуть ее еще ближе к грани безумия). Император отправлялся в Венгрию, и Сиси уговорила его взять с собой ее и обеих девочек. Софии было два года, Гизелла еще лежала в пеленках. Несмотря на протесты эрцгерцогини Софии, справедливо полагавшей, что незачем тащить крошек в такую даль по плохим дорогам, Сиси настояла на своем.

Но она решительно не хотела быть привязанной к двум малюткам. Оставив дочек в Будапеште, императорская чета отправилась в путешествие по Альпам. Увы, Сиси недолго наслаждалась поездкой: в пути их догнала телеграмма о том, что обе принцессы заболели. София уже по приезду в Будапешт чувствовала себя неважно, но доктор решил, что у нее режутся зубки. Теперь, судя по всему, у девочки был тиф, ко-

торым она заразила и младшую сестренку.

Родители немедленно помчались в Будапешт, но изменить ничего не могли. Более крепкая Гизелла выкарабкалась, а Софи мучительно умирала 11 часов, в то время как Сиси заламывала руки и кричала, что это она виновата, она потащила с собой дочку, а потом бросила ее. Самое страшное заключалось в том, что это было правдой: незачем было брать с собой детей в дальнюю поездку, и уж тем более, неразумно оставлять их под равнодушным присмотром нянек в чужом городе.

Когда Франц-Иосиф и Елизавета вернулись в Вену, в глазах свекрови императрица прочла молчаливое обвинение. У Сиси началась депрессия. Ее постоянно посещали мысли о самоубийстве. Дни напролет она скакала в лесу, одна, а потом возвращалась во дворец и запиралась в комнате. Почти ничего не ела. Не желала никого видеть — даже единственную теперь дочь Гизеллу. Собственно, она вообще никогда особенно не желала видеть этого ребенка, равно как и старшую дочь: просто императрицу бесили властные замашки свекрови.

Но девятнадцатилетняя императрица по-прежнему была в браке с обожавшим ее мужем, и новая беременность не заставила себя ждать. Сантиметр был на время отложен, гимнастический зал заперт, лошади оставались в конюшне, а Сиси, подчинившись кроткому совету специально вызванной матери, согласилась расширить диету или, по крайней мере,

*Сиси с новорожденным Рудольфом и дочерью Гизеллой.
На стене портрет погибшей старшей дочери Софии*

не морить себя голодом. Вся империя молилась о том, чтобы родился мальчик. И молитвы были услышаны.

По сравнению с первыми двумя, эти роды были очень тяжелыми, и длились почти сутки. Когда ребенок, наконец, появился на свет, Елизавета слабым голосом осведомилась, кто родился.

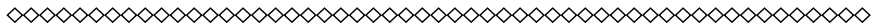
— Повитуха еще не знает, — ответил Франц-Иосиф, не без причин опасаясь, что внезапная радость может повредить роженице.

— Ну, конечно, еще одна девочка, словно мало было прежних унижений... — бурно разрыдалась Сиси. —

Я проклята, проклята, австрийцы меня возненавидят!

Успокоилась она только тогда, когда ей поднесли выкупанного и запеленатого сына — Рудольфа-Франца Карла-Иосифа. Это произошло в августе 1858 года. Теперь у австрийского престола был законный наследник!

Рождение первого внука обрадовало эрцгерцогиню Софию так, что она временно даже помирилась со своей невесткой. Сиси очень медленно приходила в себя после родов и совершенно не возражала против того, чтобы заботы о кронпринце полностью взя-

ла на себя свекровь. Хотя при редких встречах, особенно на людях, она любила демонстрировать свою безумную любовь к сыну, доходя чуть ли не до экстаза и пугая этим ребенка, привыкшего к спокойной и холодноватой манере общения бабушки-эрцгерцогини.

Кстати, принцесса Гизелла любила бабушку гораздо сильнее, чем мать, которая никогда не уделяла ей время и была с ней откровенно холодна, считая некрасивой. Штрих, достаточно красноречиво характеризующий и характер, и мироощущение признанной красавицы-императрицы. Впрочем, Рудольф, несмотря на поразительное внешнее сходство с матерью, тоже рос одиноким мальчиком. У Елизаветы практически никогда не хватало на него времени, как и на дочь. Уже окончательно помешанная на своей внешности, она считала, что дети ее старят.

А ее физическое здоровье продолжало внушать тревогу: императрица постоянно кашляла, врачи подозревали чахотку. В 1860 году было объявлено, что императрица тяжело больна и нуждается в солнце и морском воздухе.

Весть о тяжелой болезни молодой императрицы вызвала живейший интерес во всех дворах Европы, и когда она изъявила желание отправиться на лечение на остров Мадейру (Португалия), королева Виктория предоставила в ее распоряжение собственную яхту «Осборн». С Мадейры императрица перебралась на остров Корфу (Греция), где, к ужасу лейб-медиков, стала купаться в море и быстро пошла на

Три поколения императорского дома. Родители Франца-Иосифа эрцгерцог Франц-Карл и эрцгерцогиня София Баварская, император Франц-Иосиф I и императрица Елизавета, их дети принцесса Гизелла (на руках у бабушки) и принцесса София. Литография Йозефа Байера, 1856

поправку. У нее все еще находили чашотку, но она вела себя как здоровый человек: плавала, подолгу гуляла и ездила верхом, засиживалась по вечерам на пляже. Франц-Иосиф присылал из Вены письма, умоляя жену вернуться, но Елизавета не хотела расставаться с вновь обретенной свободой.

Наконец летом 1862 г. она появилась в Хофбурге, и врачи почти сразу же обнаружили у нее прежние недуги. Хуже того, к ним добавилось расстройство питания, которое в наше время назвали бы нервной анорексией. Императрица, которой было всего 25, считала, что безобразно полна, и морила себя

голодом. Посетившая ее мать ужаснулась психическому состоянию дочери. К счастью, ей разрешили съездить в Баварию, где врач, знавший Сиси еще ребенком, не обнаружил у нее ни туберкулеза, ни анемии. Он рекомендовал ей отдых «на водах» и здоровое питание: остальное сделают внутренние резервы молодого организма.

Елизавета стала проводить в Вене не более двух месяцев в году. Периодически (чаще всего зимой — на свой день рождения, Рождество, первый венский бал) возвращалась в столицу Австро-Венгрии, чтобы повидать мужа и детей, но вскоре вновь начи-

нала чувствовать себя пленницей и уезжала.

Вообще с ее психикой продолжало твориться что-то неладное. Возвращаясь в Вену, Елизавета всякий раз начинала чудить. Кашель ее уже не мучил, но анорексия становилась все заметнее. Обед ей заменял жидкий говяжий бульон со стаканом молока или пива. Зато верховой ездой императрица занималась все с большим азартом.

Когда Франц-Иосиф, пытаясь отвлечь супругу от меланхолии, предложил посмотреть какие-нибудь достопримечательности, та ответила, что больше всего интересуется сумасшедшим домом. Император организовал этот визит, во время которого Елизавета увлеченно беседовала с душевнобольными и дотошно расспрашивала врачей о способах лечения. Когда однажды Франц-Иосиф спросил у жены, что подарить ей на Рождество, она ответила: либо тигренка из Берлинского зоопарка, либо собственный сумасшедший дом с персоналом и пациентами. Супруг преподнес ей два бриллиантовых браслета.

Два года спустя Францу-Иосифу удалось уговорить супругу вместе с ним отправиться в Венгрию. Императрица любила эту страну, изучала историю Венгрии и венгерский язык, с удовольствием читала венгерскую литературу. Постепенно она окружила себя придворными дамами из венгерского дворянства и даже поддерживала связи с деятелями венгерской оппозиции, которые пытались через императрицу оказать влияние на Франца-Иосифа,

рассчитывая, что он пойдет навстречу их требованиям. Усилия Елизаветы оказались вполне успешными.

Император согласился на заключение в 1867 году соглашения, согласно которому империя преобразовывалась в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, вводилось конституционное правление, и Венгрия получала большую свободу в решении своих внутренних вопросов. 8 мая того же года Франц-Иосиф и Елизавета были коронованы в Будапеште как король и королева Венгрии.

В знак своей преданности Венгрия подарила Елизавете и Францу-Иосифу великолепный дворец Геделле в тридцати километрах от Будапешта. В нем, судя по всему, и был зачат четвертый ребенок Елизаветы: в 1868 году в Будапеште она родила дочь Марию-Валерию, которая вдруг стала ее любимицей.

На этот раз императрица отстояла право самой заниматься воспитанием дочери, которой отдавала явное предпочтение перед остальными детьми, и при дворе Валерию называли «единственным» ребенком. Девочка на какое-то время стала спутницей во всех путешествиях матери. Но, несмотря на то, что почти все свое детство Мария-Валерия провела в Венгрии, где ее одевали в венгерском стиле и приучали говорить только по-венгерски, полюбить эту страну Мария Валерия так и не смогла. Для нее всегда было облегчением общаться с отцом, с которым можно было не говорить по-венгерски. Что, скорее всего, и послужило причиной последующего охлаждения к ней матери. Впрочем, Елизавета, кажется, вообще

Сын Елизаветы, наследник престола — Рудольф-Франц-Карл-Иосиф

была неспособна на долгие привязанности. Да и на недолгие — тоже.

Единственным человеком при дворе, который разделял отношение Елизаветы к Венгрии, был наследник престола Рудольф, которого строго воспитывали, готовя к карьере императора. Елизавета лишь издали наблюдала за воспитанием наследника, не имея возможности вмешиваться. Лишь однажды ей удалось уволить наставника, который, по мнению Сиси, использовал слишком жестокие методы воспитания (обливание ледяной водой по утрам лишь малая часть тех методов, что применяли при воспитании наследника престола), но даже после этого она не стала ближе Рудольфу. Мальчик очень страдал, что не мог часто видеть свою мать.

Но даже смерть в 1870 году свекрови не заставила Елизавету вернуться в Вену и взять в свои руки бразды семейного правления. Она предпочитала путешествовать.

Не произвело на Елизавету особенного впечатления и замужество старшей дочери Гизеллы, которое произошло в 1873 году. Принцесса выбрала в мужа своего троюродного брата, Леопольда Баварского, причем явно по сердечной склонности, а не из династических соображений. Франц-Иосиф с одобрением встретил этот брак, так как найти подходящего жениха-католика было не так уж легко, у него самого и без того хватало забот, а мать, которая, собственно, и должна была заниматься всеми вопросами свадьбы дочери, пребывала где-то за границей. Правда, выкроила время, чтобы приехать на венчание, иначе это выглядело бы уже совершенно неприлично.

Через год у Гизеллы родилась первая дочь — Елизавета-Мария, всего у супругов за девять первых лет брака родилось четверо детей: две девочки и два мальчика. Они часто гостили в Вене и обожали своего деда-императора, а вот о бабушке-императрице практически ничего не знали, поскольку видели лишь ее портреты во дворце.

Брак любимой дочери Марии-Валерии тоже оставил императрицу Елизавету равнодушной. «Венгерский ребенок», превратившийся в прелестную девушку, внешне очень похожую на мать, выбрала в мужа троюродного брата принца Тосканского, принца

Рудольф с супругой Стефанией

Венгрии, Чехии и Богемии Франца-Сальваторе. Они познакомились на придворном балу и влюбились друг в друга с первого взгляда. Их свадьба (опять в отсутствии императрицы!) состоялась в 1890 году.

И к женитьбе своего единственного сына Елизавета отнеслась с потрясающим равнодушием. Впрочем, и сам он относился к этому, как к докучной формальности. Названный в честь прадедушки династии Габсбургов — германского короля Рудольфа I, кронпринц с молодости отличался независимостью и либеральными взглядами, хотел поступить в университет и даже печатал в венских газетах политические обозрения под псевдонимом Юлиус Феликс, пока решительное вмешательство отца не положило этому конец.

Мария Вечера

По воле и выбору отца Рудольф в 1881 году женился на дочери бельгийского короля Стефании — апатичной и склонной к полноте блондинке, в которой не было ничего королевского.

Через два года у супругов родилась дочь, названная, естественно, Елизаветой, но отношения разладились окончательно: до своей преждевременной гибели кронпринц так и не переступил больше порога спальни супруги.

Зато очень многие женщины и девушки в Австрии, Венгрии и Италии могли похвастаться очень близким знакомством с молодым, романтичным и темпераментным красавцем. В конце концов обеспокоилась даже императрица Елизавета, когда до нее дошли слухи о том, что кронпринц познакомился с простой дворянкой Марией

*Портрет Сиси,
находившийся
в кабинете
ее супруга —
императора
Франца-Иосифа*

*Император
Франц-Иосиф
в кабинете*

Вечера, проводит с ней все время и даже собирается жениться, расторгнув брак с нелюбимой супругой.

Вот чего никогда не было в семействе Габсбургов — так это разводов. Не состоялся и этот. После череды бурных объяснений кронпринца с отцом и матерью, после поставленного ими ультиматума, что Мария должна покинуть пределы империи и прекратить всякие отношения с кронпринцем, тела любовников нашли в охотничьем домике Майерлинг. Это произошло 30 января 1889 года.

Официальная версия была — двойное самоубийство, но в это тогда не поверил никто, включая близких родственников. Считалось, что наследника престола и его возлюбленную убили по заказу кого-то, кому было выгодно занять впоследствии место на троне. Но история эта так и осталась тайной.

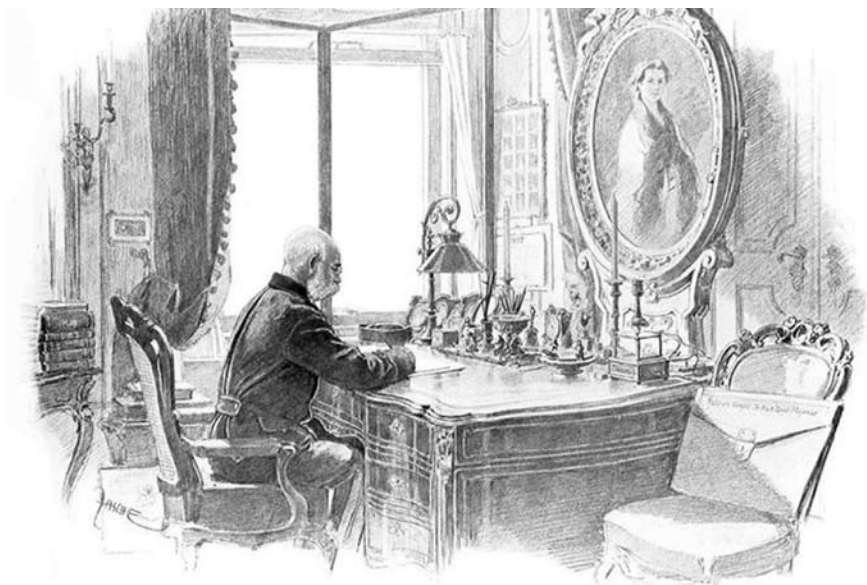
Елизавета отказывалась верить в смерть единственного сына и даже не присутствовала на его похоронах, но затем все же решила спуститься в склеп к телу Рудольфа и убедилась, что случилось непоправимое. Это ста-

ло началом конца — она окончательно потеряла рассудок. Год безвылазно прожила в своих покоях в королевском дворце, не снимая глубокого траура и не появляясь в обществе. А затем... затем вновь отправилась кочевать по Европе.

Переезжая из страны в страну, она подолгу гуляла в одиночестве или в сопровождении одной из придворных дам по почти безлюдным полям и горам. О террористах, которые тогда бесчинствовали везде, Елизавета всегда беспокоилась не больше, чем о плохой погоде, и запрещала себя сопровождать, чем приводила в отчаяние окружающих. Но зато панически боялась старости и увядания: когда ей исполнилось 42 года, Сиси запретила себя рисовать и фотографировать, надела вуаль и, гуляя, закрывала лицо зонтиком.

Но зеркало обмануть невозможно. Патологическая страсть к похудению привела к частым приступам кашля, повышению температуры, общей физической слабости. Нервы у нее были всегда расшатаны, она не выносила темноты, приговаривая, что «достаточно темно будет в могиле», а при свете могла спать только недолго. С годами у нее началось расширение сердца, к этому добавились ревматизм и радикулит. Придерживаясь установленного ею самого режима питания и сна и мало прислушиваясь к советам врачей, она годами не выходила из состояния недомогания, недовольства жизнью и депрессии.

Но эти периоды внезапно сменялись периодами невероятной активности. Однажды, выйдя на яхте в шторм из Дувра, она, словно Одиссей, велела привязать себя к мачте и 18 часов (!),

не замечая качки, наслаждалась сильным ветром и высокими волнами. Даже юные слуги, не говоря о фрейлинах, не могли угнаться за Елизаветой, когда она, совсем уже немолодая, с легкостью карабкалась по скалистым обрывам на побережье Эллады.

В 1879 году на своей серебряной свадьбе с Францем-Иосифом Сиси последний раз появилась при дворе, произведя впечатление «вечно молодой и прекрасной», в основном, благодаря правильно подобранному освещению и нежеланию императрицы танцевать с кем-либо, кроме мужа.

После этого ее вообще редко видели в Австрии. Елизавета до конца жизни продолжала путешествовать и нигде не могла найти покоя и счастья. Но никогда и никто не мог упрекнуть ее в легкомыслии: рядом с ней не было ни единого мужчины, кроме слуг, а в спальне всегда находилась дежурная придворная дама. Эта сторона жизни не интересовала Елизавету совершенно, она хотела оставаться молодой и прекрасной только ради самой себя.

Смерти она тоже не боялась, хотя никогда о ней не говорила. Исключение составила одна-единственная фраза, сказанная ею над гробом сына:

— Я тоже хотела бы умереть от небольшой раны в сердце, через которую улетит моя душа, но хочу, чтобы это произошло вдали от тех, кого я люблю.

И ее желание исполнилось.

Это произошло в сентябре 1898 года на набережной в Женеве. Сиси в сопровождении графини Ирмы Ша-

рай совершала свою обычную прогулку. С императрицей поравнялся какой-то незнакомец и, как показалось графине Шарай, толчком сбил ее с ног.

На самом деле анархист Луиджи Луккени, желавший, во что бы то ни стало, прославиться, нанес ей удар тонкой заточкой прямо в сердце. Елизавета не сразу поняла, что произошло. Она поднялась и попыталась продолжить прогулку, но спустя несколько минут почувствовала острую слабость, опустилась на землю, потеряла сознание и вскоре скончалась.

О смерти жены императору сообщили в тот же день. Закрыв лицо руками, он простоял в молчании несколько минут, затем сказал:

— В этом мире для меня уже ничего не осталось.

Новости о трагедии мигом облетели Вену. Женщины и дети рыдали на улицах, оплакивая императрицу, которую знали только по портретам. Соболезнования летели со всех европейских дворов, от президентов латиноамериканских стран, от императора Японии. Казалось, что после трагедии Майерлинга ничто уже не могло быть хуже. Но блистательный мир, полный красоты и благородства, стремительно приближался к закату: самая ослепительная женщина Европы, много лет служившая эталоном элегантности и абсолютно равнодушная к политике, погибла от рук анархиста.

Сиси хотела, чтобы ее прах был брошен в море, но императорский протокол не признавал подобной романтики. Ее похоронили в фамильном склепе

Габсбургов, рядом с гробницей ее сына Рудольфа.

До рокового выстрела в Сараево оставалось ровно шестнадцать лет...

А Сиси вернулась на набережную Женевского озера ровно через 100 лет. Бронзовая статуя прекрасной и задумчивой Елизаветы Австрийской установлена там, откуда она отправилась в свой последний путь. □

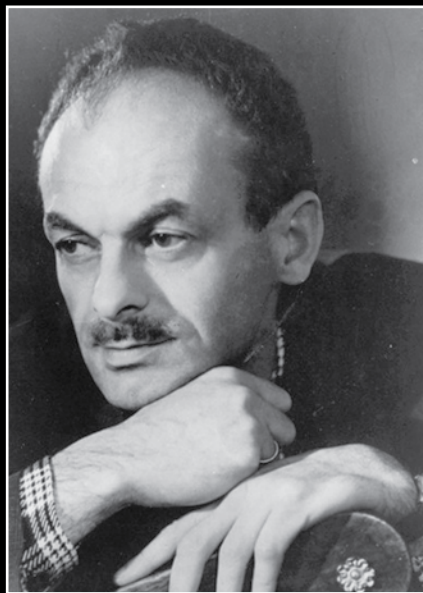

Бронзовая статуя Елизаветы Австрийской на Женевской набережной

Евгения Гордиенко

Музыка слов

В 1997 году мне не было еще и одиннадцати лет, когда по радио вдруг стали говорить о том, что в Париже скончался человек со странной для меня тогда фамилией — Окуджава. Крутили нежные городские романсы и песни о войне, и я никак не могла связать их между собой: эту странную фамилию, эти лиричные песни и — почему-то Париж.

Сам Окуджава сегодня, вероятно, поморщился бы, вздумай кто-нибудь назвать его «символом эпохи» или «кумиром поколений». Этот человек, как никто другой, умел разделять великое и незначительное. Себя самого он, в скромности своей, значительным никогда не считал. Даже не соглашался с тем, что он — бард. Своей музыкой он только находил

наиболее приемлемый способ «отпускать стихи на волю публики, публиковать» и несколькими аккордами всего лишь позволял проявиться внутренней музыке слов. Он вообще производил впечатление человека, который просто и спокойно делал свое дело — потому что не мог его не делать, не мог не писать. Его ругали, травили, осмеивали. Он запо-

минал, порой находил изящный способ «ответить», иногда даже не сразу, а через много лет. Но чаще — прощал. И продолжал писать свои

его, Шалва Степанович Окуджава, известный партийный деятель, после рождения сына был отправлен на Кавказ комиссаром грузин-

Потом был фильм «Покровские ворота», песни о Москве, которой в нашей с вами реальности давно уже нет, и радость узнавания — о, это же, конечно, Окуджава! И уже сознательное — он мне нравится, этот легкий флер грусти, эта щемящая тоска по городу, которого уже не найти среди шумных проспектов, по временам, что никогда не вернуться, по эпохе, что уже находится за спиной, словно гитара, заброшенная на плечо...

великие стихи, которые стали для нас тем, чего не может не быть. Разве можно представить, что не существует этих строчек: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия...»?

ГРАЖДАНИН АРБАТА

Прежде чем оказаться на Арбате, Булат Окуджава немало поколесил с родителями по стране: отец

ской дивизии. Мать, Ашхен Степановна Налбандян, осталась в Москве и работала в партийном аппарате.

Учился Булат на родине отца, в Тбилиси, но в русской школе.

Вскоре Шалву Степановича отправили на Урал, на строительство вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле. Через некоторое время

Окуджава-старший смог выписать туда и семью.

Уже потом, когда они втроем вернулись в Москву, их местом жительства стал дом 43 на Арбате, коммунальная квартира на 4-м этаже.

В 1937 году семейное счастье закончилось — отец был расстрелян, мать отправлена в ссылку. А Булата взяли на воспитание родственники в Тбилиси.

Но, как бы ни было ужасно начало его жизни, он о многом вспоминал с теплотой и смехом. Например, о том, как еще до войны начал пи-

Там его приняли очень радушно, обрадовались возможности издать книгу талантливого юного автора, но посетовали на отсутствие бумаги.

Двенадцатилетний Булат обещал прояснить вопрос с дядей. Дядя деловито поинтересовался, сколько же бумаги необходимо, и предложил килограмма два.

К сожалению, когда на следующий день Окуджава снова пришел в Союз писателей, он никого там не застал. Так и не была издана книга двенадцатилетнего гения...

Сам Окуджава сегодня, вероятно, поморщился бы, вздумай кто-нибудь назвать его «символом эпохи» или «кумиром поколений». Этот человек, как никто другой, умел разделять великое и незначительное. Себя самого он, по своей скромности, никогда не считал значительным

сать и решил податься... в Союз писателей.

Как и все юноши, Окуджава писал стихи, считая их, по меньшей мере, гениальными. В этой мысли его поддерживали дядя и тетя. И однажды дядя спросил, почему бы племяннику не издать книгу, как, например, Пушкину или Безыменскому.

Ничтоже сумняшеся, отрок отправился в тбилисский Союз писателей, чтобы обсудить выход книги.

«НИЧЕГО ВЕСЕЛОГО В ВОЙНЕ НЕТ...»

Вскоре началась война, и в 1942 году Булат отправился добровольцем на фронт. Он сам говорил о том, что войну эту можно называть Отечественной, но не стоит называть Великой, потому что нет ничего великого в том, что люди убивают друг друга. О своем военном прошлом он вспоминал с грустью и иронией: «Я был очень смешной солдат.

И, наверное, толку от меня было немножко. Но я очень старался делать так, чтобы все были довольны. Я стрелял, когда нужно было стрелять. Хотя честно вам скажу, что не с большой любовью я стрелял, потому что убивать людей — это не очень приятная вещь. Потом — я очень боялся фронта».

И писать он по-настоящему начал именно там, на войне: «Впечатление от фронта было очень сильное, потому что я был мальчишкой. И потом уже, впоследствии, когда я стал писать стихи, первые мои сти-

нал, как однажды пробрался в гостиничный номер к Пастернаку и стал назойливо читать ему стихи — «стихи были очень отвратительные и очень «под него». Когда он закончил, Борис Леонидович спросил, чего же молодой человек хочет. Окуджава ответил, что желает поступать в Литературный институт. «Литературный институт — это гениальная ошибка Горького, — усмехнулся Пастернак, а когда узнал, что Окуджава учится на филологическом факультете, добавил: Чего же вам больше? Учитесь. А все остальное сделает

мешно, что к Окуджаве, который всегда довольно скептически относился к своему вокалу, слава пришла именно с песнями. Они были простыми, понятными всем, его любили не за сложность и не за патриотизм, а за то, что он записывал рифмами те мысли, что приходили в голову каждому из нас...

хи были на военную тему. Много было стихотворений. Из них получились песни. Из некоторых. Это были в основном грустные песни. Ну, потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет».

По окончании войны перед Окуджавой встал вопрос, чему посвятить свою жизнь. Именно в это время судьба подарила ему встречи с Борисом Пастернаком и Анной Ахматовой. Булат Шалвович вспоми-

время, если оно будет за вас».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Филологический факультет Тбилисского государственного университета Окуджава окончил в 1950 году, после чего был распределен в Калужскую область — преподавать русский язык и литературу в сельской школе.

Преподавание ему не очень понравилось, с детьми было не так-то

просто общаться, да и жизнь в селе требовала навыков, которых Окуджава не имел.

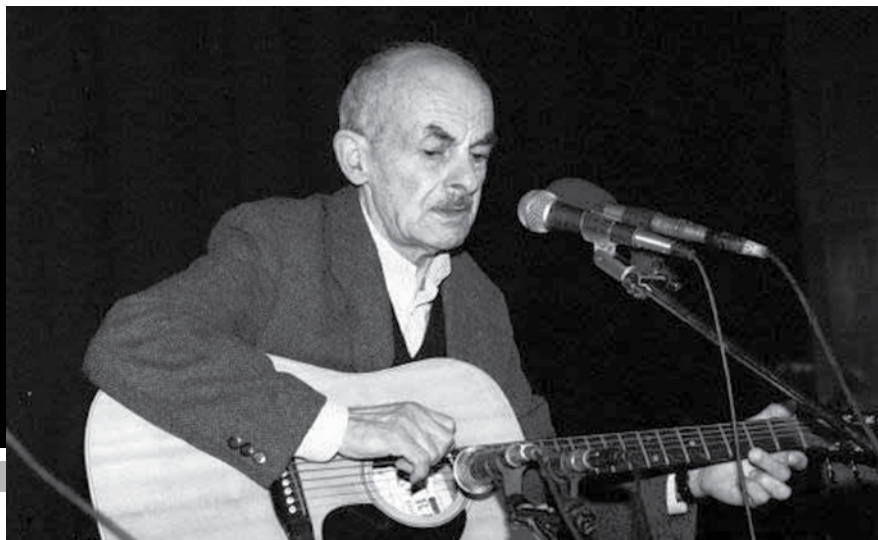
Именно отсюда, из села Шамордино Калужской области, и началось возвращение Булата Окуджавы в Москву, на Арбат.

Он вернулся в 1959 году и уже вскоре начал выступать с песнями на свои стихи. Его популярность набирала обороты, и в 1961 году он

она очень тяжело переживала разрыв с Окуджавой. У их сына тоже жизнь не сложилась: он стал принимать наркотики и умер даже раньше отца — в начале девяностых.

Об этой странице своей биографии Окуджава вспоминать не любил, считая себя, может быть, виноватым в семейной трагедии...

Тогда же, в начале шестидесятых, он познакомился со своей второй же-

мог позволить себе уйти со службы и заниматься только творчеством.

К этому времени Булат Шалвович уже был женат на Галине Смольяниновой и растил с ней сына. Но уже через несколько лет после возвращения в Москву его чувства к ней угасли, и в 1964 году был оформлен развод. Ровно через год Галина умерла от сердечного приступа —

ной — Ольгой Арцимович. Она была из среды «физиков» и Окуджава-«лирика» не знала вовсе. Однако позже вспоминала: *«Вошел гений, и все. Жена не имеет права говорить о муже в таких выражениях. Но я тогда, в самом деле, понятия не имела, кто он такой, и потому с полным правом подумала: вот гений. И никогда с тех пор этой точки зрения не изменила».*

Известность к нему пришла не сразу. Он даже вспоминал такой случай, связанный с выходом первой его книги: «Никто, в общем, не знал моих стихов. Не знали настолько, что, когда у меня вышла эта первая книга, называлась она «Острова», и я побежал в книжный магазин с просьбой продать мне несколько экземпляров, то продавцы спросили: «Ваша книга?» Я говорю: «Да, моя!» — «Как ваша фамилия?» — «Окуджава». — «Ах, это вы Окуджа-

Но любовь народная в Советском Союзе чаще всего неизбежно влекла за собой нелюбовь государственную. Композитор Соловьев-Седой, выступая по телевидению, сказал, что у Окуджавы белогвардейские мелодии. На него стали писать фельетоны. В одном его называли даже «Вертинским для неуспевающих студентов»...

Но были, к счастью, и те, кто знал: Окуджава — талант невероятной силы. Среди таких людей

о заказе Андрея Смирнова, режиссера фильма «Белорусский вокзал», Окуджава написал знаменитую «Нам нужна одна победа». Вначале песня Смирнову не очень понравилась, но присутствовавший на прослушивании композитор Шнитке сказал, что «в этом что-то есть», и позже на основе музыкальной темы Окуджавы сочинил марш, которого в первоначальном замысле картины вообще не было

ва?! А мы думали, что это перевод с японского, и не заказали книги!..»

Удивительно, но слава к Окуджава, который всегда довольно скептически относился к своему вокалу, пришла именно с песнями. Они были простыми, понятными всем, его любили не за сложность и не за патриотизм, а за то, что он записывал рифмами те мысли, что приходили каждому...

был и Андрей Смирнов, режиссер фильма «Белорусский вокзал». По его заказу Окуджава написал одну из своих лучших военных песен, знаменитую «Нам нужна одна победа». Вначале песня Смирнову не очень понравилась, но присутствовавший на прослушивании Шнитке сказал, что «в этом что-то есть», и позже на музыкальной теме Окуджавы сочинил марш, которого в

первоначальном замысле картины вообще не было.

Окуджава продолжал писать, петь, выступать, его мало волновало, что думали о нем современники, да и времена наступали другие — более тяжелые и более легкие одновременно...

В начале восьмидесятых поэт познакомился с Натальей Горленко, выпускницей МГИМО и начинающей певицей и композитором. Ей было слегка за двадцать, ему — под шестьдесят. Но что тут поделаешь? Они стали вместе выступать. Об этом периоде сама Наталья вспоминала так: «Почти два года скрытого подпольного существования, от людских глаз, от соглядатаев, от близких и ему, и мне людей. И потом это тоже было похоже на су-

ближались к Москве, он становился мрачным, грустнела и я. В Москве все другое...»

Булат Шалвович был женат, Наталья тоже была замужем и не так давно потеряла ребенка — он умер сразу после рождения. Может, эта трагедия и сблизила их?

Рядом с ней Окуджава словно становился моложе, кипела всегдашняя его любовь к жизни, достигая своей высшей точки. Любимый тост его был: «Выпьем за это мгновение. Будут другие, но этого уже не будет».

Вместе они провели пять лет. Наталья вышла замуж и уехала в Швейцарию. Окуджава обещал писать, но был тактичен — не писал.

Он вернулся к жене, и вместе они пережили тяжелые времена,

н всю жизнь радовался тому, что празднует свой день рождения вместе со всей страной, отмечающей величайший праздник — 9 мая. И в этом есть справедливость — потому что он тоже был одним из самых важных символов страны...

масшедший дом. Мы постоянно куда-то неслись, меняя поезда и машины. Он особенно раскрывался, когда мы уезжали из Москвы. В дороге, в вагонах, в бесконечном мелькании телеграфных столбов... Даже стихотворение на эту тему написал: «Все влюбленные склонны к бегу...» Но как только мы при-

когда в Америке ему срочно понадобилась операция на сердце, и деньги на нее собирали всем миром. Только вот из России ничего не пришло.

И о больнице, и о выздоровлении Окуджава умудрялся вспоминать с присущим ему юмором: «Иду по коридору и вижу: прямо навстречу мне

идет Ганди. Ничего не могу понять. Подхожу ближе — а это зеркало!»

Пережили Булат Шалвович с Ольгой и последние счастливые мгновения. Она вспоминала: «Мы уехали в наше последнее путешествие совершенно счастливыми... Мы могли себе позволить поехать куда угодно. Для начала выбрали Марбург, город Пастернака, жили там десять дней в частной гостинице. Друзья, Барбара и Вилли, нас баловали. Чудесно встретили его день рождения 9 мая. Дальше предполагался Мюнхен, но Булат сентиментально захотел в Кельн, к Левушке Копелеву и Боречке Бергеру... При встрече они хохотали, пили водку и радовались друг другу, и вся поездка была счастливая — какая-то очень свободная, вольная... Но у Булата был снижен иммунитет, и ему никак нельзя было заболеть гриппом. А Копелев как раз грипповал, и он от него заразился. Лева пережил Булата всего на неделю».

Всю жизнь Окуджава радовался тому, что празднует свой день рож-

дения вместе со всей страной, которая отмечает один из самых важных для себя дней — день Победы. И в этом есть справедливость — потому что он тоже был одним из самых важных символов страны...

...И теперь, проезжая на звенящей «Аннушке» по Покровскому бульвару, проходя по «офонаревшему» и такому немосковскому в своей аляповатости Арбату, мимо сутулого памятника Окуджаве, который словно стесняется сам себя, я вспоминаю строчки, в какой-то мере относящиеся и к самому поэту, ведь и ему на смену пришли другие. Но в этих строках, нет-нет, да и проскользнет сожаление о том, что смены этой никак не избежать...

*Часовые любви на Смоленской
стоят,
Часовые любви у Никитских
не спят,
Часовые любви по Петровке
идут...*

Неизменно часовым полагается смена.

*Эта женщина! Увижу и немею.
Потому-то, понимаешь, не гляжу.
Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
и к цыганкам, понимаешь, не хожу.*

*Напророчат: не люби ее такую,
набормочут: до рассвета заживет,
наколдуют, нагадают, накукуют...
А она на нашей улице живет!*

Читаю мемуары разных лиц.
 Сопоставляю прошлого картины,
 что удастся мне не без труда.
 Из вороха распавшихся страниц
 соорудить пытаюсь мир единый,
 а из тряпья одежды обветшалай —
 блистательный ваш облик, господа.
 Из полусгнивших кружев паутины —
 вдруг аромат антоновки лежалай,
 какие-то деревни, города, а в них
 — разлуки, встречи, именины,
 родная речь и свадеб поезда;
 сражения, сомнения, проклятья,
 и кринолины, и крестьянок платья...
 Как медуница перед розой алой —
 фигуры ваших женщин, господа...
 И не хватает мелочи, пожалуй,
 чтоб слиться с этим миром навсегда.

СЧАСТЛИВЧИК

Александру Сергеичу хорошо!
 Ему прекрасно!
 Гудит мельничное колесо,
 боль угасла,

баба щурится из избы,
 в небе — жаворонки,
 только десять минут езды
 до ближней ярмарки.

У него ремесло первый сорт
 и перо остро.
 Он губаст и учен как черт,
 и все ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
 ездил в карете,
 деньги в долг давали ему
 до самой смерти.

Очень вежливы и тихи,
 делами замученные,
 жандармы его стихи
 на память заучивали!

Даже царь приглашал его в дом,
 желая при этом
 потрепаться о том о сем
 с таким поэтом.

Он красивых женщин любил
 любовью не чинной,
 и даже убит он был
 красивым мужчиной.

Он умел бумагу марать
 под треск свечки!
 Ему было, за что умирать
 у Черной речки.

***

По какой реке твой корабль плывет
до последних дней из последних
сил?

Когда главный час мою жизнь
прервет,
вы же спросите: для чего я жил?

Буду я стоять перед тем судом —
голова в огне, а душа в дыму...

Моя родина — мой последний дом,
все грехи твои на себя приму.

Средь стерни и роз, среди войн
и слез
все твои грехи на себе я нес.
Может, жизнь моя и была
смешна,
но кому-нибудь и она нужна.

***

Кричат за лесом электрички,
от лампы — тени по стене,
и бабочки, как еретички,
горят на медленном огне.
Сойди к реке по тропке топкой,
и понесет сквозь тишину
зари вечерней голос тонкий,
ее последнюю струну.

Там отпечатаны коленей
остроконечные следы,

как будто молятся олени,
чтоб не остаться без воды...
По берегам, луной залитым,
они стоят: глаза — к реке,
твердя вечернии молитвы
на тарабарском языке.
Там птицы каркают и стонут.
Синеют к ночи камыши,
и ветры с грустною
истомой
все дуют в дудочку души...

ВОБЛА

Холод войны немилосерд и точен.
Ей равнодушия не занимать.

...Пятеро голодных сыновей
и дочек
и одна отчаянная мать.

И каждый из нас глядел в оба,
как по синей клеенке стола
случайная одинокая вобла
к земле обетованной плыла,
как мама руками теплыми
за голову воблу брала,

к телу гордому ее прикасалась,
раздевала ее догола...

Ах, какой красавицей вобла
казалась!
Ах, какую крошечной вобла была!
Она клала на плаху буйную голову,
и летели из-под руки
навстречу нашему голоду
чешуи пахучие медяки.
А когда-то кружок звон, как звон
наковален,
как колоколов перелив...

Знатоки ее по пивным смаковали,
королевою снеди пивной нарекли.

по сухому кусочку в сухую
ладонь.

...Пятеро голодных сыновей
и дочек.

Нас покачивало военным ветром,
и, наверное, потому

Удар ножа горяч как огонь.
Вобла ложилась кусочек
в кусочек —

плыла по клеенке счастливая
жертва
навстречу спасению моему.

* * *

Мне не хочется писать
Ни стихов, ни прозы,
хочется людей спасать,
выращивать розы.

За окном трещит мороз
дикий, оголтелый —
расцветает сад из роз
на бумаге белой.

Плещется июльский жар,
воском оплывает,
первый розы красный шар
в небо уплывает.

Пышет жаром злая печь,
лопаются плитки,
соскользают с гордых плеч
лишние накидки.

Раскрываются цветы
сквозь душные травы
из пчелиной суеты
для чести и славы.

И впадают невпопад
то в смех, а то в слезы,
то березы аромат,
то дыханье розы.

* * *

Быстро молодость проходит,
дни счастливые крадет.
Что назначено судьбою —
обязательно случится:
то ли самое прекрасное в окошко
постучится,
то ли самое напрасное в объятья
упадет.

пропадет ни за понюшку ваше
горькое усердье,
лягут ранние морщины
от напрасной суеты.

Так не делайте ж запасов из любви
и доброты
и про черный день грядущий
не копите милосердье:

Жаль, что молодость мелькнула,
жаль, что старость коротка.
Все теперь как на ладони: лоб
в поту, душа в ушибах...
Но зато уже не будет ни загадок,
ни ошибок —
только ровная дорога
до последнего звонка. □

Ирина Опимах

П О ВЕРИТЬ алгеброй Г АРМОНИЮ...

Жорж Сера.
«Эйфелева башня»

15 мая 1886 года в Париже, в пустовавшем помещении на втором этаже дома №1 по улице Лафит, над рестораном «Мэзон Доре», открылась восьмая, и последняя, выставка импрессионистов. В стане бывших друзей шли нескончаемые споры о новом методе — пуантилизме, многие художники отвергали его, а потому решили не участвовать в этой выставке.

В отдельном зале были вывешены картины пуантилистов Камиля Писсарро и его сына Люсьена, Поля Синьяка и Жоржа Сера. Именно их работы и привлекли всеобщее внимание. Во-первых, публику раздражало, что все они очень похожи друг на друга — полотна были покрыты маленькими точками разного цвета, что создавало впечатление однообразия, монотонности. Но больше всего раздражала публику огромная — 2х3 метра — картина лидера нового направления Сера. Называлась она «1884. Воскресный день на острове Гранд-Жатт»

Что же там было такого, что так возбудило парижских ценителей искусства, пришедших на выставку? Вот как описывает картину критик Феликс Фенеон, один из немногих, оценивших работу молодого Сера (художнику тогда было всего 25 лет!): *«Летом, в воскресенье, в четыре часа дня, на островке, мимо которого проплывают лодки, под деревьями гуляет праздничная толпа, радуясь свежему воздуху. На картине около 40 персонажей иератического рисунка; они повернуты в фас, профиль или сидят спиной к зрителю, образуя прямой угол, лежат, вытянувшись по горизонтали, стоят, выпрямившись... Воздух прозрачен и как-то особенно вибрирует, поверхность картины будто колеблется. Это ощущение испытываешь и перед другими картинами этого зала; возможно, оно объяснимо теорией Дове: сетчатка глаза, подготовленная к восприятию отдельных лучей света, воспринимает в очень быстром чередовании и отдельные элементы, и их синтез».* Итак, зрители увидели на картине 48 персонажей, 8 лодок, трех собак и одну обезьянку, которая вызвала не меньше толков, чем когда-то черный кот на «Олимпии» Мане. Всем парижанам было хорошо известно это место — остров Гранд-Жатт на Сене. Здесь парижские буржуа любили проводить выходные дни. Здесь бывали и парижские проститутки. Вот они на картине, эти дамы с удочками, и всем понятно, за каким уловом они сюда

пришли — недалеко от них стоят бравые офицеры... Дама с обезьянкой на переднем плане — наверняка кокетка, содержанка какого-нибудь почтенного банкира, а в центре — девочка в белом платье, как символ чистоты и надежды... Вот такое полотно — этакий срез французского общества, где благовоспитанность и порок — всегда рядом. «Картина очень смешная», — писал известный критик Марсель Фукье. Альфред Стивенс, модный художник, в прошлом близкий друг Мане, собирал публику, отдохавшую в соседнем кафе «Тортони» и вел смотреть на картины Сера, чтобы продемонстрировать, «как низко пал его друг Дега, давая пристанище подобной мерзости». Надо сказать, что посетителей выставки, уже видевших «Завтрак на траве» и «Олимпию» Мане, возбуждал не столько сюжет картины, сколько метод, которым она была написана. И это называется живопись! — хором восклицали они. Ни простые парижане, ни ученые критики не увидели ничего интересного в новом течении. Даже Октав Мирбо, обрабатываемый Писсарро, не смог заставить себя восхититься пуантилизмом Сера. Среди посетителей выставки был молодой Эмиль Верхарн. Ему тоже не понравились картины Сера и его последователей, но еще больше не нравились часто произносимые на выставке слова «шарлатаны», «мазилы». Он хорошо помнил, как совсем недавно такими же эпитетами награждали Мане и

*Жорж Сера.
Пудрящаяся
женщина
(портрет
Мадлен Кноблех,
жены художника).
1889–90 гг.*

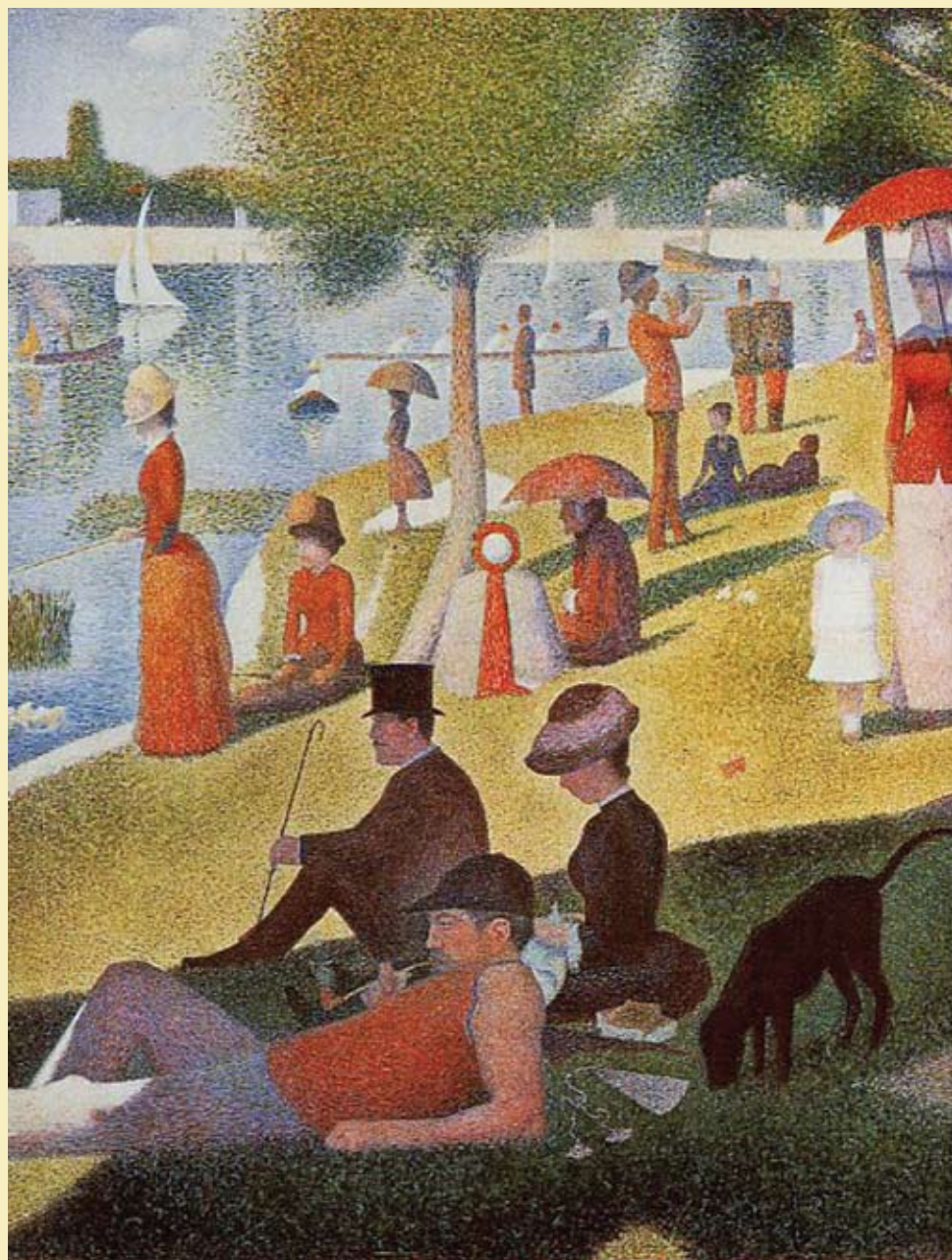

импрессионистов... На следующий день он снова пришел на выставку и — был побежден: «Никаких задержек, равномерная атмосфера, плавные переходы, удивительная неосвязаемость воздуха», — с восхищением писал Верхарн.

К концу XIX века многие уже понимали, что прогресс человечества неразрывно связан с прогрессом науки и техники, с рациональным постижением мира и законов природы. Неудивительно, что и художники стали задумываться о законах оптики, восприятия и воспроизведения цвета. Учась в парижской Школе

изящных искусств, Сера прилежно копировал полотна Энгра, осваивая технику мастера, изучал картины старых мастеров, титанов итальянского Возрождения, и посещал прекрасную библиотеку Школы. И вот однажды он нашел там труд Мишеля-Эжена Шевреля, одного из самых известных ученых того времени, изобретателя стеарина, занимавшего, несмотря на свой преклонный возраст — ему тогда было 92 года, посты директора Музея естественной истории и заведующего красильным цехом на фабрике Гобеленов. Эта книга была опубликована

*Жорж Сера.
«1884. Воскресный день
на острове Гранд-Жатт»*

еще в 1839 году и называлась она «О законе одновременного контраста цветов». В ней Шеврель сформулировал законы контраста цветов, суть которых заключается в том, что в природе есть три основных цвета — синий, красный и желтый, которые при наложении друг на друга дают другие, смешанные тона — например, синий и красный дают фиолетовый. По сути, цвета как такового не существует, он живет лишь в сочетании с другими окружающими цветами. Тщательно разглядывая полотна великих художников прошлого, Сера пришел к выводу, что многие из них интуитивно чувствовали эти закономерности, но использовали их в своем творчестве неосознанно. И он решил создать свой стиль, в котором

будут учтены все завоевания науки. Сера накладывал точки чистых цветов и видел: рядом они воевали друг с другом, но если посмотреть издали, то получалось, что они удивительным образом взаимодействовали, усиливая друг друга, делая тона ярче, выразительнее.

Сера шел к «Гранд-Жатту» несколько лет, экспериментируя с цветом, разрабатывая новые композиции. Создание этой картины было настоящим подвигом — покрыть отдельными точками, просчитанными с математической точностью, огромное полотно площадью шесть квадратных метров! Он посвятил ей два года жизни, сделал 38 эскизов маслом и 23 рисунка. В этой работе отразились не только его опыты с цветом, но и увлечение древнеегипет-

Слева:
Жорж Сера.
«Радуга»

Справа:
Жорж Сера.
«Синьяка.
Дворец
Авиньон»

ским и японским искусством, творениями античных мастеров. Писал он в своей мастерской, маленькой комнате, где даже не мог отойти на нужное расстояние, чтобы оценить, что у него получается — по сути, свою картину Сера увидел только на выставке. Он был буквально одержим ею. Рассказывали, будто Жорж даже просил приятелей подстригать траву на берегу Гранд-Жатта, когда она становилась слишком высокой. Возможно, это и анекдот, но он говорит о личности Сера и об отношении к нему его приятелей и знакомых.

«Воскресный день на острове Гранд-Жатт» стал настоящим манифестом нового движения. *«Я писал так, потому что хотел приблизиться к чему-то новому — к своей собственной живописи!»* — говорил сам Сера.

Феликс Фенеон сразу же оценил значение нового направления. Еще раньше он заметил другую работу Сера — «Купание» и ждал продолжения. И вот теперь Фенеон во всеулышание заявил, что всегда мечтал именно о таком искусстве, и что Сера с его «Гран-Жаттом» предлагает «полную и систематическую парадигму новой живописи». Будущие поколения, продолжал он, запомнят 1886 год, ибо в этот год, после окончания периода главенства Мане и импрессионистов, начался период «неоимпрессионизма».

С тех пор Фенеон стал первым и главным защитником Сера. Он ввел его в бурную жизнь парижской богемы, познакомил с писателями, критиками, поэтами. По вечерам они проводили время в редакциях журналов

Жорж Сера. Фотография

и газет, в маленьких кафе. Им было по двадцать-тридцать лет, и они вдохновенно, страстно искали новые пути в литературе и искусстве.

Несмотря на то, что публике и критикам картины Сера и его коллег не понравились, молодых художников пуантилизм чрезвычайно взбудоражил. А вдруг этот метод войдет в моду? В маленьких и больших мастерских закипела работа. Все старались выпытать у Сера и Синьяка какие-то секреты. Синьяк с удовольствием делился опытом, а Сера замолчал, особенно после того, как его однажды назвали учеником Писсарро — он был очень честолюбив, этот молодой художник, и очень хотел быть первым.

Ему было отведено очень мало времени. Оставшиеся пять лет своей жизни он работал как одержимый, словно предчувствуя — смерть уже рядом...

20 марта 1891 года открылась выставка, на которой Сера планировал выставить свою новую картину «Цирк». Он очень устал: и от сумасшедшей спешки — ему очень хотелось успеть закончить картину к вернисажу, и от развески картин, в которой, как всегда, принимал участие. А через два дня, в четверг, у него заболело горло. «Наверное, простыл по дороге домой», — пожаловался он Синьяку. Болезнь, а это был дифтерит, быстро развивалась. В пятницу он уже лежал в доме родителей, дрожа от непрерывного озноба. В субботу лучше не стало, в жару он бредил — в его воспаленном сознании оживали персонажи его последней картины: бегут по арене лошади, кривляются клоуны... В воскресенье утром произошло кровоизлияние в мозг. Художник еще сопротивлялся, но исход борьбы со смертью был предрешен. 29 марта 1891 года Жорж Сера скончался. Ему исполнился всего тридцать один год! В этот же день полотно «Цирк», ставшее последним в его столь короткой жизни, обрамили черным крепом. Отец Жоржа Антуан-Кризостом Сера устроил сыну пышные похороны...

Тот год был страшным для семейства Сера: через две недели после смерти Жоржа умер его сын, ма-

*Жорж
Сера.
«Цирк»*

ленький Пьер-Жорж, а 24 мая того же года ушел из жизни и отец художника.

Сера умер в возрасте, в котором художник, если только он не Рафаэль, оставляет после себя лишь несбывшиеся надежды и более-менее удавшиеся попытки. Сера же удалось прожить удивительно

цельную жизнь, посвященную искусству, и успеть сказать миру нечто невероятно важное.

Его творчество в целом было непонято современниками, и даже немногие его последователи вскоре отказались от пуантилизма. Да и спустя многие годы после его смерти оно воспринималось неоднозначно.

До сих пор критики спорят о его картинах и методе, о том, возможно ли соединить искусство и расчет, эмоциональный порыв и научный метод. Удивительное дело — Сера это иногда удавалось, причем блестяще, особенно в его несомненном шедевре — в полотне «Воскресный день на острове Гранд-Жатт».

Почти десять лет «Воскресный день...» оставался в семье художника. В 1900 году картину купил парижский коллекционер Казимир Брю, отец художницы Люси Кутюрье, боготворившей Сера. Купил за 800 франков — сегодня просто невозможно в это поверить! А в 1924 году, когда Люси испытывала финансовые трудности, картину приобрел известный коллекционер и член попечительского совета Чикагского института искусств Фредерик Лей Бартед. Люси получила 20 000 долларов. Понятно, что и эта сумма по нынешним временам просто смешная для такого шедевра. Это прекрасно понимал и сам Бартед. «Мы совершили замечательную сделку, — писал он директору Чикагского института искусств. — Картина Сера украсит наше собрание! Каждый ее квадратный сантиметр — шедевр!»

Французы быстро осознали, что упустили национальное достояние, и принялись предлагать весьма немалые суммы, чтобы вернуть творение Сера на родину. Речь шла уже о 400 000 долларов, но не тут-то было — американцы отнюдь не

собирались расставаться со своим приобретением, и картина Сера осталась в галерее Чикагского института искусств.

С тех пор она лишь раз покидала его стены. Это случилось в 1958 году. Картину отправили в Нью-Йорк на большую выставку Сера в Музей современного искусства, знаменитый МОМА. Путешествие шедевра, который уже оценивался в миллион долларов, из Чикаго в Нью-Йорк, в сопровождении специализированной охраны, освещали все газеты Америки — вот картину погрузили в специальный вагон, вот ее в сопровождении кортежа полицейских мотоциклистов везут в МОМА, вот ее выгружают... И наконец, зрители ее увидели. Но вскоре, 15 апреля, все газеты мира писали уже не о том, как была встречена выставка Сера, а о том, что в музее возник пожар: один человек погиб, несколько пострадали. Пострадало и полотно Сера. Картину спасли, но с тех пор было решено: этот выдающийся шедевр французского искусства не должен покидать свой дом, галерею Чикагского института. Так что, если вам захочется увидеть творение Сера, насладиться его удивительным светом, ощутить вибрацию воздуха, словом, совершить путешествие в 1884 год и очутиться воскресным днем на Гранд-Жатт среди истинных парижан, придется лететь в Чикаго. И тогда вы попадете в удивительный мир, созданный большим художником... □

ЖИЗНЬ В ТАНЦЕ

Скорее всего, он родился танцовщиком по склонности и таланту: природа щедро одарила своего сына необыкновенной выразительной пластикой тела, совершенным музыкальным слухом, феноменальной памятью, высоким ростом.

Даже то, что первые годы жизни прошли в далеком чеченском ауле, ничего не изменило в его судьбе. В ауле танцевали все, а этот мальчик — гибкий, стройный, с осиной талией — лучше всех. Без него не обходилась ни одна свадьба, хотя каждый раз приходилось долго уговаривать его отца разрешить сыну танцевать: отец считал это занятие недостойным мужчины и настойчиво отправлял его в горы пасти овец. Но он и там танцевал — один, под аккомпанемент собственного пения.

Махмуд Эсамбаев. Легенда советской сцены. Человек, протанцевавший всю свою жизнь ...

Махмуд Алисултанович Эсамбаев родился в предгорном селении Старые Атаги 15 июля 1924 года. Он танцевал всегда, танцевал с тех пор, как помнит себя. С семилетнего возраста мальчик бойко отплясывал под одобрительный смех и восклицания старших на свадьбах.

Гибкий и пластичный мальчик начинал свой танец с того, что делал молниеносный пируэт на пальцах правой ноги, причем одновременно левой ногой касался головы. Он крутился юлой, мелькая босы-

— Я хочу танцевать, я не могу жить без танцев...

Бикату гладила сына по голове, вселяя в него силы и надежду. Ее сын мечтал стать артистом, и она верила в его талант.

Что ж, в пятнадцать лет он уже был солистом Чечено-Ингушского государственного ансамбля песни и танца в городе Грозном, куда переехала их семья. Наперекор воле отца, считавшего выбор сына недостойным настоящего мужчины, Махмуд Эсамбаев все-таки стал арти-

Он танцевал всегда, танцевал с тех пор, как помнит себя. Гибкий и пластичный мальчик начинал свой танец с того, что делал молниеносный пируэт на пальцах правой ноги, причем левой одновременно касался головы. Он крутился юлой, мелькая босыми пятками и приводя взрослых в восторг

ми пятками и приводя взрослых в восторг.

В большой семье Эсамбаевых никто даже в мыслях не мог послушаться отца. Недовольный увлечением сына, Алисултан отправил его в пастухи. Но Махмуд не унывал, молча выносил оскорбления братьев и побои отца, только в самые тяжелые минуты, пряча красные от обиды и слез глаза на плече своей матери, возбужденно твердил:

стом. Но при этом с трудом окончил лишь шесть классов средней школы.

Когда началась Вторая мировая война, Махмуд вместе с концертной бригадой ансамбля уехал на фронт. Во время одного из выступлений он был ранен в ногу, и в полевом госпитале ему сделали операцию. По воспоминаниям его дочери Стеллы известно, что хирург сказал Махмуду: «Ногу я вам спас, а вот танцевать... вы не сможете». Но Эсамбаев уже

не мыслил себя без танца. И танцевать — смог.

Он не только лечился после ранения, но и не переставал тренироваться, возвращая себя к прежней жизни. Оказавшись в 1943 году в освобожденном Пятигорске, Махмуд так покорила администрацию местного театра оперетты своими танцами, что ему сразу предложили несколько ролей из репертуара, над которым работали актеры-профессионалы. Он танцевал в спектаклях «Роз-Мари», «Холопка», «Раскинулось море широко». Несмотря на молодость танцора, никто из актеров не сомневался в его несомненном таланте.

Окончилась война. Казалось, что все самое плохое в жизни уже по-

зади. Но когда Махмуд вернулся в Грозный, то не нашел ни родных, ни друзей. Сталин принял решение о выселении чеченцев и ингушей с территории их национальной родины. Далее последовал Указ Верховного Совета СССР, который ликвидировал Чеченскую республику. Людей насильственно депортировали 23 февраля 1944 года в Среднюю Азию и в Сибирь. Длится депортация около 13 лет, и для многих се-

мей, в том числе и Эсамбаевых, это было настоящей трагедией. Мать Махмуда не перенесла переселения и умерла, отец тяжело заболел. Горе сблизило отца с сыном.

Когда Махмуда — самородок! — приняли в Киргизский театр оперы и балета, он, увидев замечательных партнеров по сцене, начал упорно

работать над своим телом у балетного станка. Потом это превратилось в ежедневную привычку.

Как писала его дочь Стелла, отец Махмуда, живший с ним в те годы, отмечал упорство и настойчивость сына, и как-то сказал ему:

— Прости старика, сынок, только теперь я понимаю, как я был глуп.

Партии, исполненные Махмудом в спектаклях «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Бахчисарайский фонтан», стали в дальнейшем эталоном хореографии тех лет. Больше 10 лет он работал в Киргизии. О танцоре Эсамбаеве писали в газетах, он стал призером многочисленных фестивалей и конкурсов. Его высоко ценила балерина Г. Уланова. А балетмейстер Большого театра Ю. Григорович говорил, что «каждое выступление Махмуда — это законченный балет».

Но академическая сцена театра не удовлетворяла Эсамбаева: его манило народное танцевальное творчество. Он начал создавать танц-новеллы, посвященные культуре разных народов. Возможно, это случилось еще и потому, что первой мачехой Махмуда была еврейка, обожавшая национальную музыку и танцы, а второй — цыганка (тут уж, как говорится, комментарии излишни).

Эсамбаев создал уникальный мнотеатр танцевальных миниатюр. С программой «Танцы народов мира» он покорила не только Россию, но и весь мир. «На афише пишут «Танцы народов мира», а надо бы — «Наро-

ды мира в танце». Непременно посмотрите Эсамбаева! Танцы Эсамбаева — это театр переживания, а не представления. Каждое выступление мастера на эстраде, каждая его миниатюра — это, я бы сказал, маленький законченный балет», — восторженно отмечал тот же Григорович.

Великая балерина Галина Уланова о танцовщике Эсамбаеве сказала:

«Такие люди, как Махмуд Эсамбаев, встречаются, даже не знаю во сколько лет. Он, по существу, так пластичен, так музыкален и так выразителен... что все, что он исполняет, никто другой не смог бы...»

Когда началась Вторая мировая война, Махмуд с концертной бригадой уехал на фронт. Во время одного из выступлений он был ранен в ногу, и в полевом госпитале ему сделали операцию. Хирург сказал: «Ногу я вам спас, а вот танцевать... вы не сможете». Но Эсамбаев не мыслил себя без танца. И танцевать — смог

Видевшие в исполнении танцора испанский танец «Ля-коррида», индийский ритуальный танец «Золотой бог», таджикский «Танец с ножами» уже не могли забыть полученных ими впечатлений чего-то феерического.

Используя свой феноменальный от природы шаг, склонность к гротеску и редкую мужскую грацию, Махмуд Эсамбаев многие композиции поставил себе сам. Выступая в одиночестве, он искусно и легко подчинял себе любую сценическую площадку, артистично приковывал к себе внимание и удерживал его.

Огромную помощь на протяжении всей жизни оказывала Махмуду его супруга Нина Аркадьевна, врач, с которой он познакомился, когда ему было всего 17 лет. И в трудные, и в радостные минуты их долгой счастливой жизни она всегда была рядом. В 1957 году, после восстановления Чечено-Ингушской АССР, Эсамбаев стал работать в филармонии своей республики.

Махмуд с легкостью мог подчинить себе любую зрительскую аудиторию. В его театре танцев у него не было конкурентов, его композиции не мог повторить ни один актер.

Мало кто знал, что во время репетиций Эсамбаев пользовался секундомером, чтобы выверить каждое движение, придать ему нужную пластичность и эффектность.

Из воспоминаний Махмуда Эсамбаева:

«Вторым браком мой отец женился на еврейке Софье Михайловне. Она меня воспитала. Ее и только ее я считаю своей настоящей матерью. Она звала меня Мойша. И когда в 1944 году чеченцев выселяли с Кавказа, она могла остаться, но сказала:

— Мойша, я еду с тобой, без меня ты там пропадешь.

У нее я выучил идиш и говорил на нем лучше многих евреев. Мы жили

— *Завтра мы идем на свадьбу к Меламедам. Там ты покушаешь гефилте фиш, гусиные шкварки. У нас дома этого нет. Только не стесняйся, кушай побольше.*

На свадьбе я, конечно, танцевал. А потом мама просила:

— *Мойша, а теперь пой.*

Я становился против нее и пел «Варнечекес». Маме говорили:

— *Спасибо Вам, Софья Михайловна, что вы правильно воспитали хоть одного еврейского мальчика, другие же, как русские, ничего не знают по-еврейски.*

Они не подозревали, что я чеченец.

Когда меня приняли в труппу Киргизского театра оперы и балета,

В к/ф
«Земля
Санникова»

Академическая сцена не удовлетворяла Эсамбаева: его манило народное танцевальное творчество. Он начал создавать танцы-новеллы, посвященные культуре разных народов. Возможно, это случилось еще и потому, что первой мачехой Махмуда была еврейка, обожавшая национальную музыку и танцы, а второй — цыганка

во Фрунзе, теперь — Бишкек. Очень голодали. Я уже танцевал и пел еврейскую песню «Варнечекес», любимую песню мамы. Она меня и научила. И когда у местных богатых евреев был какой-либо праздник, маму и меня приглашали. Мама говорила:

мама не пропускала ни одного спектакля с моим участием...»

В 1961 году состоялся дебют Эсамбаева в кино, и не только как актера, но и как сценариста. Он написал сценарий к телеспектаклю, фильму-балету «В мире танца», а

вскоре последовала и главная роль Ишкоева в киноленте «Я буду танцевать». В экранизации балета Петра Чайковского, в фильме-балете «Лебединое озеро» в постановке режиссеров Аполлинария Дудко и Константина Сергеева мастер исполнил одну из главных партий — злого волшебника Ротбарта.

Режиссеры Альберт Мкртчян и Леонид Попов пригласили Махмуда Эсамбаева на одну из главных ролей в приключенческо-романтической драме «Земля Санникова». Махмуд изображал Черного шамана в окружении туземок — полуголых примдонн бурятских театров, отпугивая своими завораживающими танцами героев хождения к земле Санникова.

Профессиональной победой в кино маэстро танцев стала и роль придворного Музыканта «Несравнейшего» Иги-Наш-Туш у режиссера

Геннадия Васильева в музыкальном фильме-сказке о волшебном Городе веселых тружеников «Пока бьют часы», да и неугомонный «Огонь» в сказке-комедии Юрия Победоносцева «Честное волшебное» был в исполнении Эсамбаева весьма убедителен.

Велик был масштаб его личности. Эсамбаева любили, его обожа-

ли за талант, режиссеров покоряла внутренняя мощь актера. Елизавета Кимягарова пригласила танцовщика на роль казначея в «Приключения маленького Мука» по мотивам произведения Гауфа, но и в этой, немного необычной для него роли, Эсамбаев был превосходен.

Со своей программой «Танцы народов мира» Махмуд Эсамбаев сумел покорить не только Россию, но и весь мир. При жизни его вклад в культуру был оценен по заслугам. Он стал народным артистом не только СССР, но еще восьми республик. Эсамбаев неоднократно избирался президентом Международного союза деятелей эстрадного искусства. Однако, даже став академиком Международной академии танцев, Героем Социалистического труда, депутатом Верховного Совета СССР, а потом и РФ, он всегда вникал в проблемы простых людей. У него была удивительная черта — он умел примирять людей, независимо от их национальности, веры и образа жизни.

В одном из позднейших интервью Эсамбаев с горечью сказал:

— Знаете, в чем была сила Советского Союза? В том, что мы не считали, кто какой национальности, просто наши национальные песни и танцы многоголосием вливались в общую гамму песни. Песни, танцы народов, как блески, собирались в один огромный бриллиант. Поэтому нас восторженно встречали везде, поэтому в Америке люди не спали

ночами, хотели попасть на наши концерты. Сейчас в Америке никто не стоит за билетами по ночам в очереди, чтобы насладиться нашим искусством. Мы себя сами опозорили на весь мир. Был у нас крепкий кулак, теперь получился — шиш.

А он знал, о чем говорил. Популярный солист эстрадной сцены 50–70-х годов, герой светских хроник последних лет XX века, Махмуд

Балет
«Лебединое
озеро»

Огромную помощь на протяжении всей жизни оказывала Махмуду его супруга Нина Аркадьевна, врач, с которой он познакомился, когда ему было всего 17 лет. И в трудные, и в радостные минуты их долгой счастливой жизни она всегда была рядом

Эсамбаев был не только мастером танца, но и великим человеком, который через свое искусство приобщал людей к гуманизму. При этом он никогда не скрывал свою национальную принадлежность, даже в самые тяжелые для чеченского народа времена. Его неизменная национальная папаха из отборного каракуля была столь же приметной, как и другой предмет его гордости — осиная, до самой старости, талия...

В 1995-м году Махмуд в присутствии «сильных мира сего» проклял разжигателей чеченской войны. Вот

какую историю рассказал чеченский литератор и журналист Руслан Наршхоев:

«После спектакля в Большом театре в Москве фуршет был. Махмуд в папахе, галстук, как всегда, подтянутый, но грустный, в очень депрессивном состоянии.

«Скажи?» Махмуд не решался. Но в конце концов, когда его доняли, он сказал очень грубые, но точные слова:

— Пусть сдохнут все, кто начал войну.

Передохнул и добавил:

— И все, кто за это не выпьет.

И все выпили...»

Махмуд Эсамбаев пострадал от этой войны в точности так же, как сотни тысяч его соотечественников: остался нищим и бездомным. Ютился с семьей в однокомнатной квартире в Москве, принадлежавшей его дальним родственникам, но ничего не просил у московских властей, хотя был лично знаком со многими вы-

цетров. Все это пропало в один день, причем не в результате бомбежки или военных действий, а в ходе элементарного ограбления. Своими же соотечественниками.

А между тем, к нему всегда одинаково хорошо относились и в Чечне, и в Москве, независимо от того, как складывались отношения чеченцев и русских. Наверное, потому, что вопрос о национальности

К нему всегда одинаково хорошо относились и в Чечне, и в Москве. Наверное, потому, что вопрос о национальности никогда не был для него главным. Он не заглядывал человеку в паспорт — только в глаза. А еще старался сеять добро между народами, что особенно ярко проявлялось во время чеченской войны

сокими должностными лицами.

В Грозном он потерял дом и все свое имущество — костюмы, картины, коллекции. Того, что имел Эсамбаев, не было ни у одного артиста Советского Союза, средств от продажи только сценических костюмов хватило бы, чтобы построить в Москве целую улицу. Например, на одном из его костюмов было найдено более 1200 бриллиантов. Плюс ко всему, многочисленные подарки, которые он получал в разных странах после своих гастролей и кон-

никогда не был для него самого главным. Он не заглядывал человеку в паспорт — всегда только в глаза. А еще старался сеять добро между народами, что особенно ярко проявилось во время русско-чеченской войны.

«Видно, есть у меня в душе тот камертон, который позволяет мне настраиваться на любовь ко всем. Никто не будет любить тебя, если ты сам никого не любишь. Люди — не арбузы, их не надо выбирать — этот лучше, тот хуже. Надо относиться к

культуры. Сам он об этом рассказывал с большим юмором:

«Джохара Дудаева я знал очень хорошо. Ведь по его просьбе я стал министром культуры Чечни и пробыл на этом посту целых 10 дней. Успел за это время немало: заплатил работникам зарплату, которую те не получали 7 месяцев, снял с работы двух заместителей министра за взятки. А потом попросил Игоря Моисеева дать мне телеграмму, что меня вызывают на конкурс, поехал в Москву, оттуда позвонил Дудаеву:

— Джохар, я с большим уважением к тебе и к народу, но я не чиновник, быть министром — не моя сфера, не мое дело, сидеть в кабинете я не смогу».

В одном из интервью Эсамбаев сказал: «Знаете, в чем была сила Советского Союза? В том, что мы не считали, кто какой национальности, просто наши национальные песни и танцы многоголосием вливались в общую гамму песни, собирались в один огромный бриллиант. В Америке люди не спали ночами, хотели попасть на наши концерты. Сейчас никто не стоит за билетами по ночам в очереди, чтобы насладиться нашим искусством. Был у нас крепкий кулак, теперь получился — шии»

ним, как к равным. Я к людям с уважением, и они ко мне тоже».

Но только на обычном человеческом уровне. Мало кому известно, что при Джохаре Дудаеве Махмуд Эсамбаев был назначен министром

И все же, при всей такой нелюбви к «руководящим должностям», Эсамбаев постоянно избирался депутатом ВС Чечено-Ингушской АССР, ВС РСФСР, ВС СССР. А как же — такой великолепный символ

интернационализма! Был президентом Международного союза деятелей эстрадного искусства. При его активной поддержке в Грозном строились новые здания драматического театра и цирка...

С 1966 года он был народным артистом РСФСР, с 1969 года — народным артистом Киргизской ССР, с 1974 года — народным артистом СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1984 года за выдающиеся заслуги в развитии советского хореографического искусства и в связи с шестидесятилетием со дня рождения народному артисту СССР Эсамбаеву Махмуду Алисултановичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Трижды лауреат различных международных конкурсов. Кавалер ордена Отечественной войны II степени, ордена Дружбы (народов за выдающиеся достижения в искусстве танца и плодотворную общественную деятельность), ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени (за выдающийся вклад в развитие искусства танца).

... В Чечне шла война, а в Москве спокойно ходил по улицам едва ли не самый почитаемый в Чечне человек. И здесь к нему относились с добром и уважением:

«...Выхожу на улицу и ощущаю добрые взгляды москвичей. Вчера, например, было холодно (я — мерзляк, для меня один градус мороза —

уже Сибирь), но пошел за брынзой. Занимаю очередь, жду. Передо мной человек пять-шесть. И вдруг они чуть ли не хором:

— Почему вы, товарищ Эсамбаев, стоите в очереди, подойдите, возьмите, вам же холодно, вы не

должны стоять, вы — наш теплый цветок.

Тут включилась продавщица:

— Вы — герой, ну подойдите, я вас отпущу.

Не скрою, все это мне приятно. Я никогда свои регалии не использую для получения каких-либо благ, льгот. Регалии нужны для похорон, чтобы все видели, чего ты в этой жизни добился, чем был отмечен.

кивая, что у нас есть возможность сделать шаг навстречу друг другу?

До недавних пор я еще предполагал, что придираюсь к ТВ. Но вот прошел мой 70-летний юбилей, четыре часа меня чествовали в торжественной обстановке, говорили много хороших слов, было много друзей и много цветов. И вот уже полтора года пленка лежит, хотя с меня и 25 тысяч долларов за полуторачасовой

«Воюем потому, что попытались разъединить народы. Этого делать не надо. А телевидению лучше показывать, как мы друг к другу относимся, все хорошее, что есть в наших отношениях, подчеркивая, что у нас есть возможность сделать шаг навстречу друг другу»

Для человека главное не погони, не награды, а доброта...

...Если бы я был президентом, министром, разве допустил бы войну? Воюем потому, что попытались разъединить народы. А этого делать не надо.

Кстати, все это подогревается телевидением. Оно, на мой взгляд, разжигает войну больше, чем кто бы то ни было. Зачем показывать одно и то же по тысяче раз? Не лучше было бы показать, как мы друг к другу относимся, все хорошее, что есть в наших отношениях, подчер-

фильм. Я обращался — никакого результата. Сегодня такая архаика, как Эсамбаев, не нужна. Для Эсамбаева времени нет. Даже за его собственные деньги...»

Судя по всему, нет времени у телевидения и для чеченских, татарских, грузинских, армянских песен и танцев. К сожалению. Ответ стандартный: «Не формат». Великая певица Людмила Зыкина незадолго до смерти в ответ на просьбу о персональной телепередаче услышала то же самое... И Муслим Магомаев... И многие другие...

Не формат, однако.

Махмуд Алисултанович Эсамбаев ушел из жизни 7 января 2000 года на 76-м году жизни, похоронен

маэстро танца в Москве на Мусульманском кладбище, филиал Даниловского кладбища.

Жена пережила его на два года.

P.S. 17 июля 2008 года состоялось торжественное открытие памятника танцору Махмуду Эсамбаеву в Грозном, приуроченное к 84-й годовщине со дня его рождения. Памятник установлен у здания Республиканского центра культуры и искусств. Скульптура изготовлена жителем села Бено-Юрт Асланом Тимерхановым и преподнесена министерству культуры Чеченской Республики в подарок.

11 августа 2009 года проспект Революции в Грозном переименован в проспект имени Махмуда Алисултановича Эсамбаева. Это бесплатно сделано властями.

А тем временем по телевидению с успехом показывают «Шоу уральских пельменей»...

*Памятник
на могиле
М. Эсамбаева*

*Памятная
скульптура
М. Эсамбаева
в г. Грозном
у здания
Республиканского
центра культуры
и искусства*

Алла Зубкова

ПОЛЁТ

ГЕНИЯ

Музыка его узнается с первых нот и потрясает своей мощью и красотой. Он — автор легендарных балетов — «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Каменный цветок», опер — «Любовь к трем апельсинам», «Война и мир», «Дуэнья», создатель музыки к двум фильмам Эйзенштейна — «Александр Невский» и «Иван Грозный». Талантом его восхищались и знакомством с ним гордились В. Маяковский, Ф. Шляпин, С. Дягилев, Ф.Г. Лорка, Ч. Чаплин, М. Дитрих и У. Дисней.

Будущий композитор появился на свет 23 апреля (по новому стилю) 1891 года в деревне Сонцовка, неподалеку от нынешнего Донецка. Его отец, закончивший московскую сельскохозяйственную академию, управлял там имением своего товарища по академии по фамилии Сонцов. Усилиями старшего Прокофьева хозяйство стало приносить немалый доход, и сам управляющий со своей семьей жил в Сонцовке фактически на правах помещика. Мать маленького Сережи происходила из крестьянской семьи, правда, сам композитор в своей «Автобиографии» пишет, что его бабушка по материнской линии родилась от шведского графа Инстедта, иммигрировавшего в Россию. Все богатство своей незаурядной творческой натуры, все свои знания и силы мать вложила в воспитание единственного

сына. Был ли Сережа вундеркиндом? Нет, в том смысле, что он не сочинял симфонии и сонаты до того, как научился ходить, хотя еще крохой мог подолгу слушать произведения Бетховена, Моцарта и Шопена в исполнении матери. Впрочем, в пять с половиной лет он уже сочинил свою первую пьеску, которую назвал «Индийский Га-

Жизненный путь его не был прям и прост. Проведя более 15 лет за границей, он вернулся в СССР почти в разгар репрессий 30-х. Шесть раз удостоивался композитор Сталинских премий, но его отношения с властью носили сложный характер. Последние же годы его жизни были отмечены едва ли не печатью трагизма.

лоп», а мать помогла ему записать ее. За ним появились «Вальс», «Марш» и «Рондо». Проявления таланта мальчика были многообещающи, однако родители задумывались о всестороннем развитии своего ребенка. Когда решено было пригласить в дом гувернантку, мать Сережи в поисках настоящей француженки добралась даже до Варшавы. Глава семьи сам занимался с сыном математикой и естественными науками.

В начале 1900 года Сережа вместе с матерью впервые приехал в Москву. Особенно большое впечатление произвело на мальчика посещение Большого театра — оперы «Фауст» и балета «Спящая красавица». Вернувшись в Сонцовку, он уже к лету написал собственную оперу — «Великан». Разумеется, произведение это было во всех отношениях детским, но для автора оно значило очень много. На следующий год «Великан» был поставлен в имени Сережиного дяди А.Д. Раевского. Многочисленная родня бурно аплодировала юному композитору, а дядя сказал: *«Ну, Сережа, когда тебя будут давать на императорской сцене, помни, что первый раз твоя опера была исполнена в моем доме».*

Мальчик подрастал, и о его музыкальном образовании пора было подумать всерьез. В конце 1901 года семья вновь посетила Москву. Сережу показали известному композитору, профессору консерватории С.И.Танееву. Маститый музыкант радушно встретил юного «коллегу», угостил его шоколадом, а после прослушивания заявил родителям, что у ребенка выдающиеся способности, и посоветовал им пригласить музыканта-профессионала, который проводил бы в Сонцовке летние месяцы, за-

нимаясь с Сережей гармонией и другими дисциплинами. Он сам и подыскал такого педагога. Р.М. Глиэр, молодой композитор, будущий автор известного балета «Красный мак», в течение двух сезонов занимался с Сережей, необычайно расширив музыкальный кругозор юного сочинителя. Занимался он с мальчиком и фортепиано, исправив некоторые недостатки его техники. Интенсивные занятия музыкой сочетались с отдыхом и развлечениями — Сережа много плавал, занимался верховой ездой, обожал ходить на ходулях и довольно рано научился играть в шахматы, обучив заодно всех окружающих.

Он вообще рос в атмосфере обожания со стороны немолодых родителей, бабушки, одинокой тети Тани, которая возила в Петербург переплетать в красную кожу, тисненную золотом, его детские сочинения. Конторщик Ванька линовал для него нотную бумагу, а гувернантка переписывала неряшливые каракули. И все-таки детство заканчивалось, наступала новая пора — осмысления себя и своего места в окружающем мире.

Зимой 1904 года родители, не без колебаний, решили отдать сына в Петербургскую консерваторию. Для этого семье пришлось разделиться. Мальчик не мог жить в Петербурге без матери, отцу же необходимо было оставаться в имени. Однако ради блага сына Прокофьевы были готовы и не на такие жертвы. Тринадцатилетний подросток с удивительной легкостью сдал приемные экзамены, и это при том, что среди абитуриентов были люди, которым шел уже четвертый десяток. На комиссию произвела ошеломляющее впечатление плодови-

тость юного композитора — четыре оперы, симфония, две сонаты и множество фортепианных пьес. Сергей был принят в класс гармонии известного композитора профессора Лядова. Экспансивному подростку занятия с маститым музыкантом казались чересчур сухими и не очень интересными. Приобретенная с детства черта иметь обо всем собственное мнение с годами усиливалась, и юный студент снискал репутацию задир. Упорное нежелание считаться с авторитетами порой задевало преподавателей: «Не вам у меня учиться, а мне у вас», — порой ехидничал тот же Лядов. Впрочем, резкость и фрондерство не мешали Сергею выделяться среди остальных студентов своим ярким талантом, любознательностью и чувством юмора. Интеллектуально он во многом превосходил сверстников, однако в некоторых вопросах был чрезвычайно наивен. Отношения полов для него и в четырнадцать были тайной за семью печатями. Выросший в деревне подросток был убежден, что *«петухи откладывают более крупные яйца, чем курицы»*.

Шло время. Обучение в классе композиции подходило к концу. Однако, получив диплом и звание «свободного художника», Прокофьев решил продолжать свое образование как пианист. Весной 1914 года он с триумфом окончил консерваторию. Приняв участие в конкурсе пианистов, добился престижной премии имени основателя консерватории Антона Рубинштейна — получил денежный приз и великолепный рояль фирмы «Шредер».

Страсть к шахматам с годами не исчезла. Играл он, где и с кем только можно, серьезно изучал шахматную

литературу. Когда в Петербург на турнир приехал Э. Ласкер, Сергей помчался встретить его на вокзал, спешно записался на сеанс одновременной игры и свел вничью партию с чемпионом. Несколько лет спустя ему даже посчастливилось выиграть во встрече с Х.Р. Капабланкой.

В музыкальном мире Прокофьев становился все более популярным. Во время своей поездки в Лондон летом 1914 года он познакомился с Шаляпиным и Дягилевым, который стремился привлечь его к работе в своей антерпризе. Но началась Первая мировая война. Прокофьева не взяли на фронт, как «единственного сына при матери — вдове».

Молодой музыкант стал широко концертировать, а его «Скифская сюита» своей новизной и смелостью вызвала острую полемику в прессе. Он познакомился с Горьким и Маяковским. «Мы не столь богаты, чтобы подковывать золотыми гвоздями солдатские сапоги», — говорил Горький, добиваясь освобождения Прокофьева от военной службы во время правления Керенского. Както встретив Маяковского в московском «Кафе поэтов», Прокофьев целый вечер играл ему. В свою очередь, В.В. читал свои стихи, а на прощание подарил композитору свою поэму «Война и мир» с надписью — «Председателю земного шара от секции музыки — председатель земного шара от секции поэзии. Прокофьеву — Маяковский».

Октябрьскую революцию Прокофьев встретил, мягко говоря, настороженно. Музыкант опасался, что его искусство не будет востребовано, поэтому всеерьез задумывался об отъезде за границу. Помог случай: на премьере его

на американскую публику. «*Это один из самых поразительных пианистов ... стальные пальцы, стальные запястья, это звуковой стальной трест*», — восхищались газеты.

Концертную деятельность Прокофьев сочитал с работой над новыми произведениями — за довольно короткий срок сочинил оперу «Любовь к трем апельсинам» на сюжет сказки Карло Гоцци и балет «Сказка про шута» для дягилевской антерпризы. В Нью-Йорке он познакомился с молодой певицей Каролиной Кодиной, которая выступала под псевдонимом Льюбера. Лина, как называли ее близкие, обладала красивым сопрано и была необычайно привлекательна. Небольшого роста, очень изящная брюнетка, с черными выразительными глазами, она относилась к тому типу женщин, который особенно нравился Прокофьеву. Отец ее был испанец, мать — наполовину француженка, наполовину поляк. Лина восхищалась музыкой молодого композитора. К тому же, Сергей покорила ее своим остроумием, каким-то лишь ему свойственным шармом. И даже его недостатки — избалованность, упрямство, не всегда добродушная ирония и стремление всегда быть в центре внимания не могли испортить впечатления. Они полюбили друг друга и несколько лет спустя, уже переехав в Европу, узаконили свои отношения. Это произошло в немецком курортном городке Эттель, расположенном на склонах Баварских Альп осенью 1923 года. А в феврале следующего года у них родился первый сын Святослав. Случилось это уже в Париже, куда Сергей Сергеевич перебрался с женой и приехавшей к нему из России матерью.

«Классической симфонии» композитора представили народному комиссару просвещения Луначарскому. «Вы — революционер в музыке, а мы — в жизни, нам надо работать вместе», — с пафосом заявил наркомпрос. Тем не менее, когда Прокофьев сказал ему о своем желании пожить за границей, Луначарский счел возможным исполнить его просьбу. Прокофьев получил заграничный паспорт и командировку «по делам искусства и для поправки здоровья». Он и в самом деле не собирался покинуть Россию навсегда. Просто, исполненный надежд, наделенный невероятно динамичной натурой, верил в свою звезду и считал, что способен покорить всю планету.

«Завоевание мира» началось с Америки. Прокофьев-композитор был в Новом Свете совершенно неизвестен, поэтому он мог рассчитывать лишь на свой талант пианиста. Его головокружительная феноменальная виртуозность произвела огромное впечатление

Слева:
**Сергей
Прокофьев**
*с первой женой
Каролиной
Кодиной*

Справа:
**Лина
Прокофьева**
*с сыновьями
Святославом
(слева)
и Олегом*

Здесь они прожили двенадцать лет. Семья не сразу нашла постоянное место жительства. Прокофьевы кочевали с квартиры на квартиру, у них вечно возникали проблемы с соседями, которых беспокоила фортепианная игра Сергея. Управляющий одного дома категорически потребовал прекратить занятия. *«Хорошо, — ответил Прокофьев, — вы не хотите слушать музыку, но я имею право делать у себя, что хочу, и вместо музыки буду сколачивать ящики».* И действительно, поставив ящик на пол, принялся колотить по его крышке молотком. Этим дело и кончилось — соседи махнули рукой и смирились. Что ж, времена меняются, и в наши дни одна из улиц Парижа названа именем великого композитора.

Прокофьев много и плодотворно работал. Каждое исполнение его произведений перерастало в крупное событие культурной жизни. В Париже он общался с художниками Петровым-Водкиным и Бенуа. Гениальный Ма-

тисс написал его портрет. Среди его знакомых были шахматисты Алехин и Капабланка, а в Биаррице партнерами по бриджу — Шалапин и Чаплин.

География его зарубежных гастролей — почти весь мир, и везде маэстро встречали с неизменным восторгом. Он посетил даже Гавану, где познакомился с испанским поэтом Федерико Гарсиа Лоркой, который оказался поклонником его музыки.

Летом 1925 года Прокофьев неожиданно получил от Дягилева заказ на балет о Советской России. Дягилев предложил и броское название — «Стальной скок». Балет должен был отразить происходящие в стране революционные перемены. Премьера состоялась в мае 1927 года на сцене театра Сары Бернар. Присутствовали Равель, Стравинский, Пикассо, а вскоре лондонскую премьеру посетили и члены королевской семьи. В последней части балета на сцене жужжали станки, вращались колеса, трансмиссии и

валы. Танцоры изображали ритмично работающих людей. После премьеры Прокофьев был провозглашен «апостолом большевизма». Впрочем, его это отнюдь не смущало, напротив, радовало, что в Советском Союзе в эти годы его музыка завоевывает все большее признание.

В январе 1927 года после долгих переговоров Прокофьев с женой приехал в СССР. Ему был оказан на редкость сердечный прием. Почти двухмесячная поездка была наполнена концертами, посещениями театров. На спектакле «Любовь к трем апельсинам» в Мариинке в ложе с Прокофьевым сидел Луначарский, который сравнивал музыку оперы с бокалом шампанского. В 1929 и 1932 годах композитор вновь посетил Советский Союз и во время последнего визита принял окончательное решение о переезде в Россию. Однозначного ответа на вопрос о причине подобного решения, наверное, не существует. Видимо, сыграл свою роль творческий кризис, который в это время переживал композитор. Не следует сбрасывать со счетов и экономические трудности, в тисках которых задышалась тогда Европа — до музыки ли тут было? Но главное, разумеется, — тоска художника по родине. Пожалуй, лучше всего это выразил сам маэстро в беседе с одним французским музыкантом: «Воздух чужбины не идет впрок моему вдохновению, потому что я — русский, а самое неподходящее для такого человека, как я, это жить в изгнании ... В ушах моих должна звучать русская речь, я должен говорить с людьми моей плоти и крови, чтобы они вернули мне то, чего

мне здесь недостает: свои песни, мои песни».

Некоторое время жизнь Прокофьева проходила в постоянных разъездах между Москвой и Парижем, но к лету 1936 года переезд завершился. В Москву перебрались и Лина с двумя сыновьями (младший, Олег, родился в 1928 году). Прокофьевы получили большую удобную квартиру в престижном доме на улице Чкалова.

Его буквально заваливали заказами для театра и кино. Композитор написал музыку к кинофильму «Поручик Киже», сочинил для детей симфоническую поэму «Петя и волк». Но самой крупной его работой после переезда в Москву стал балет «Ромео и Джульетта» по трагедии Шекспира. Композитор создал его в рекордно короткий срок — в течение лета 1935 года. В это трудно поверить, но «Ромео», который сегодня является одним из самых знаменитых балетов XX века, вызвал острую критику со стороны балетмейстеров и исполнителей ленинградского Кировского театра, утверждавших, что под такую музыку невозможно танцевать. Это мнение разделяла и Галина Уланова, которая позднее называла Джульетту своим любимейшим образом. По театру ходила переиначенная строка из трагедии Шекспира: «Нет повести печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете». За несколько недель до премьеры труппа даже угрожала бойкотом. Тем не менее, спектакль состоялся и имел колоссальный успех. Уланова вспоминала, как после одного из спектаклей она с Прокофьевым присутствовала на банкете, и Сергей Сергеевич пригласил ее танцевать. Это был самый обычный фокстрот, но Проко-

фьев, по своему обыкновению, исполнил его в ритме, который слышал он один. К счастью, великая балерина сумела приспособиться к манере своего удивительного партнера, и все закончилось благополучно.

В 1938 году сбылась мечта Прокофьева о сотрудничестве с гениальным кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном. Он с наслаждением занимался сочинением музыки к фильму «Александр Невский» и настолько тонко чувствовал замысел режиссера, что иногда писал музыку к сценам до того, как они снимались. В том же 1938 году Прокофьев совершил свою последнюю концертную поездку за границу — в Европу и США. В Штатах, в Голливуде, он встретился с Марлен Дитрих и Уолтом Диснеем, который отдал дань восхищения его творчеству, экранизовав прокофьевского «Петю и волка».

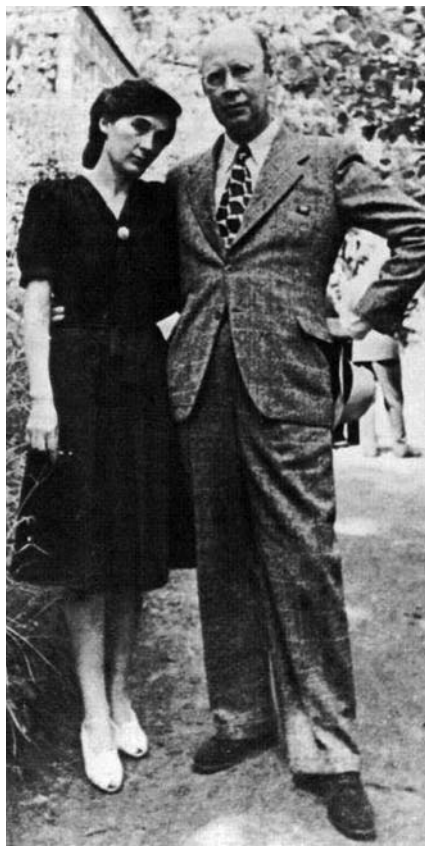
Композитор искренне пытался включиться в новую и пока непонятную ему жизнь на родине. Порой брался за непривычные для себя темы и жанры, даже работал над гимном СССР, но оба предложенных им варианта отклонили. Политикой он не интересовался. Нет, он не был особым поклонником коммунистического режима, но советская власть давала ему возможность спокойно работать, и он старался не замечать известные ему страшные факты.

В 1939 году в личной жизни Прокофьева произошла встреча, изменившая всю его дальнейшую жизнь. Он познакомился со студенткой — выпускницей московского Литературного института Мирой Мендельсон. Сорокавосьмилетний композитор без памяти влюбился в девушку, которая была вдвое моложе

его. Он оставил семью и переехал к Мире, в маленькую коммунальную квартиру, где она жила со своими родителями. Для Лины, не сумевшей полностью приспособиться к реалиям советской жизни, уход мужа стал настоящей трагедией. Она так и не смогла простить Сергея Сергеевича, долгие годы продолжавшего помогать своей первой семье.

Во время Великой Отечественной войны, живя в эвакуации — в Нальчи-

Сергей Прокофьев со второй женой — Мирой Мендельсон

ром — фильмом об Иване Грозном. Как и в «Александре Невском», режиссер, доверяя композитору, снимал отдельные сцены под уже готовые музыкальные фрагменты.

В 1943 году Сергей Прокофьев получил свою первую Сталинскую премию и в дальнейшем удостоивался этой награды еще пять раз.

Композитор радостно встретил окончание войны. К сожалению, тот же 1945 год был отмечен резким ухудшением его здоровья. При случайном падении он сильно ушиб голову и получил сотрясение мозга, которое спровоцировало тяжелейшую гипертоническую болезнь. Он попал в больницу и надолго вышел из строя. Единственно, что согревало ему сердце, это постановка его нового балета «Золушка» на сцене Большого театра. Кризис миновал, но здоровье Прокофьева оставляло желать лучшего. Увы, это было не единственной причиной для тревог и тяжелых переживаний. Роковым стал для композитора 1948 год. Вслед за выдающимися деятелями литературы, театра и кино, обвиненными в «формализме», чуждости народу и прочих смертных грехах, очередь дошла до композиторов. Под руководством А. Жданова началась кампания критики, а попросту шельмования крупнейших советских композиторов — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна и некоторых других. В официальных документах и протоколах «проработочных» собраний о выступлениях Прокофьева нет ни слова. Однако в музыкальных кругах Москвы ходили истории о том, что он, якобы, вел себя весьма вызывающе. Рассказывали, к примеру, что во вре-

ке, Тбилиси и Алма-Ате, Прокофьев ни на день не прекращал работы. Он приступил к созданию своей грандиозной оперы «Война и мир». В мае 1942 года в Алма-Ате вместе с Эйзенштейном трудился над их вторым общим шедев-

мя доклада Жданова он сидел, повернувшись к нему спиной. Согласно другой версии, во время заседания он болтал с соседом. Кто-то из партийных функционеров строго заметил: «Если предложения товарища Жданова вам не интересны, никто вас здесь не задерживает». Прокофьев встал и вышел из зала. Скорее всего, это красивые легенды. Прокофьев был смелым человеком, но не самоубийцей. Он очень хорошо понимал, что происходит вокруг. Недаром, по свидетельству сына, как раз в это время у себя на даче на Николиной Горе он сжег любимые им романы В. Набокова и комплекты журнала «Америка».

В том же 1948 году Прокофьева настиг еще один тяжелый удар. Арестовали его первую жену. Последние годы Лина работала переводчицей и часто общалась с западными дипломатами и журналистами. К тому же, у нее было немало родственников за границей, и она несколько раз подавала прошение о выезде с сыновьями из СССР. Разумеется, ей было в этом отказано. Арестовали ее по обвинению в шпионаже и измене родине. Прокофьев испытывал чувство глубокой вины перед женой, ведь именно он убедил Лину приехать в Москву, кроме того, его уход из семьи сделал ее менее защищенной. Помочь ей Сергей Сергеевич ничем не мог. Кстати, позднее Лина вспоминала, что во время допросов следователи называли Прокофьева «предателем» и «белым эмигрантом». Но если самому композитору арест не грозил, то кислород ему, что называется, перекрыли все-таки основательно. Его произведения теперь исполняли крайне

редко, бывали случаи, когда концерты отменяли. Материальное положение его и Миры значительно ухудшилось, а глубокая депрессия лишь усугубляла плохое самочувствие. Однажды на вопрос Миры, что у него болит, он с переданной тоской ответил: «Душа». Слышать это от всегда энергичного и жизнерадостного Прокофьева было непривычно и страшно.

Очень поддерживала его дружба с двумя выдающимися музыкантами — С.Т. Рихтером и М.Л. Ростроповичем. Рихтера он называл «лучшим пианистом в Советском Союзе и на всем круглом земном шаре». Ростропович, тогда еще совсем молодой человек, в течение нескольких лет проводил летние месяцы на даче композитора и, как мог, поддерживал его.

Сергея Сергеевича Прокофьева не стало вечером 5 марта 1953 года. В этот же день скончался Сталин. Следующие дни газеты не выходили, поэтому о смерти великого композитора знали лишь люди из его близкого окружения. Прощание проходило в здании Союза композиторов 6 марта. Достать цветы было практически невозможно, и друзья приносили домашние, в горшках. Рихтер положил на край гроба своего друга ветку сосны. Похороны состоялись на следующий день на Новодевичьем кладбище. Так закончилась жизнь одного из самых ярких гениев XX века.

Лины Прокофьевой на похоронах не было, она находилась в одном из сибирских лагерей. В Москву она вернулась только в 1956 году, а скончалась в Лондоне в 1989 году. Мира пережила мужа на пятнадцать лет. □

Пантелеймон
Романов

Терпеливый Народ

По борьбе с грязью была объявлена неделя чистоты, и около бань выстроилась длинная очередь с узелками и вениками под мышками.

Ожидающие нахохлились под дождем и, топчась по грязи, чтобы отогреть ноги, стояли, ожидая, когда откроется дверь и впустят следующую партию.

— Теперь мыть еще всех затеяли, вот каторга-то, — сказал кто-то.

— Ведь это что за подлость: гонят народ силком, да и только. Говорят, у кого расписки из бани не будет, тому обеда выдавать не будут.

— А мыло дают? — спросил обросший волосами человек, проходивший мимо и задержавшийся на минуту, чтобы в случае отрицательного ответа идти дальше.

— Дают, — сказал кто-то неохотно, — по восьмушке на человека.

Обросший человек поспешно встал в очередь.

— Замылишь на отделку, — сказал грязный мужичок в рваном полушубке, поминутно почесывавшийся и все прислонявшийся спиной к высокому нервному господину. Тот раздраженно оглядывался на него и сторонился, каждый раз тщательно осматривая рукава пальто.

— Скоро ли пускать-то начнете? Что вы их там дюже долго моете? Старуха, ты куда приперла?

— В очередь, батюшка...

— С мужиками в баню иттить?..

— А нечто это в баню?.. Тьфу! Вот нечистый-то подшутил, — сказала старушка, быстро оглянувшись на вывеску.

— Эх, мозги курьи!..

— Неизвестно еще, у кого курьи. Они вот такие-то станут, потрутся, а у тебя белья, глядь, нету.

— Из-за этого больше всего боишься в баню ходить: воруют очень, и опять же вошь.

— Вошь замучила, — сказал, поводя плечами, мужичок в полушубке.

— Да что вы все прислоняетесь! — крикнул на него нервный господин.

Мужичок посмотрел на него, отодвинулся, ничего не сказав, высморкался в грязь и утер полый полушубка нос.

— Это правда, что замучила, — повторил он.

— А где мыло будут выдавать? — спросил обросший человек.

— Сейчас при входе.

— Весь город обегал, куска мыла достать не мог. Теперь придется мыться.

— Тоже, брат, за мылом пойдешь, глядишь — штаны здесь оставишь. Баня теперь самое бедовое дело.

— Прошлый раз один так-то помылся: вышел одеваться, как есть тут: все! Даже порток нижних не оставили. Выпросил юбку у сторожихи. Так бабой и пошел.

— Вымыли... нету ни у кого, вот и воруют, — сказал мужичок в полушубке. — Ведь вот рубаха — четвертый месяц ношу.

Нервный господин, оглянувшись, еще дальше отодвинулся от мужичка.

— Плотней становитесь! Что вы там ворота оставляете! И так на середку улицы выпятились! — крикнули сзади.

Мужичок опять подвинулся к господину.

— Впускают! — торопливо крикнул кто-то.

Дверь открылась, и все, нажимая друг на друга, тесной толпой стали напирать на дверь.

— Мыло получай...

— А можно мыло получить, а в баню не ходить? — спросил обросший человек.

— Нет.

— Придется иттить... ах, головушка горькая...

— Опутали здорово. Не хочешь иттить, да идешь, — говорили в толпе.

— Да проходите вы скорей там! Сперлись, как бараны, а ходу нет. Да еще разговоры завели.

— Стоп! Довольно, — сказал служащий, — следующая партия, ожидай.

— Так и знали... О, господи, батюшка. А уйтить нельзя.

— Да уж отделался один раз, да и к стороне.

— И мыло, жалко, не получишь.

— Не очень-то к стороне. Они, говорят, кажные две недели будут теперь гонять.

— И народ все терпит... Господи, батюшка.

— Да, народ терпеливый. Наскочили бы на других, они бы показали.

— Следующая партия!

Все, давая друг друга, бросились в открывшуюся дверь.

В раздевалке копошилась масса раздевающихся людей...

— Вещи берегите! — крикнул банщик.

Все, притихнув, оглядывались друг на друга, а некоторые что-то украдкой завертывали, повернувшись спиной к соседям.

— Черт ее знает, — сказал обросший человек, проходя в мыльню, — мыла дали столько, что только голову хватит помыть, а домы нести нечего.

— А ты, батюшка, только вид сделай, что моешься, — сказал грязный мужичок, — а сам так-то. Я уж нынче четвертый раз тут.

— Тут, бывало, ванны, штуки всякие, — говорил волосатый парень, намыливая голову, — подойдешь, за ручку дернешь хорошенько, а на тебя вода, вроде, как дождь.

— Это-то и сейчас есть, вон, около стены.

— Что ты дергаешь из всех сил! — кричал банщик на здоровенного малого, который стоял под душем и обеими руками тянул за ручку.

— Не льется что-то ничего...

— Не льется, значит, испорчено, а ты уж совсем своротить хочешь? Вот чертов народ-то!

Грязный мужичок сидел на своей лавке около налитой в шайку воды и что-то внимательно приглядывался к полу, потом сказал:

— Вшей теперь, небось, сколько намыли, страсть!

— Чего сидишь, не моешься! — крикнул на него проходивший банщик. — Только место зря занимаешь.

Мужичок испуганно оглянулся и стал своими черными руками плескать горячую воду из таза на свои спутанные волосы.

— Хоть для виду поплескаться, — сказал он, посмотрев из-под рук на обросшего человека, сидевшего рядом с ним. — А мыло домой старухе снесу рубахи постирать.

— Только из-за мыла и ходишь, — отвечал обросший человек, делавший вид, что намыливает голову, когда мимо него проходил банщик.

— Уж очень чистотой донимать стали, прямо житья нету. Прошлую неделю заставили дворы чистить.

— Народ терпеливый, вот и заставляют.

— За вами, чертями, не смотреть, так вы все навозом обрастете, — сказал человек с солдатскими усами, сидевший по другую сторону от грязного мужичка.

Тот опасливо посмотрел на него, как бы стараясь определить, какое он положение может занимать, и ничего не сказал.

Какой-то человек сидел весь обмазанный глиной и втирал ее в волосы. На него долго и с интересом смотрели. Потом грязный мужичок нерешительно спросил:

— От болезни, что ли, от какой?

Из-под свисших мокрых волос посмотрели злые глаза.

— От какой болезни, что ты брешь!..

— Глиной хорошо застарелую грязь берет, — сказал тощий человек с синяком на ноге. — Я прошлый раз тоже мылся.

— Мойтесь скорее, дома поговорите! — крикнул банщик. — Следующую партию пускать надо.

Все усердно принялись полоскаться.

— Да, совсем запаршивел народ.

— Плохо смотрят, — сказал человек с солдатскими усами. — С таким народом строго надо: агитацию хорошую расклеить, а потом смотреть, как кто в бане месяц не был, так хлеба не давать да в холодную. Это особо.

— Что ж, это, значит, каждую неделю белье менять да стирать? Ловки другими распоряжаться, — крикнули сзади.

— Они об этом не думают. Благо народ терпеливый. Вошь с лапками нарисуют, расклеют по стенам, а каково рабочему человеку...

— Ах, чтоб тебя черти взяли!.. — вскрикнул обросший человек. — Только горячей водой на него плеснул, а оно все и расплзлось, как масло коровье. Вот тебе и раздобыл мыльца. Только мылся задаром.

— Кончайте скорей! — крикнул банщик. — Люди ждут, а вы тут лясы точите! Что ж ты, в бане был, а ноги, как у лешего, грязные, — сказал он, остановившись перед грязным мужичком.

— Что-то не отмываются, батюшка, в другой раз глинки захвачу.

И, когда банщик отошел, грязный мужичок прибавил, обращаясь к соседу:

— Мало того, что силком тут полчаса продержали, а еще смотрят, какие у тебя ноги. И народ все терпит... □

750 метров

Сергей Левицкий

секса

Хороша Прага! И особенно хороша центральная площадь столицы — Вацлавская, протянувшаяся на 750 метров. Здесь всегда какое-то ощущение светлого праздника.

Но это днем. А в темное время суток Вацлавка, как называют ее чехи, преобразается.

Я шел не спеша, примечая на каждом углу группки африканцев. Но и они заметили меня. Пока я прошел эти 750 метров, представители народов Африки четыре раза предложили мне эротический массаж и восемь раз услуги проституток в соседних борделях, по понятиям политкорректности называемых «эротическими клубами».

Я человек уже немолодой и, если даже способен выдержать четыре массажа, то восемь раз за вечер оправдать надежды молодых девушек, называемых по соображениям политкорректности «эротические партнерши», уж точно не смогу.

Таким образом, мне был нанесен настоящий моральный ущерб, который, по понятиям политкорректности, назовем «косвенным обвинением в несостоятельности». А это, согласитесь, обидно, когда такое тебе под-

черкивают граждане дружественной Африки.

И вдруг новшество: первый же африканец прикалывает тебе круглый желтый значок. Для остальных это означает, что предложение уже сделано, и более клиенту надоедать не надо. Проход свободен по всей Вацлавской площади!

Но тут я заметил у некоторых мужчин на лацкане... красный значок — а у некоторых даже целых три! — и спросил, что это значит?

— А это, — ответил мне дружелюбный африканец, — кто и сколько раз воспользовался сегодня нашими предложениями. Им не только свободный проход по всей Вацлавской площади, но и бесплатная банка пива на каждом углу. А у кого более трех значков — тем дается купон: 50% скидка на приобретение в аптеке «Виагры». Вы попробуйте еще раз, — обнажил белоснежные зубы зазывала и потянул меня за руку.

— Нет-нет, на купон я не потяну. — В испуге я вырвал руку, открыл глаза и увидел, что мой пес стаскивает с меня одеяло. Значит, утро, пора вставать! Только вот думаю: можно ли по соображениям политкорректности называть собаку псом? □

СПАСЕНИЕ

Евгений Рудашевский

Константин Евгеньевич шел по улице. Толкался. Он не мог бы идти иначе, так как на узком тротуаре было людно, а сойти на дорогу не получалось из-за машин. Прохожие не реагировали на толчки. В этот час все куда-то спешили. Студенты — на первую лекцию, менеджеры — в офис, охранники — на склады. Мельтешили черные, серые, коричневые ботинки, широкие, узкие брюки и брюки-клевш. Между ним изредка показывались собачьи лапы, колесишки чемоданов и даже костыли.

Константин Евгеньевич шел в боли. В голень, под кожу, вдавливались тысячи горячих иголок. Причиной этому было плоскостопье, определенное мужчине с детства. Проявлялось оно лишь в быстром шаге, в тихой прогулке или в беге ноги чувствовались здоровыми. Константин Евгеньевич злился оттого, что не может в случившейся толпе именно бежать.

День был сентябрьский. Холодало. Ветер упирался в спину. В кустах трещали воробьи, рассорившись, они выскакивали в небо, затем дугой падали на липу, собравшись прежней компанией, продолжали ссору. Шумели машины, говорили люди, по рельсам, грохоча, волочился трамвай, на недавно отгороженной стройке по сваям ударял молот. Маршрутки собирались на остановке, в тесноте один водитель ругал другого, раздраженно бил по рулю — гудками продолжал перебранку.

Возле магазинов кричали глашатаи. Они в рупор звали покупать шубы и шапки, стояли близко и поддерживали очередность обращений, но иногда сбивались, отчего вынуждены были кричать все громче, слова дела-

лись неразборчивыми. В редкие секунды затишья можно было расслышать радио, поющее из открытого киоска «Ремонт обуви».

Собака, серая и драная, жалась под забор, она трижды тщила перебежать дорогу: бросалась к колесам, отбегала, пробовала вновь.

Константин Евгеньевич привык к утреннему городу и не заботился его шумом. Замедляясь из-за неуклюжей бабки или ребенка, цокал, потом толкался. Мужчина опаздывал на встречу. Это было не в первый раз и грозило выговором.

Константин Евгеньевич десятый год работал в компьютерной компании — менеджером продаж. Выезжал к покупателям — рассказывал им достоинства новых программ, предлагал техническое сопровождение. На этот день были заказаны четыре встречи, на первую из них мужчина опаздывал.

— Да... Да! Я рядом, — говорил он по телефону. — Знаю, но... Да. Семь минут — не больше. Знаю... Да.

Мужчина свернул в переулок. Здесь людей было меньше. Уже сейчас, больше глядя на свои запыленные туфли, Константин Евгеньевич заметил впереди волоком расходившийся дым. Что-то горит. Кажется, дом.

Из-под стрехи за прохожими следил кот. Троуар в переулке был изрезан частыми провалами — приходилось отступать к дороге.

«Какая курточка... Вся из себя, а сама ведь дура. Видно по тебе! Да, по тебе! Как же... Как же эта фирма называется? Эх... Алексей Петрович... Чертов будильник! всю жизнь.... Как же она все-таки называется? Ведь... Ноги.... это невыносимо! Ветер-то холодный! Чертова работа...»

— Папа!

Это еще что? Константин Евгеньевич вздрогнул, остановился. Отвлеченный мыслями, он не заметил, что приблизился к горевшему дому. Запах плавленной резины. Копоть.

— Папа...

Голос был детский, едва различимый, из окна исходило черное густое дыхание пожара.

— Ну чего стоим-то?! — сказал кто-то Константину Евгеньевичу, оттолкнул его и, уклоняясь от гари, заторопился дальше.

Мужчина поморщился, плюнул вслед незнакомцу.

— Папа...

Прохожие удивлялись, но шли мимо. Горел трехэтажный деревянный дом. Огонь был широким и, кажется, неуправляемым. Ветер разносил ядовитые запахи. Жар чувствовался уже в пяти шагах.

Константин Евгеньевич пошел дальше. Ребенок теперь молчал. «Неужели он там? Где пожарные?» Мужчина остановился, оглянулся. К нему подошла женщина:

— Это чего же, горит что ли?

— Да...

— А пожарные?

— Не знаю.

— Может, вызвать?

— Ну... давно... Вызвали, наверное. Там даже кто-то кричал.

Женщина заторопилась дальше.

Константин Евгеньевич последовал за ней. Он опаздывал уже на двадцать минут. Пройдя десять метров, вновь остановился.

Люди шли прежним шагом, поглядывали на горевший дом, кто-то фотографировал.

Из окна настойчиво густел дым, выкручивался, поднимался к небу плотным столбом — такой виден за километры от других районов.

Вновь позвонили из офиса. Константин Евгеньевич не ответил. Он знал, что нужно торопиться, однако стоял. Сомнения, которых он не мог бы сейчас ни назвать, ни объяснить, сосредоточились в нем сухим комом, тело напряглось, в ушах — пульсация. Сознание вдруг усилило восприятие отдельных шумов: мужчина различал, как скрипят камни под ногами идущих, как тяжело катятся по дороге машины, как посвистывает в носу дыхание.

«Где пожарные?.. Вот ведь... Тут дом... Всегда такое. А эти люди? Может, хоть... Если ребенок рядом, так я бы мог и вытащить...» В этих мыслях не было решимости, но сердце Константина Евгеньевича забеспокоилось, распространило по коже холод, покалывания. Мужчина заметил, что руки его дрожат. «Нет... Куда там? Я что — спасатель? Но... так можно и жизнь... Там ребенок... Если он поблизости, то не сложно. Да и потом в газете, наверное, напишут. Когда еще будет возможность спасти кому-то

жизнь!? Ведь его родители, да и он... всегда благодарны! Почему же... Да...»

Была осень. Холодный воздух расходился втроем, и в нем, кроме привычного запаха машин, был теперь вкус гари. Горевший дом выдыхал губительные пары. Так чахоточник падает на колени и принимается кашлем исторгать из себя кровь, не может остановиться и понимает, что в таком приступе его не спасут ни лекарства, ни доктора.

Константин Евгеньевич вернулся к пожару. Прислушался, не повторится ли слышанный им крик. «Может, это вообще не отсюда? Неужели он умер? Как заглянуть, тут нужен противогаз!» Прохожие, сместившись от пожара к противоположному тротуару, продолжали идти, смотрели на мужчину. «Подумают еще чего-нибудь... Да и что я могу?... Как же заглянуть? Дурацкая затея. Не мое это дело. Я опоздал... Алексей Петрович меня убьет. Я ведь теперь и на вторую встречу... Придется на такси, так не... Чертов будильник! Да, хороший денек. Странно, тут больше жара, чем огня. Нет, если бы там..., то вышли бы уж, не дураки же».

Константин Евгеньевич растерянно глядел на дым, заслонил нос платком. «Тоже мне герой... А ведь... этим можно будет оправдаться!» Подобная мысль удивила и обрадовала. «Точно! Скажу, что... принимал участие... ребенка из огня вытащил, тогда уж и опоздание... Черт, да он там, наверное, горит, а я тут думаю чего-то!»

В кармане глухо задрожал телефон, мелодия звонка. Мужчина вздохнул. «Нет. Надо идти отсюда. Чертовщина... и задохнуться можно». Однако, не спрашивая себя о своих действиях, Константин Евгеньевич подступил к окну, окунувшись в дым, не дышал, зажмурился. В нем вскружилось такое волнение, что нужно было двигаться, поворачиваться, наклоняться, приподниматься — что угодно, только не стоять в бездействии.

«Не могу... слишком. Надо через другое!» Отошел ко второму окну. Отдышался. «Теперь пропахну. Люда устроит мне...» Поднял камень, разбил стекло. Осколки засустились по асфальту. Прохожие шли медленнее. Кто-то фотографировал. Сердце Константина Евгеньевича билось громко и часто. Протянул руки к наличнику. Упершись локтями, подтянулся. Отслонил оставшиеся куски стекла. Увидел затемненную, лишенную огня комнату. Диван, шкаф с выставленными статуэтками, на стене — ковер, под стулом — брошенный булыжник. Дверь в коридор закрыта, за ней — шум. Все — мутное, словно бесцветное. Оглянулся, за ним следят. «Чего уставились?» Захотелось оправдаться. Глупость какая-то. Опять звонит телефон. Оцарапав куртку, взобрался на подоконник, прыгнул на деревянный пол. Воздух грубый.

Мужчина вновь посмотрел на улицу. Он боялся, что его поступок окажется неверным, необратимым. «Теперь поздно... На встречу все равно опоздал. А так хоть объяснение будет. Да... занесло же тебя! Шел бы себе, но... это Алексей Петрович... оправдание все-таки». Константин Евгеньевич пересек комнату, отворил дверь, шум усилился, дым, вышел в коридор.

В конце коридора горели доски. Сумрачно. Красно. Сушит горло. Гудки машин в переулке. Книжный стеллаж, отворот в другую комнату — кажется, на кухню. Паркет скрипит под ногами. Где-то совсем рядом вытрескивается пожар.

Кажется невероятным, что в пяти метрах — прохлада осеннего ветра, собачки, чемоданы, спешащие люди, лекции, офисы, склады... Разве можно умереть вот так, вблизи от здоровой и защищенной жизни?

— Есть здесь кто? — спросил Константин Евгеньевич.

Кричать громко он не решался, подозревая, что его услышат на улице и будут о нем смеяться, ведь жильцы, должно быть, покинули дом.

— Эй! Кто-нибудь!?

— Папа... — донеслось из соседней комнаты.

Мужчина вздрогнул. Перед глазами мелькнули темные разводы. Слюна отяжелела — глотать ее приходилось с усилием. В конце коридора, рядом с горящими досками — дверь.

Константин Евгеньевич шел вперед. Жар сгустился такой, что тело изошло потом. Мужчина дышал редко, через платок, однако дым изъел его грудь, появилась слабость, всколочило макушку — от нее боль разошлась по всей голове.

Налево — еще одна комната, это из нее на улицу вытягивался дым, в ней был огонь. Черные клубы. Страх.

Константин Евгеньевич приблизился к горящим доскам. Отворил дверь, пахнуло огнем. Слепит. Жар. Между тумбочкой и батареей, недалеко от

окна, лежала девочка. Лицо ее было в саже, изо рта и носа пузырилась черная пена. Со скошенных балок летели искры. Куски горящих обоев соскальзывали со стен и падали вниз, прожигали пижаму на ребенке. Форточка открыта.

Вновь зазвонил телефон. «Да что ты! Умолкни... Как же до тебя добраться? Ты там жива? Бедняжка, как же... Надо было отзвониться, сказать... Если так и буду здесь... задохнусь!»

Мужчина, уклоняясь от горевшей притолоки, шагнул в комнату. Взглянув в зеркало, испугался своего взгляда, копоты на щеках.

Говорливый огонь вещал на тысяче языков: треск дерева, шипение сжимавшейся пластмассы, удары опадающего карниза, шорохи, колыбельные разрозненного пламени, свист, шепоты, лопается стекло в шкафах, разламываются керамические горшки, рвутся обои, кипят бурые лужицы, гудят свернувшиеся, смявшиеся куски ламината... Потолок, сохранивший малые островки белой краски, был вымазан в черное. Шторы, сорвавшиеся в угол, догорали темно-фиолетовыми всплесками. За комодом поднялся пол — пламя съедало его жадно и быстро. Словно многорукое чудовище, забравшееся в комнату, оно раскидывало мебель, выковыривало доски для удобства своей трапезы, в радости исходило зловоньем, было ненасытно, неумолимо...

Константин Евгеньевич кашлял, чувствовал, как шершавые руки дыма исскребают его изнутри. Переступил через опрокинутый столик, через оплавившихся кукол. Девочка смотрела на него, веки дрожат — она борется с забывьем, принуждает себя к осознанности. Приоткрыв рот, пробовала что-то сказать, но вместо слов от горла теперь поднялась черная пена.

Мужчина отмахивался от прыгавших к нему угольков. Обошел горевший стул. Кашляет. Сильнее давит платком на губы. «Только бы волосы... Они первыми... Зачем я сюда... Подожд-

ди, малышка, я... Вот... Чертовщина какая-то... Как же...» Шум огня был всеобъемлющим. В нем не слышны ни удары сердца, ни поступь.

В ногах загудел пол.

По лицу растекается пот. Жар. Страх. Бойтся обжечь руки, ноги. Ни к чему не прикасается. Часто поворачивает голову — осматривается.

От двери к батарее — не больше семи метров. Долгие, нескончаемые семь метров... Кровать, еще не взятая огнем, начала тлеть. На подушке то появлялся, то исчезал желтый всполох.

По стене огонь спустился на фотографию девочки. Первые секунды она оставалась сохранной, и в светлом ореоле чудилась зловещей, но вскоре уголки ее почернели, закрутились. Фотография оборвалась вниз, на горевшую лошадь-качалку.

Константин Евгеньевич подкрался к батарее. Убрал в карман платок, поднял девочку. Понимал, что не сможет вернуться коридором. Притолока и дверной проем пылали. «Задохнусь... Там же... Точно...» Мужчина так и стоял с ребенком на руках, слабые пальцы коснулись его куртки, но не смогли удержаться — в них не было воли.

Пламя грохотало, напор водопада, переполненного не водой, но лавой.

Идти некуда. Константин Евгеньевич положил девочку на пол. Подошел к окну. Ударил кулаком в стекло, боль, стекло только вздрогнуло. Мужчина отступил к тумбочке — стряхнул книги, поднял ее, бросил. Дребезг падающих осколков. «Почему просто не открыл?..» На плечо обвалилась горячая доска, Константин Евгеньевич в испуге отмахнулся от нее, она упала на ребенка. Схватил рукой, боль, отбросил. Всполохи на потолке. Вновь поднял девочку. Слабость. Упираясь обожженной ладонью, встал на подоконник. Огороженный домами двор. Глянул вниз. Тротуар. «Тут метра полтора... Но как... Как туда спуститься? Черто... Что же...» Сердце ударялось о грудь с такой силой, что мужчина испугался. Он подумал, что так приходит смерть. Поворачивался, смотрел вниз, стонал, пробовал спустить ногу, упирался в наличник, не зная, как поступить, исслабев, наклонился вперед и — вывалился из окна. Подогнулись ноги. Все вздрогнуло в едином хлопке. Удар в плечо, голова тукнулась об асфальт. Дышать легче, в глазах — красное. Зазвонил телефон. Холодный воздух. Холодный тротуар. Ветер вылизывает кожу. Гарь.

Константин Евгеньевич откатился на спину. Ребенок лежал на его руке и был недвижим. Над ними — из окна — широкой шеей поднимался дым, в его вихрях угадывались тысячи извитых жил. Шум пожара ослаб, болит голова. Нужно отползти в сторону. «Девочке... Где же скорая... Черт я туда полез! Мог и помереть... Голова! Еще не хватало». Мужчина застонал, приложил ко лбу ладонь. На висках пульсировала кожа.

Кто-то прихватил мужчину за рукав, тащит в сторону.

— Девочку! — промолвил он.

— Взяли, взяли... Вызовите скорую!

— Едет уже!

— Еще позвоните!

— Подложите ему что-нибудь под голову!

— Дайте вашу сумку!

— Снимите с него куртку — ее и подкладывайте!

— Чтобы он тут окошел?!

Мужчина прислушивался к голосам. Поглядывал на окруживших его людей. Решил, что словами уменьшит заботу о себе, поэтому молчал, ждал, что случится дальше. Его оставили одного — сложив ему что-то вместо подушки, люди отошли. «Что же, мне тут так и лежать? Холодно. Могли бы... Как девочка? Вот ведь! Сейчас придут фотографировать! А там какой-нибудь черт держит ее — его и в газету!» В таких переживаниях мужчина зашевелился.

— Не двигайтесь! — к нему подошла женщина.

— Где девочка?

— С вашей дочкой все в порядке. Скорая сейчас приедет.

Константин Евгеньевич улыбнулся. «С моей дочкой... Дура ты косматая! Не дай бог к такой на исповедь попасть... Вот ведь... башка трещит... Иди уже, чего встала? Разглядывает... Хороший денек. Надо на работу позвонить!»

— Не знаю... — промолвила Маша.

Девушка, заложив одну руку в подмышку другой, долгими затяжками начала сигарету. Смотрела на конус красного уголька, выдыхала серый дым и говорила:

— Зря ты это...

— Мне, по-твоему, надо было мимо пройти? — возмутился Константин Евгеньевич. — Она кричала! И все шли...

— Кость, я же говорю, что не знаю. Просто... не твое это дело. Вызвал бы пожарных и все... У каждого своя работа. Они и без тебя спасли бы ее. Тем более, ты в одежде был, а они... в костюмах этих... ну... защитных. А так, четыре встречи потерял. Влетит...

— Да ну! У меня есть оправдание...

— А ты не знаешь Алексея Петровича! Хорошо еще, две я перекрыла.

Константин Евгеньевич и Маша были одной должности, пусть бы девушка пришла в компанию недавно и была моложе его на семнадцать лет.

Отправленный в больницу, а затем допрошенный милиционерами, Константин Евгеньевич только к семи часам пришел в офис. Маша дождалась его. Они поднялись по лестнице к пролету, где для всего офиса устроена курилка.

Мужчина, признавший себя героем, был удивлен и рассержен ответом девушки. Он ожидал других слов. Готовился к улыбкам и похвале. «Что ты понимаешь! Мелкая еще!» Когда Маша отворачивалась, чтобы пальцем сбить с сигареты пепел, он кратко смотрел на ее ноги: обтянутые красными чулками, казавшиеся чересчур тонкими под короткой, но широкой юбкой. «Малолетка... Где уж тебе оценить?! Сколько еще нашлось бы таких... рискнуть. В огонь зашел! Тебя там... Малолетка. Дура ты еще».

— Спасибо, что вызовы взяла.

— Ну! — усмехнулась Маша. — Чего тут спасибо? Одному восьмерку продала, со вторым об упэпэшке будем общаться. Так что, это тебе спасибо.

Константин Евгеньевич выругался в мыслях. Единственным утешением было повторять себе о значимости собственного поступка, представлять, как придут к нему журналисты — писать статью. «Да... Эти все мимо бежали. Каждый за своим. Я один остановился... Черствый мир. Люди... Ведь ребенок кричал, а они... Чего ты лыбишься? Куришь, так теперь взрослая? Тебя еще жизнь поломает».

Темно-желтая краска на стенах вскрылась двумя длинными швами, возле потолка и вовсе осыпалась. Свет был от двух продолговатых ламп — одна из них, стрекоча, мерцала. Ступени — высокие и протертые посередине. Возле пепельницы (консервной банки) лежали окурки, по стене виднелись черные отметки — следы затушенных сигарет. Воздух здесь всегда был стоячим, и даже от одного курильщика дым еще долго ходил видимыми разводами.

— Ладно. Я пошла. Удачи тебе с Алексеем Петровичем, — Маша ткнула угольком в стену, упали искры.

— Спасибо...

— Вот...

Константин Евгеньевич рассказал начальнику о пожаре. От улицы слышались крики, гудели машины.

— Это все? — уточнил Алексей Петрович.

— Да! Если бы... Вот увидите! Об этом в газетах напечатают! Обязательно, они ведь... Все-таки... Я спешил, а тут такое!..

Константин Евгеньевич объяснялся тихо, сбивчиво, при этом улыбался. Сердце его стучало гулко, быстро. На лбу проявились капли пота. Вновь заболела голова, едва утешенная таблетками после утреннего падения.

— А ты, собственно, кто? — спросил Алексей Петрович, рассматривая толстую и, должно быть, тяжелую ручку с золотой надписью «Parker».

— И... я... в смысле?

— Ты у нас, может быть, супермен? Герой? А? Какого черта ты туда полез?

— Я же говорю... там девочка...

— Девочка? Слышь, Тань! Знала, что у нас герой работает? — Алексей Петрович обратился к сидевшей рядом девушке.

Кабинет был просторный. Здесь работали девять человек, сейчас все, кроме начальника и секретарши, уехали. Четыре высоких окна, за ними — темнеющая улица. В свете фонарей небо казалось картонным, низким.

Алексея Петровича боялись. К нему ходили только для выговоров. Служащих было много, и все же выговаривал он каждому лично. Алексей Петрович был младше Константина Евгеньевича на четырнадцать лет.

Длинный стол выглажен темным лаком и загроможден статуэтками, карандашницами, золочеными слонами, календариками, путанными механизмами (назначенными для бесполезных движений), спрятанными в стекло корабликами, распорками (при нажатии выдававшими мелкие листки), ручками всевозможных укра-

шений. Теперь среди беспорядка дорогих сувениров на подставке лежал самурайский меч. Алексей Петрович сейчас поглаживал черную, рифленую рукоять.

«Черт меня погнал... Маша права. Чертова девчонка, из-за тебя мне... Скорее уж заканчивай свои... Домой хочется. И без тебя худо. Два клие... УПП! Повезло Машке. Вот ведь. Почему именно в этот день!»

— Чего молчишь?

— Ну... — протянул Константин Евгеньевич, потирая болевшую ладонь.

— Отвечай. Ты — герой?

— Нет.

— А чего в огонь полез?

— Девочку хотел спасти.

— Дурак что ли? Не понимаешь, что девочек спасают либо пожарные, либо герои. А ты кто?

Константин Евгеньевич молчал. Уныло смотрел в пол. «Молокосос ты, Леха... Скорее бы домой. Людка... никогда еще не хотелось так... Обнять тебя...»

— Ты на вопросы клиентов так же отвечаешь?! — крикнул Алексей Петрович. — Ну! Э! Бэ! — он гримасничал и ударял по столу пальцем, качнул головой, закурил и отвернулся.

Красный уголек при каждой затяжке увеличивался на фоне темного окна и повторялся, в нем отраженный. Серый дым извитой струей шел к потолку, при внимании можно было услышать, как шипит, сгорая, табак.

Константин Евгеньевич скосил взгляд к Тане, волнение, для дыхания пришлось приоткрыть рот. Он боялся секретарши. Девушке было двадцать лет. Она была красивой, Константин Евгеньевич прежде не был знаком с такой красотой, всякий раз, рискуя, что кто-то заметит его дерзновение, он следил за Таней. Затаившись, смотрел на красные туфли и поднимающиеся вокруг голени серебристые шнурки, на худые ноги, на короткую юбку, на серую кофту. В этом было неожиданное беспокойство, которое мужчина не умел объяснить. Он знал, что девушка груба, даже — злоблива, это не ослабляло ее красоты.

— Еще раз такое случится, по миру пойдешь. Уволю, не задумываясь. Мне это надоело, — не спеша говорил Алексей Петрович. — Ты пропустил четыре встречи. И никакие там девочки это не оправдают. Я все знаю. Чтобы не наглед, тебе десять процентов ставки снимут. Штраф, значит.

Начальник рассматривал уголек на сигарете, поглаживал рукоятку меча, смотрел в окно.

— Тоже мне герой... Ладно, вали, давай.

— До свидания, — промолвил Константин Евгеньевич.

Мужчина был рад выйти из пахнущего табаком кабинета. Спускаясь по лестнице, он думал об очаровании, которое неизменно находит в образе молодой Тани. «Не понимаю... Дура душой, как и ее начальник. Шлюха и только. А тут такое... И... Эх... Почему завтра не суббота? Не хочу работать... Надоело! Увольняться... Вот буду уходить, все... Шлюха ты, вот кто! И нечего тут своими ногами... ишь! Ты бы еще целлофан вместо кофты напялила! Мозгов-то...»

Так, представляя, какими словами следовало бы высказать свое порицание, мужчина спешил на остановку.

— Ну, Люд, от тебя я не ждал такого...

— Чего?

— Ладно уж этот... Но ты-то должна понять!

— Чего понять?!

Константин Евгеньевич бросил на кровать сумку.

— Куда!? — закричала женщина. — Опять? Грязная ведь!

За дверью подслушивал Андрей — их шестнадцатилетний сын, заглядывал в замочное отверстие, но почти ничего не видел.

— Люд, ну ладно тебе. Давай, хоть раз вечер нормально проведем.

— Хоть раз? Это что же, мы никогда нормально вечер не проводили?!

— Проводили и сейчас проведем. Зря ты ругаешься, я же...

Константин Евгеньевич убрал с кровати сумку, разгладил ямку на покрывале, улыбнулся, приобнял жену:

— Я хотел только, чтобы мы поговорили. Думал, ты поймешь... Порадуешься...

— Это чему же радоваться? — Люда отвела руки мужа, сдернула покрывало, готовя кровать ко сну, промолвила: — Ужин на столе. Ешь, мойся и приходи.

— Тому, что я спас девочке жизнь! Да и вообще... у тебя муж герой, а ты не рада!

— Кость, — Люда села на простыню.

— Куда?! — усмехнулся мужчина. — Если я сажусь, ты сразу шумишь: «А ну встань... В грязных брюках»...

— Да ну тебя! — женщина отвернулась к подушкам.

— Прости, прости. Ты что-то говорила?

— Ты хочешь знать, что я действительно обо всем этом думаю?

— О простыне?

— О твоём... героизме. — Люда говорила без улыбки.

— Ну... давай. Послушаю.

— Нет. Обидишься.

— Не обижусь. Давай.

— Хорошо... Не обижайся, но... не твое это дело. Тебе повезло. Ты вышел. А если бы дом обвалился или еще что? Ты о чужом ребенке подумал. Молодец. А о твоём ребенке кто подумает? Ему скоро в институт, а ты... Мы при тебе как нищие живем, а без тебя так вообще...

— Что значит...

— Не перебивай! Герой... И чего ты добился? Что тебе с той девочки? Тебя чуть не уволили, опять унизили... Еще за лекарства заплатил...

— Двести рублей! — Константин Евгеньевич встал.

— На это есть пожарные, спасатели, милиция. Ты ведь в огонь шел... О нас с Андрюшкой ты думал? Герой... Если бы все ринулись спасать чужих детей, то за своими бы не доглядели — так бы мир и развалился. Если сам о себе не позаботишься, то... сдохнешь. А тут... Ведь ты один такой дурак нашелся, да? Людей-то, говоришь, много было, и никто не полез. Ты один такой... герой! Да ты лучше вместо героизма найди другую работу, где и платят больше и... Почини, наконец, дверь в ванной! Что? Устаешь слишком? Потом? В огонь любой может полезть, тут ума не надо. Похвалят, доволен будешь, потешишь себя, а зима скоро — ребенку ходить не в чем. Ты... — Люда вздохнула, глаза ее покраснели в слезах. — Ладно, помер бы... Ну мы бы еще... А если бы покалечился? Отняло бы у тебя ноги или... обгорел бы весь? И что? Мне и Андрюшку потом в институт и за тобой ходить? Нет! Ты не девочку лез туда спасать, а жену с сыном в огонь толкал! Для забавы.

Константин Евгеньевич нахмурился, хотел возразить, высмеять услышанное, но не знал для этого ни слов, ни мыслей. Растерявшись, он те-

перь и для себя не мог определить, был ли прав в том, что полез в чужой дом, за чужим ребенком. «В самом деле мог... Если бы та балка — мне по голове! Да. Дурак я. Лучше бы другой дорогой идти. И выбора не было бы...» Мужчина достал из кармана платок — тот самый, которым прикрывал рот от дыма. Платок был в черных пятнах.

Узкая комната. Свободная от люстры и абажура лампа. Старые, продавленные по углам обои. У шкафа стоит кресло, тут же — тумба, за ней — кровать, десять лет назад собранная другом Константина Евгеньевича. Возле окна — холодильник, вздрагивая, он принимается гудеть, потом, так же вздрогнув, умолкает. На стене закреплены три полки. На полу лежит выцветший ковер, в двух местах испачканный краской.

— Все, Кость. Не злись. Давай, забудем. Ты просто, прежде чем что-то делать, подумай о нас, хорошо?

— Хорошо.

— Ну все, иди ужинать.

Мужчина взглянул на жену: красные шорты, пепельно-серый жилет. Хотел поцеловать ее, но решил, что это будет лишним. Кивнул, направился к двери. О спасенной им девочке предпочел не думать.

— Смотри, загордишься, — улынулась Маша.

— Ну... Хотя кто-то оценил!

«Уже вижу это! «Здравствуйте, садитесь. О! Константин, я давно ждал этого... чтобы с вами поговорить. То, что вы сделали — удивительно. В нашем черством мире такое редко случается. Ведь ради девочки вы жертвовали своей жизнью! Удивительно... Ну, расскажите, что вы чувствовали, заметив, как горит дом». Да...»

— Что же это, с завтрашнего дня придется автограф у тебя брать?

Константину Евгеньевичу только что позвонили из местной газеты, просили заехать к ним в редакцию, чтобы записать интервью, подготовить фотографию. Мужчина был рад. Он понял, что спасение девочки было единственным поступком в его жизни, о котором можно рассказать неизвестному слушателю. Ничего более значимого, интересного он не совершал. И это за сорок лет! «Ну... Лиха беда — начало. Того гляди... Медаль дадут еще, да... Может, не дадут, но что же... мечтать нельзя? Жаль, что домой не успею заглянуть — переодеться бы, причесаться. А то сфотографируют не так... Алексей Петрович... прочтет, признает, что был неправ...»

— Слышь, герой, на Кузьминки поедешь? — крикнула телефонистка.

— Чего там?

— Упрощенка.

— Ну да! Ради упрощенки — на другой конец города?!

— А куда денешься? Машка расписана. Так что я на тебя заявку кидаю.

Мужчина выругался шепотом, в недовольстве цокнул и оттолкнул от себя клавиатуру, однако возразить не смог. «Кузьминки... обезьяна ты, волосатая. Дура душой. Взять бы тебя за космы, да — по столу! Таскайся теперь из-за ста рублей. Если они еще купят...»

Офис был широким, уместившим двадцать шесть столов — большинство были отданы службе обзвона. Телефонистками чаще работали женщины взрослые, но встречались и молодые. Вынужденные тесниться, не имея даже стенки, чтобы в нее упереться, они все же выделяли свой стол обособленным существованием: украшали цветами, фотографиями, по своему сортировали справочные книги и списки номеров. Единственной забавой телефонисткам было говорить о клиентах: глупых, грубых, богатых, вежливых, странных... Собираясь для обсуждений в курилке, они укутывали себя плотными разводами дыма, смеялись. Константин Евгеньевич недолюбливал их за сплетни, за стянутые в пучок грязные волосы, за яркую губную помаду, за стойчивый запах духов.

Менеджеры продаж сидели возле окон.

— Кость, тут еще один вызов тебе! — крикнула Алевтина, сорокапятилетняя женщина с длинной тонкой косой.

— Куда... Что там? Если УПП, возьму...

— Нет, тут это... говорят, им надо кого-то спасти из пожара, — едва договорив, Алевтина рассмеялась, ей вторили другие.

«Дура».

Вечером, в указанный час, Константин Евгеньевич подошел к редакции. Осенний ветер, в воздухе — гарь, мужчина огляделся, но не обнаружил ей причину. По тротуару в желтом свете фонарей торопились прохожие, до-

ма горбились под небом, в красных окнах порой были заметны движущиеся фигуры.

Константина Евгеньевича впустили в фойе и просили ждать. К нему спустился журналист, вяло пожал руку, сел напротив. «Ладони-то потные. Противно. Хоть бы вытер, прежде чем... Ну давай, спрашивай меня. Чего смотришь?» Взлохмаченный, на лице — вишневые оспины. Первый вопрос оказался неожиданным:

— Вы знали, что мать девочки погибла три года назад?

— Нет... — мужчина качнул головой. — Я...

— А то, что ее отцу дали два года? Два года, условно. Об этом знали?

— Нет. Я же с ними не был... знаком. Я думал, вы будете спрашивать...

— Да. Буду.

Журналист, задумавшись, молчал, пальцами ворочал красную зажигалку, изредка, чиркнув, вызывал из нее огонь. Вздохнув, произнес:

— Послушайте... как... — посмотрел в записи. — Константин Сергеевич...

— Евгеньевич.

— Ну да. У меня к вам предложение. Выслушайте, потом отвечайте. Так будет лучше. Мы напечатаем вашу фотографию, ведь вы этого хотите?

— Конечно, — мужчина улыбнулся.

— Ну вот. Еще, там, что-нибудь, преувеличим вашу доблесть. Расскажите, как ломали горящую дверь...

— А...

— Дослушайте. Только... Давайте сделаем так. — Журналист поднял из зажигалки пламя и, глядя на него, говорил: — Мы напишем, что у вас, значит, кое-какие проблемы в семье, работа плохая, денег мало. А тут шли вы, увидели — дом горит. Ну и, несмотря на свою ин-

теллигентность и все такое, полезли, значит, в окно, чтобы... своровать чего-нибудь.

— Пойдите! — Константин Евгеньевич в удивлении скривил брови. — Вы... вы не так поняли! Вам, видимо... Я не собирался ничего воровать! Это... У меня и мысли такой не было! Я же...

Журналист поморщился:

— Нужно так написать...

— Почему? — Константин Евгеньевич поднял к шее плечи, развел руки. — Почему вам не написать, как все было на самом...

— Как все было на самом деле... Ну спасли, ну молодец. И что дальше? Читателю это неинтересно. Нужен... неожиданный поворот. Нужна история! Так что дослушайте. Я знаю... Так вот. Вы взяли телевизор, драгоценности, еще что-нибудь и тут услышали, как кричит девочка. В общем, у вас был выбор: бежать с награбленным или спасти ребенка. Вы терзались, но схватили девочку, прыгнули с ней в окно. Даже нет! — Журналист поднялся с кресла. — Вошли в комнату и тут балка, заскрипев, упала, вы подставили спину, иначе она бы раздавила девочку. Потом, значит, схватили ее, теряя сознание, кинулись в окно. Девочка спасена, вас везут в больницу, все, что вы так и не успели вынести, сгорело. Преступник покаялся, нет... преобразился! Ради гибнущей девочки. Бабки, прочитав это, удивляются, а некоторые плачут. Занавес.

Константин Евгеньевич сидел молча и недвижно. По просторному фойе ходил уборщик, водил тряпкой по кафелю — вытягивал за собой влажные полосы. В углу ругался телевизор, из-за двери, выводящей в коридор, слышалось шумное дыхание пылесоса. Журналист приглаживал мокрые от пота волосы, ногти у него были нестриженные, собравшие под себя грязь.

— Ну как, согласны?

— Простите, но я не понимаю.

— Что тут не понять?!

— Ну...

— Хотите, приплатим вам. За доблесть и все такое.

Константин Евгеньевич чувствовал зреющее раздражение. «Чего тебе надо? Чушь какая-то... Бред... А чего ты потный такой? Чушь... Скорее домой. Надоела эта тема. Правильно Людка сказала — забыть... Вором меня сделать...»

— Знаете, я все-таки не... Я хочу, чтобы вы рассказали, как все было...

— Я вам предложил, как сделать историю привлекательной. Ваше дело простое — согласиться, даже выдумывать ничего не надо.

— Нет... — тихо промолвил мужчина.

— Как знаешь. Человеку дело предлагают, а он нос воротит! Не понимаю... Еще раз спрашиваю. Согласен? Деньги...

— Нет. Не хочу я так. Не понимаю, зачем вообще...

— Ладно. Выход знаете где.

Журналист, не прощаясь, ушел.

Выйдя на улицу, вдохнув прохладу осени, Константин Евгеньевич подумал о жене, о теплой кровати, улыбнулся. «Надо было узнать, сколько бы он заплатил... Чушь какая-то. Не хотят — не надо. Мое дело простое... Теперь смеяться будут. Зря сказал о газете...»

Саша зажигалкой откупорил бутылку, крышка отлетела к стене. Темное пиво укрылось пеной. Рука подносит стакан к губам, горечь на языке, смех. Тело взопрело от духоты. В комнате накурено — Саша часто достает из пачки сигарету, красный уголек мелькает перед глазами на фоне серого тюля. Телевизор включен и сейчас рассказывает историю семейных ссор, мужчины его не слушают, однако звук не уменьшают, позволяя тому соперничать с их голосами.

— Ты будешь ругаться, — промолвил Константин Евгеньевич.

— Чего еще?

— Я хочу...

— Опять философия? — Саша нахмурился.

— Нет, ты уж... Я... В конце концов! Могу я расслабиться и... это... душу излить?!

— Ну давай. Только быстрее. Сам знаешь, мне от таких разговоров в туалет хочется, — мужчина усмехнулся, вдохнул табачный дым, замер и стал бережно выпускать его сквозь сжатые зубы.

— Я только хочу понять. Вот ты.

— Да.

— Зачем ты живешь?

— То есть как?

— Ну, зачем?! Ведь, видишь, как получается... Все, черт... Ну, затягивается, что ли. Я каждый день по две-три, а то и четыре компании обхожу, предлагаю им эту чертову программу... А я уже двенадцать лет там работаю, никогда не думал, что в нашем городе столько компаний... И ведь всегда разные... И ждешь только, скорее бы день закончился. А он тянется. Час за часом. Пока до Кузьминок доедешь, изведешься! Но... мне уже сорок. Как-то махом: раз — и сорок. Без предупреждений. И знаешь... знаешь, как я замечаю, что время прошло? По ногтям. Замечаю, что прошло несколько недель, когда у меня грязь набивается под выросшие ногти. И вот... только что я их постригал, а тут... снова выросли! Чертовщина какая-то... И ведь, понимаешь что? Не живем мы — горим. Только долго горим — так, что не замечаем боли. Слышишь, черти какие-то орут под окном? Пьянь...

Саша рассмеялся, покачиваясь, прошел к холодильнику, достал еще две бутылки:

— Может, крепенькой?

— Нет, не сегодня... Давай пиво. — По телевизору — реклама. — Ну так вот. А спасти-то нас некому. Да и не ждем мы, что кто-то вдруг ворвется в наш пожар, схватит нас и выведет в окно. Нет! Что уж там, не все даже понимают, что горят! А если вдруг приходит осознанность, то мало толку. Потому что — ужас. Сам посуди. Спал себе и спал. Тут глаза открыл, а всюду — огонь, трещит, ломается, вот-вот тебя сожрет... Бежать некуда, помощи нет...— Константин Евгеньевич ударил себя ладонями по голове, взъерошил волосы и продолжил напряженным голосом: — Не могу так! Слышишь... Надо встать, разбить стекло и вынырнуть к свежему воздуху! Но что такое «встать»? Какое «стекло»? А так... хочется вдохнуть свежего воздуха... Надоел этот постоянный дым, он повсюду — от всех этих горящих людей, и от меня тоже, ведь и я горю со всеми. Мне сорок лет, а я еще не жил, разве что в детстве, но это не в счет — это как во сне. А хочется наяву. Всегда горел — с того дня, как пошел работать, когда впервые получил зарплату и отдал ее матери, потом старался, торопился, бегал и, наконец, стоял у начальника — ждал, что он похвалит и... повысит. Повысили, я был рад, и ведь совсем не чувствовал эту гарь... Потом женился, ребенок. И все это — как в тумане. Не о чем вспомнить. Думаешь, ты лучше? Сомневаюсь... Я даже толком не представляю, как устроен этот мир! И ведь занят, устаю... Неужели у кого-то хватает времени понять... ну, историю, власть, психику или... еще что. Удивительно... Вот ты! Ты, черт возьми, вообще ерундой занимаешься. Тебе сорок два, а ты сторож...

— Ну... сам знаешь, как получилось. Время такое, — Саша перестал улыбаться, закурил, отстранился от друга. По телевизору возобновилась передача о семейных ссорах.

— Да чего тут время... чертовы людишки... Я за всю свою чертову жизнь впервые что-то сделал, а они даже оценить не могут! Где уже... в дыму ничего не видят...

— Не понимаю тебя, Костян. Сегодня ты... Даже пиво не помогает. Оставь это... Давай лучше в картишки перебросимся, а? Горим мы... Где? — Саша показал свои руки — худые и поцарапанные. — Видишь?! Ничего я не горю. Навыдумываешь всякое...

— Ладно, ты мне только скажи. Я правильно сделал, что за девчонкой в огонь полез? — Константин Евгеньевич поднялся, в теле разошлась пьяность, движения — широкие, резиновые.

Малая комната. Изорванные темные обои. Старый шкаф, под которым лежат доски. Окна проклеены скотчем, штор нет — только серый тюль. На подоконниках и рамах потрескалась белая краска. В ногах — линолеум: желтый с черным крапом. Всюду сор и пыль, собирающаяся продолговатыми фигурами — они бегут прочь от слабейшего дуновения. Диван скрипит от всякого движения, укрыт темно-красным покрывалом, не стираемым многие годы, затхлым. Над диваном — картина в рамке: берега, луг, небо.

— Не знаю, Кость... Не хочу об этом, ты...

— Просто скажи, что думаешь. Честно. Я не обижусь. И потом доставай карты.

— Ну... зачем? Ладно. Ты знаешь. Я всегда по себе мерю... ну, иначе, по-моему, и не получится. Это уж будет не мнение, а так — слова. В общем, я бы не полез. Чего ради жизнью рисковать? Я еще свое не отжил.

«А чего тебе твоя гнилая жизнь? Может, эта девочка гением станет...»

— Может, эта девочка еще, как вырастет, гением окажется!

— Пусть так. Но не помирать же из-за этого, ей богу! Мне что? Ну, пользу кому-то там принесет, а я — в гроб полезай?! Мне моя жизнь дороже. Потому что — моя. И все тут. Другой у меня не будет. Кто вообще придумал, что я должен о ком-то заботиться? Не понимаю... Я — это я, и все. Остальное — приложение, и пусть само о себе заботится. Ведь так?

«Черт его... Чую, что не так, а возразить нечего... Эх, надоели мысли, размышления».

«Прав Санька — надо просто жить. Для себя, остальное — пусть остается приложением».

— Так что, зря ты в огонь полез. Хорошо, жив остался. Для таких дел пожарные есть.

— Ладно. Давай карты.

В Кировском саду было спокойно. Шумя издали, приходил ветер — желтые листья падали с веток и неслись по асфальту, словно сотни мелких полевок, на скамейках дрожали тени. Потом все замирало — ветер ускользал в сторону. В шепоте деревьев казалось, что где-то там — море. Константин Евгеньевич знал, в городе нет даже малого озерца, но иллюзия была приятной. Он никогда не был у моря. Константин Евгеньевич и плавать-то не умел, хотя летом, по уговорам Люды, опускался в речку — брызгаться или кидаться мокрой землей.

От пожара прошло восемь дней. Никто не поминал спасенную девочку и выговор от Алексея Петровича, не было ни горевших комнат, ни дыма, ни задыхавшегося ребенка. Константин Евгеньевич смирился с тем, что был неправ.

В последние дни, подписав два крупных заказа, он неожиданно ощутил слабость. К вечеру у него болела голова — до того сильно, что не удавалось ни ужинать, ни смотреть телевизор. В висках до рассвета слышалась сильная, раскатистая пульсация. В груди сошлась резь, будто воздух был густым, проявился кашель — сухой, грубый. Однажды случилась рвота. Мужчина не мог объяснить этого. Люда подозревала отравление. Врач советовал отдохнуть.

Несмотря ни на что, Константин Евгеньевич был доволен собой и жизнью. Думал отремонтировать туалет, купить микроволновую печь. В этих планах было довольство. Кроме того, нужно было выбрать для Андрея институт. Алексей Петрович, забывший о недавнем гневе, улыбнулся при встрече и даже пошутил о полученных Константином Евгеньевичем заказах: «Такими успехами можно и премию накликать».

Мужчина не узнал благодарности за свой риск, обижался этому. «Я мог бы там сгореть...» Представляя возможную гибель, Константин Евгеньевич порой думал о собственной храбрости, предлагал себе работать спасателем, придумывал возможные заголовки для газетных статей... В этом было наслаждение, но хотелось, чтобы эти слова сказал кто-нибудь другой. Сейчас, в прошествии недели, мужчина понял, что для благодарности ему следовало посетить саму девочку.

Под ногами хрустят сухие листья. Пахнет землей. Гул машин здесь почти не слышен. Небо, поднятое прохладой, вычистилось от облаков. Солнце — желтое и мягкое. Белый воздух широким дыханием наполняет тело, опускается к ногам, заставляет выпрямиться, почувствовать руки, грудь, шею. Константину Евгеньевичу даже причудилось, что сейчас он видит четче прежнего: будто цвета лучше, предметы живее... «Надо чаще гулять по парку... Все эти головные боли — от города... Только и дышу, что выхлопными... Да. Но сюда долго добираться. Если только на выходные. А что? Братъ Людку, пусть тоже...»

Асфальт был старый и осыпавшийся по кайме, взгорбливался над тугими корнями. Рядом высились тяжелые дубы. В настойчивости ветра березы и тополя, стоявшие поодаль, шелестели, наклонялись. Их ветви дрожали, словно сотни веревок, сотканых из песка и каждый миг выпускавших желтые песчинки листьев. Константин Евгеньевич представил, что по задору листья могут сорваться все в раз: сейчас шепчутся осенней дрожью, а тут — единым покровом отталкиваются от дерева и, барахтаясь, будто простыня, падают на землю, ствол — только что яркий, помнящий цветение, в секунды оказался бы голым. Мужчина улыбнулся.

Подходя к больнице, Константин Евгеньевич видел, как спасенная им девочка обнимет его, заплачет и примется за едва понятные благодарности. «Там и отец ее, наверняка. Уж он-то начнет... Может, денег предложит. Почему нет? Но... Черт, как ты можешь о таком думать, когда тут... А что такого? Жить-то нужно. Так-так. Девочка. Обнимает, целует. Плачет. Я, наверное, тоже буду плакать. Она расскажет, как все было. Как увидела меня и поняла, что спасена. Да... Все-таки я молодец. И доктора! Доктора похвалят. Подойдут, спросят, тот ли я смельчак, что полез в огонь, рискуя собой, вытащил девочку. Я сознаюсь, тогда они один за другим пожмут мне руку, скажут, что таких людей побольше бы...» Мужчина усмехнулся. Он был счастлив.

— Хорошее тут местечко, — сказал он медсестре, курившей на лестнице.

— Да...

— Парк.... Свежий воздух.

«Я бы согласился болеть до самой старости, если бы меня определили в эту больницу. Ну, если только кормят здесь хорошо, и если остальные сестрички здесь такие же симпатичные». Задумав шутить, Константин Евгеньевич забеспокоился. Сердце стучало громче и чаще. Вдохнув, он сказал:

— Если бы... я знал, что меня сюда поместят, то... я бы согласился долго болеть. Может, всю жизнь! — мужчина улыбнулся.

Девушка не ответила. Затянувшись в последний раз, затушила сигарету о белый пилястр — в нем по такой привычке растянулось черное пятно, вниз, к ногам, посыпались искры. Зашагав к двери, неспешно выдохнула дым. Константин Евгеньевич поморщился неприятному запаху.

В фойе никого не было — даже только что вошедшей медсестры. Не зная, куда обратиться, мужчина подошел к пустовавшей регистратуре. Пришлось ждать. Вокруг: белые стены, белые тумбы, белые столы, три низких горшка, из которых к потолку тянулись зеленые и пахнущие хвоей растения, плакаты, объясняющие здоровье, овальное зеркало, стенд с цветными брошюрами. Все было чистым, аккуратным. Однако, проведя пальцем по малому выступу в стене, Константин Евгеньевич увидел, как на нем собралась чернота. «Как копать... Ну где же ты? Долго мне еще... Странная больница, тихо тут, как в склепе... Как же она там называется? Общественный центр... Или... Рекреации, что ли...» Мужчина вспомнил, как больше часа сидел с телефоном, чтобы узнать, где находится спасенная им девочка.

Послышался мужской голос — говорили от лестницы. Дверь, ведущая в коридор, отворилась. Константин Евгеньевич не видел говорившего, так как был скрыт от него перегородкой, обозначающей регистратуру. Голос приблизился.

— Ну я что? Слушай, как... Нет. Нет. Ну не начинай, не начинай!

Константин Евгеньевич без интереса рассматривал вывеску: узнавал о часах посещения, о необходимости иметь полис, о документах для...

— Нет, ожогов у нее нет.

Константин Евгеньевич прислушался, старался не шуметь.

— Не знаю. Катя, я вообще не понимаю, что делать. Ты сама подумай. Дом сгорел. У меня здесь теперь ничего нет. Я сейчас у друга живу, но это... Я... Я бы уехал, но — дочь. Да, если бы не она, меня бы уже здесь не было... Пойми, не все так просто. Я не знаю, что с ней делать. Что?... Да... Да. Я мог бы, но... она же не просто так — живет рядом и все. Ей пять лет! С ней надо возиться, заниматься... А если я соглашусь на это дело, то... Да, я слышал. Ну и что?

За громким ругательством незнакомец ударил по перегородке — Константин Евгеньевич, стоявший по другую сторону, вздрогнул.

— Ну и что? Аньку мне куда девать?! Да говорю же, ей пять лет всего! Не могу же я... Черт тебя возьми, не понимаешь что ли... Не говори так... Нет, у меня таких мыслей не было. Жива и жива. Как есть, так и... Было бы иначе, тогда... А теперь что... Ладно. Ладно, все. Да. Позже созвонимся.

Выключив телефон, незнакомец снова выругался, направился к выходу, хлопнул дверью.

Константин Евгеньевич ощутил всем телом, как изменяется его настроение: от радостного к унылому. Лицо ослабло, от долгой улыбки — усталость в щеках. Захотелось уйти. Бросить все. «Дурак... Какой же дурак. Сказали ведь — забудь про это, нет... полез. К черту... Домой и...»

— Что вам? — подошла медсестра — та самая, что недавно курила у входа.

Константин Евгеньевич объяснил свое посещение. В ответ ему указали третий этаж и восемьдесят седьмую палату.

— Только недолго.

Гладкие лестницы, белые пролеты. В движении ног — шорохи, если бы мужчина остановился, он обнаружил бы вокруг удивительную для города тишину.

«Да уж... странное место. И людей нет. Не хотел бы я здесь... скучно, а вот помирать — самое то. Для жизни, все-таки, нужна... И белое все... Не знал, что у нас есть такие больницы... Тут с ума можно сойти...»

Дверь в третий этаж была приоткрыта, на темной фрамуге горел плафон со знаком креста. Палаты были выстроены в два круга: внешний и внутренний. Различия в дверях не было, а номера выбирались диковиной логикой: шли в привычном порядке, но потом сбивались, от сорокового могли перейти к сорок шестому, не оставив и подсказки о том, где искать выпавшие пять палат. «Вот... люди. Ничего нормально не могут сделать. Так...»

Восемьдесят седьмую дверь он не нашел. Пришлось пройти весь круг, выглядывая таблички слева и справа. Толку в этом не было. «Чушь какая-то... Она... Нет, точно сказала, что третий этаж. Может, все-таки четвертый? Нет...» Мужчина вновь прошел по кругу. «Чертовщина...»

«Оно и к лучшему. Это знак. Не место мне здесь. Ну, увижу я девчонку, и что с того? Она меня даже не узнает. Может, вообще испугается. Закричит. Меня же потом обвинят в чем-нибудь... Катись оно... Что я тут... Да где эта дверь?!»

Константин Евгеньевич спустился ко второму этажу. Там были явно другие номера. Пришлось вновь подняться. Нарастало негодование. Пройдя очередной круг, мужчина выругался, сплюнул. Хотел уйти, но «черт... глупо... Что же, я даже комнату какую-то найти не могу? Дурацкая девчонка. Зачем я вообще полез к тебе! У тебя есть папаша, вот пусть он тебя и спасает! Бегай теперь тут... Восемьдесят пятая... Ну!? И где? Идиотизм...»

Константин Евгеньевич вспоминал огонь. Красные вспышки, непрерывный шум, жар на лице, дым... всюду дым. Никогда еще раздражение не было таким сильным. Оно стягивало живот, принуждало цокать, вздыхать, ударять вывешенные брошюры. У выхода к лестнице стоял цветок с длинными, опускающимися к полу листками, мужчина пнул его, коротко усмехнулся своему поведению. Вновь болела голова. Чаше сглатывая слюну, Константин Евгеньевич чувствовал привкус тошноты.

«Спросить даже не у кого... Да сколько можно тут бродить! Хожу по кругу, как... Все! Я пошел. Горите вы все тут! Поджечь вашу больницу с ваши-

ми...» Мужчина оттягивал рубашку, шаркал, тер ладонями щеки. Белый потолок, малые желтый пятна, линолеум, грязь на плинтусе, тело зудит. «Ну не бывает же так?»

— Э! Есть здесь кто? Народ? Вы что, вымерли тут все? А?

«Надо уходить...» Восемьдесят семь. Константин Евгеньевич замер. Злоба исчезла. Пришло спокойствие, а с ним — усталость. Неудобство в теле утихло, и только виски все еще отсчитывали удары сердца. «Не понимаю... Я же здесь... Как я не заметил? Глупость какая-то... Ну что же...»

Вспотевшая ладонь коснулась холодной ручки, скрип нажима. Дверь отворилась внутрь.

Тесная, но чистая палата. Кровать, тумбочка, укрытая белой тканью, узкий столик. Белые шторы, сейчас разведенные и собранные в углы глубокого подоконника.

На кровати, укрытая одеялом, лежала девочка. Она присела в присутствии мужчины. Маленькое личико, на правой щеке — повязка. Золотистые кудрявые волосы. В глазах — отблески голубого. Удивление. Недвижно смотрит.

— Привет.

Улыбнулась. «Узнала...»

— Ты меня узнала, да?

Константин Евгеньевич говорил тихо, почти шептал. Он оставался возле двери, не смея ступить дальше. Ему вдруг показалось, что неловко быть таким большим, когда рядом такая маленькая девочка.

— А я вот... Решил тебя навестить. Узнать, как ты поживаешь...

«Как же я... Надо было что-нибудь принести, она... Какая она... маленькая...»

— Прости, я ничего не принес... Просто, я не был уверен, что у меня получится, я...

Константин Евгеньевич не мог объяснить начавшегося в нем волнения. Дрожь в руках. Девочка вылезла из-под одеяла — показала на себе синюю пижаму, спряталась за спинку кровати и поглядывала из-за нее — игриво, пряча глазки. Мужчина в ответ улыбнулся.

— Знаешь, тебе повезло, что... в такую больницу тебя. Тут свежо. Не то, что там... Парк рядом. Тебе тут нравится?

Девочка молчала.

— Ты знаешь, тебя было непросто найти. Столько дверей... Бегал тут по кругу. Ты, может, слышала даже... Я, кажется, вслух причитал. Это... Ну... Нашел, хорошо.

Девочка вытянула к полу босую ножку. Встала. Быстрыми шагами подбежала к мужчине. Он испугался, отстранился, тело у него — слабое, легкое.

Девочка обняла Константина Евгеньевича за ноги.

— Ну... ты что? Постой, я ведь... Как...

Тишина. Вздохи. Шорох пижамы.

— Я же ... Столько дверей... Я в следующий раз принесу что-нибудь. Просто, не думал... Ты...

За окном — парк, осень, листья покидают деревья, взлетают ввысь, потом, кувыркаясь, падают. Там тихо, недвижно.

Скривив губы, услышав шум в ушах, сморщившись, Константин Евгеньевич беззвучно плакал. Не стесняясь слез, он опустил на колени, позволил девочке обнять его за шею. Ощутил ее тихое теплое дыхание, мягкий запах кожи, свежести, волосы щекочут лицо. Взгляд мужчины исказился, грудь дрожала, зажимая зубами нижнюю губу, он чувствовал соленый вкус. Не осталось ни мыслей, ни воспоминаний.

— Прости... прости меня, — шептал Константин Евгеньевич.

В этом мире никого и ничего не осталось. Только белый цвет и слезы, в них не было слов. □

Устраха

Глаза Велики

Елена Колчак

20

*Дети —
цветы жизни.
Пока не рас-
пускаются.*

Царь Ирод

Заведующая детдомом оказалась абсолютной противоположностью Галины Сергеевны — коренастая, простоватая, похожая больше на уборщицу или вахтершу, нежели на заведующую.

— Трудная была девочка. Они у нас тут все трудные, но как-то по-простому. Пошляться

Окончание. Начало в №3, 2013.

подольше, силу свою показать, перед дружками выставиться. Курят, клей нюхают, и не только...

— А деньги откуда? На развлечения? Им что, на карманные расходы выдают?

— Побойтесь Бога, какие карманные, откуда? — замахала руками Мария Степановна. — Даже если бы была возможность — ни в коем случае! Они тогда весь детдом вверх ногами перевернут. Подворовывают, перепродают что-то, да мало ли!

— А Кристина?

— Нет, Кристина — нет. Никогда. За нее могу головой поручиться — копейки чужой не возьмет. Хоть и говорят, что яблочко от яблоньки недалеко падает, иногда только руками разводишь, как у полных «никчемушек» такие приличные дети случаются. Поперек всякой наследственности.

— Этим, наверное, можно только гордиться?

— Было бы чем, — вздохнула моя собеседница. — Гордиться можно, когда это наша заслуга, педагогов, воспитателей. А Кристина себя сама сделала, нашего там ничего нет. А так-то, конечно, хорошо, что и из такой грязи что-то приличное может вырасти. Вы ведь знаете, как она в детский дом попала?

— В общих чертах. Родители-алкоголики, ну и... — выстрелила я почти наугад.

— Э-э... Если бы всех детей от алкоголиков забирали, у нас никаких детских домов не хватило бы. Тем более, сельские, там хоть до белой горячки допейся, всем наплевать, сами такие же. У Кристины родители погибли, угорели спяну. Она сама чудом жива осталась. Сидела в пристройке, боялась в дом идти. Спать-то в пристройке холодно, вот она и дожидалась, пока совсем напьются и уgomонятся. Навалила на себя всякое тряпье, чтобы согреться, и задремала. До пристройки угар и не дошел. Ну а утром они уже холодные были. Кристина же их и нашла. Родственников никаких, они пришлые были, откуда приехали — никто не знает. Ну, значит, в детдом.

— Сколько же ей лет было?

— Девять.

Я поехала. Девятилетняя девочка, дрожащая в холодной пристройке от страха перед пьяными родителями, а потом натыкающаяся на два бездыханных тела, — брр! Бедная Кристина!

— Она год после этого не разговаривала, по углам пряталась, по ночам кричала, я уж боялась, что придется ее в специнтернат отправлять. И наследственность, и нервное потрясение — тут и взрослый человек свихнуться может.

— Как — не разговаривала? — не поняла я.

— Ну, как, совсем. Ладно, если хоть слово за день скажет, а то и неделю промолчать могла.

— А в школе как же?

— Как контрольная или диктант — не меньше четверки. Она очень старалась. Очень. А как к доске вызовут, молчит, как рыба об лед. Спасибо, Галина Сергеевна пошла навстречу, чтобы Кристине дали возможность письменно отвечать. Потом ничего, отошла. Хотя никого к себе близко все равно не подпускала. Все только на учебу. Да еще книжки и телевизор.

— А ребята ее не шпыняли за то, что она такая... ну, не такая, как все.

— Стычки, конечно, бывали, но... Вначале они все за первый год привыкли, что ее не видеть и не слышать. Как-то начали дразнить, щипать, ну, приставали, в общем. А у нас тогда плита на кухне еще дровяная была, и рядом, в тамбуре, топор стоял. Кристина его схватила, размахнулась и ждет — мол, подходите. И все это молча.

— И что?

— Плечами пожали и разошлись, чего с психованной взять, еще рубанет. Ну и оставили в покое. А потом она, по-моему, с ними договорилась: я вам списывать даю, хоть всем подряд, а вы меня не трогаете. А уж к последним классам самые отъявленные по колониям разбрелись, остальные притихли.

— А Кристина сейчас где? Она после выпуска сюда больше не приезжала?

— Нет, — покачала головой Мария Степановна. — Да и что ей тут? Я даже не знаю, в какой институт она поступила.

— Вы думаете, что поступила?

— Конечно. Сейчас, наверное, уже заканчивает.

— Но, по крайней мере, в городе?

— Вот не знаю, может, и в Москву подалась.

Я свернула разговор, не дожидаясь, пока в душу Марии Степановны закрадутся всякие подозрения: почему это я задаю всякие вопросы здесь,

*Трезвый
пьяному
не товарищ,
а средство
передви-
жения*

**А.Р. Дов-
женко**

в Приреченске, но при этом не представляю, где Кристина сейчас и что с ней стало.

Сосед в автобусе с утомительным постоянством пытался использовать мое плечо в качестве подушки. Доверие, конечно, умилительное, в пору расчувствоваться, но амбре от него был такой, что даже открытое окно не спасало. В подобной атмосфере никакой гуманизм и человеколюбие выжить не в состоянии, и готовность подставить ближнему надежное дружеское плечо под давлением превосходящих ароматов мгновенно вытесняется из сознания. Однако, когда я ухитрилась придать этому «утомленному солнцем» относительно вертикальное положение, он тут же просыпался и начинал со мной знакомиться. Потом, огорченный неудачей, вновь пытался устроиться на моем плече — должно быть, для того, чтобы я не подумала, что он обиделся. Далее процесс повторялся.

Столь милый индивид, вкуче со своим ароматом, основательно мешал сосредоточиться. А подумать давно было пора. Полторы недели я плыла по течению, редкие попытки рассортировать информацию не шли дальше расплывчатых «а если так». Но сколько же можно? Даже эта чертова авария как-то не сильно меня взволновала. Не то она была случайной, не то и впрямь преднамеренной.

Может, хватит уже расслабляться, а, Маргарита Львовна? Тебя зачем в дом пригласили? Наблюдать? Постараться выявить вредоносную личность? Так не пора ли уже эти наблюдения разложить по каким-нибудь полочкам?

Тем более, что после рассказа Марии Степановны мне захотелось этого с неожиданной силой. Жутковатое видение — девятилетняя девочка над трупами родителей — обдавало нездешним холодом. Ей-богу, нельзя же человека

долбать всю его жизнь! Хватит, ей и так досталось. И ведь не сломалась, выросла — и как выросла! Из какого болота вылезла. Кстати, а ведь сказочки, которые Кристина рассказывала Регине, — не так чтобы уж совсем сказочки. А что семью себе любящую придумала — у кого бы повернулся язык ее за это осудить. И никто не посмеет сказать, что Кристина просто повезло — наоборот, жизнь ей только мешала, и вопреки этому она сама всего добилась. Так что право на спокойное существование она себе заработала.

Для начала очертим круг поисков. Очевидно, всяких посторонних, то бишь пришлых гостей, надо вывести за скобки, потому что вывод следует один: чужие здесь не ходят. Гости в доме бывают нечасто и не подолгу. Выявить постороннего, который присутствовал бы перед всеми имевшими место неприятными эпизодами, увы, или к счастью, не удалось. Можно еще предположить, что некто каждый раз проникал «с черного хода», в смысле, через овраг, но это, по-моему, уже совсем из области фантастики. Ну, в самом деле — незнакомая личность раз десять появляется в доме, и ее никто не замечает? И, кстати, этот «незнакомец» должен каждый раз как-то проникать на территорию поселка — а заборы и охрана тут в полном порядке. Нет, ребята, все возможно, конечно, но этот вариант крайне маловероятен. Надо искать «своего».

Итак, в доме господина Шелеста есть некто, устраивающий разнообразные пакости молодой мадам Шелест. Это у нас будет Шутник. Чувство юмора у господина весьма своеобразное, но, в сущности, он (она?) ничего особенно страшного не делает. Очень злобно, очень неприятно, но безопасно.

Плюс имеется некто, угрожающий жизни мадам. Это у нас будет Злодей.

Безусловно, Злодей и Шутник вполне могут оказаться одним и тем же человеком. Но для вящей чистоты рассуждений лучше их разделить. Более того, вполне возможно, что Шутников несколько. Злодей же, очевидно, все-таки один. Нетрудно представить, что несколько обитателей дома, независимо друг от друга, в лучших традициях коммунальной кухни устраивают молодой супруге «веселую жизнь». Семейная ревность бурлит в этом доме, как головастики в летнем пруду. Чуть ли не каждый «обитатель» желал бы тем или иным способом ликвидировать мадам Кристину как данность, то есть, чтобы ее совсем не было. Но представить, что хотя бы один реализовал это желание — уже, по-моему, перебор.

Значит, Злодей у нас наверняка один, а Шутников неизвестно сколько.

На самом-то деле, достоверно на присутствие в доме Злодея указывает только этот чертов ингалятор. Даже аварию можно еще посчитать результатом злой игры случая, но синильная кислота не тот «продукт», а ингаля-

тор не тот предмет, чтобы им можно было совпасть случайным образом.

Злобные письма — явно работа Шутника. Разорванная цепочка — тоже. И испачканное полотенце, «кровавые» пятна на котором при тщательном обнюхивании удалось опознать как один из лосьонов.

Разлитый шампунь может быть и случайностью, и результатом деятельности Шутника. Авария — либо случайность, либо еще один «подарочек» от Злодея. Ну а «заряженный» ингалятор — гарантированно.

Забудем временно про Шутника и попытаемся определиться с кандидатурой Злодея.

Сам Герман. Возможность — по всем трем «эпизодам» — да. Мотивы — более чем сомнительные. К тому же, если он замышляет что-то против Кристины, за каким дьяволом пригласил меня?

Боб. Увы, но возможности у него были. Мотивы? Не представляю.

Ольга. Возможности — да. Мотивы? Возможно. Тщательно скрываемая ревность, либо лояльность по отношению к матери, либо что-то еще, мне неизвестное.

Вика и Тимур. «Да» на оба вопроса. Но только если авария была случайной. Если нет, оба, по понятным причинам, исключаются. Тот, кто подстраивает автокатастрофу, не станет садиться в испорченную машину.

Светочка. Возможности — да, в том случае, если у нее все-таки есть мозги, чего до сих пор не замечено. Мотивы — Герман, конечно. Он-то ей вовсе не интересуется, зато она — даже очень.

Стас. Возможности — да. И аварию мог бы сам подстроить. Водитель он классный и, зная заранее, что колесо отвалится, вполне мог рассчитывать на то, что останется цел, плюс ответит от себя подозрения. Мотивы? Может, он тот самый Станислав из Приреченска? Оно бы, ко-

нечно, очень логично. Но в машину-то сели Вика с Тимуром, а он не оставил. Значит, не знал, что с машиной что-то не так. То есть, если авария спланированная — Стас не Злодей. Если случайная — может быть.

Любвеобильный алкоголик на очередной остановке, наконец, избавил меня от своего присутствия. Но, увы, две подсевшие тут же кумушки принялись с жаром обсуждать не то собственные семейные неурядицы, не то сюжетные сплетения какого-то сериала: «И что теперь делать? Представляешь, что будет, если он обо всем узнает? Кошмар!»

И в самом деле кошмар. Почему я с самого начала зациклилась на версии ревности, ненависти и тому подобных чувствах? Мотив действительно бросается в глаза, но это же не означает, что он единственно возможный? Что у нас еще есть, кроме эмоциональных стимулов?

Особых материальных выгод ликвидация Кристины никому не приносит. Если говорить не о совсем материальных... Ольга и Боб, по отдельности или вместе, могут готовить возвращение бывшей жены. Нина может сама рассчитывать на роль супруги, Светочка — тем более (в ее представлениях). У Зинаиды Михайловны может иметься устраивающая ее кандидатура.

Н-да. Как-то сомнительно все это выглядит. Нина, если предположить в ней желание стать новой мадам Шелест, могла бы начинать действовать еще раньше, не дожидаясь, пока Герман снова женится. Возвращение Марины — вообще фантастика, ей и там неплохо.

Очень хочется подозревать Светочку — она явно стремится завоевать сердце, а точнее, кошелек хозяина дома, но я не могу понять, зачем она при этом Стасу глазки строит. Да и есть ли у нее вообще какие-то осмысленные желания и стремления? Если же предположить, что вся ее безмозглость — лишь искусная игра, тогда она великолепная актриса.

Самый подозрительный — Боб. Если существует некая тайна, обнаружение которой может лишить его нынешнего удобного положения, — не поручусь, как он поступит при риске все потерять.

Зинаида Михайловна? Если следовать логике мыльных опер, она может скрывать, что Герман вовсе не ее сын. У Стаса ситуация как у Боба: например, при всей молодости, у него может быть криминальное прошлое, и он боится, что Герман про это узнает и выгонит. Правда, хороший водитель работу себе найдет без проблем, так что мотив «сокрытия» в случае Стаса сомнителен.

Ольга тоже может опасаться, как бы папе не рассказали про нее что-то ужасно нехорошее. Но что она в этом случае теряет? Сошлют «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»?

Я поймала себя на том, что меня в этих рассуждениях что-то смущает. Вот оно! Портреты «Кристина вчера» и «Кристина сегодня!» Они как-то не

совмещаются друг с другом. Вчера: упорная, даже жесткая, великолепно соображает, абсолютно точно знает, с какой стороны на хлебе масло. Сегодня: хрупкая, почти беспомощная, не очень умная, заботы о собственном благополучии с милой улыбкой перекладывает на окружающих.

А может, это два разных человека? — робко предположил внутренний голос. Может быть, уныло согласилась я. А что? Тоже вариант, не хуже и не лучше других. От фотографий, которые удалось посмотреть в учебной части, в школе и в детдоме, толку было немного. На фото в личном деле девочку от мальчика не отличить. Выпускная фотография тоже передавала лишь самое общее сходство — Галина Сергеевна, к примеру, выглядела на ней двадцатипятилетней красавицей-герцогиней. Снимки из детдома к жизненной правде были поближе, но тоже дела не проясняли. Такие правильные лица, как у Кристины, вообще с уверенностью опознать затруднительно: вроде она, а может, просто похожа. Вот будь у нее какие-нибудь приметы, например, в виде родимого пятна, тогда никаких сомнений бы не было.

22

*А мне мама,
а мне мама
целоваться
не велит!*

**Царевна-
лягушка**

У калитки я столкнулась с Ольгой — она провожала баскетбольного роста девицу с физиономией унылой лошади. Взгляд на такое, с позволения сказать, выражение лица позволяет выбирать между двумя возможностями: или человек непрерывно сдерживает зевоту, или у него болят не менее полудюжины зубов сразу. Ольга вежливо улыбнулась уходящей гостье и даже помахала ей рукой.

— С твоего курса? — самым естественным тоном поинтересовалась я.

— Из моей группы. Лилька Макарова. Пообщаться вдруг приспичило.

Лилька Макарова? Та-ак. Не из Приреченска ли эта «баскетболистка»? И возраст подходит,

и страшенькая, и филфак опять же. Многовато для простого совпадения. Подозреваемые, похоже, начинают плодиться просто почкованием. Еще неделя, и их хватит на небольшой партизанский отряд.

Пусть Кристина и классическая жертва, притягивающая потенциальных «агрессоров» просто по своей природе, пусть мне трижды несимпатичен этот типаж — но «агрессоров» это не оправдывает. И если Шутника я еще могу как-то оправдать, то деятельность Злодея — это уже за гранью...

Ни Германа, ни Кристины дома не было, а остальные сидели по своим комнатам. Досягаемым оказался лишь Боб, с привычной уже галантностью пригласивший меня «погулять». «Погулять» в его представлении означает валяжно дойти до набережной, дабы посидеть на террасе углового кафе. Одна из официанток этого кафе, судя по всему, представляет идеального мужчину примерно так же, как и я: при появлении Бориса свет Михайловича она меняется в лице, а на меня смотрит, как будто я собираюсь смыться, не расплатившись. Хотя платит, вообще-то, Боб.

— Ну, выкладывай! — потребовала я, как только мы устроились под зеленым «зонтиком», и нервная официантка принесла холодный чай, минералку, лед и бутылку якобы «токайского». Кстати, для простых смертных лед тут, разумеется, не предусмотрен.

— Что именно и куда? — вежливо уточнил Боб.

Вот как тут прикажете информацию добывать? Еще и наблюдает за мной, как за экзотическим животным. Если бы не его иррациональное обаяние, ей-богу, давно отправила бы его куда-нибудь подальше.

— Ты кто по образованию?

— Физик. Был, — слегка улыбнулся Боб. Надо полагать, мои наскоки выглядели и впрямь более чем забавно.

— А можешь вот сюда, — я вытащила из сумки пресловутый ингалятор, — добавить перцовую вытяжку?

Ингалятор на вид не сильно отличался от стандартного газового баллончика, на это я отчасти и рассчитывала.

Боб взял баллончик, оглядел, вернул мне:

— Может, я тебе лучше новый куплю? С любым перцем, какой захочешь.

Вот свинство! Нет бы побледнел при виде «орудия преступления», покраснел, в лице переменялся или там поперхнулся — ничего подобного. Либо он в жизни не видел этого баллончика, а тем более, не занимался «усовершенствованием» его начинки, либо он актер, каких свет не видывал. Ау, Маргарита Львовна! Не много ли вокруг тебя гениальных актеров развелось? Это уже на паранюю смахивает.

— Я про этот спросила! — заявила я максимально капризным тоном.

— Пардон, мадам. Желание леди — закон. Какой перец мадам предпочитает? Чили? Кайенский?

— То есть можешь?

— Тут и мочь нечего, — пожал плечами Боб. — Легко и непринужденно. Не в домашних условиях, конечно, но без проблем.

— А где можно достать синильную кислоту? — продолжила я допрос, убирая баллончик с глаз подальше.

Кажется, мне все-таки удалось его удивить.

— Года три назад — в магазине химреактивов. Как обстоят дела сегодня, я как-то не в курсе. Синильная кислота, увы, не входит в мой перечень жизненно необходимых веществ. Но если мадам угодно, я выясню. Предваряя последующие вопросы, могу сказать, что аквариума с рыбой фугу у меня тоже нет, и о тонкостях выращивания чилибухи ни малейшего представления не имею. По этому поводу лучше обратиться к Ядвиге Леонтьевне, она спец по ботанике. Может, мадам предпочтет небольшую бомбочку из подручных материалов? Или ампулу с цезием?

— При чем тут рыба фугу и цезий? — возмутилась я.

— Мне показалось, что тебя интересует всякая отравка. Или вообще возможные способы лишения жизни.

Да он просто издевается!

— Нет. Тебе показалось. Да. Не знаю. — Я окончательно запуталась. Наверное, мне мешал пронзительный взгляд той самой официантки. Вот именно сейчас ей приспичило встать в дверях подсобки.

— Сколько можно и чего ей надо?! — кивнула я в сторону раздражающего «объекта».

— Не обращай внимания, ошибки молодости, — непонятно объяснил Боб, бросив короткий взгляд в сторону «наблюдательницы».

— Ты ее знаешь? Давно?

Черт побери, да что же это такое?! Отродясь я таким пошлым любопытством не страдала, а тут словно за язык кто-то тянул.

— Как выяснилось, не знаю, никогда не знал, — еще более непонятно ответил мой визави.

— Так, может, надо просто поменять кафе?

— Пробовал, — усмехнулся Боб. — За одно лето мадемуазель сменила пять мест работы. Такое постоянство должно вознаграждаться. Если девушке настолько нравится обслуживать мой столик, что я могу возразить? Можно, конечно, каждый раз сидеть в другом заведении, но у меня есть странное пристрастие — мне нравится быть постоянным клиентом. Лед, опять же, в других-то местах не допросишься... — и он ехидно посмотрел на меня.

Непонятная история с официанткой, тем не менее, вряд ли имела какое-то отношение к Кристине.

— Ты уже перестал считать меня психиатром?

— Была бы психиатром, — обреченно вздохнул Боб, — возилась бы сейчас с Викой. Ей это не помешало бы. Я-то полагал, что она такая же, как Герман, но, видимо, ошибался. Похоже, Тим занимал в ее жизни куда больше места, чем это можно было заметить со стороны, — он опять вздохнул. — А может, ей просто хочется чувствовать себя виноватой...

— А что, есть основания?

— Ну, как же! — недобро усмехнулся он, даже глаза сверкнули. — Только в сторону прогуляться надумала, а муж возьми и умри. Да и объект избрала уж настолько неподходящий, не знала, наверно... Ладно, неважно. В общем, ситуация ясная. Вроде как Бог наказал.

— Злой ты...

— Что вы, мадам! Я очень даже добрый и отзывчивый. А уж страдания Вики переживаю прямо как свои собственные. Не веришь? Напрасно. Сам на себя удивляюсь, но что есть, то есть. Но кто я такой, чтобы лезть с советами?

— Ты о чем?

— Ну... — Боб одарил меня оценивающим взглядом. Он, казалось, размышлял: стоит ли меня посвящать в свои — вероятно, совершенно гениальные — выводы. Решение, видимо, оказалось благоприятным, и он пояснил: — Зря Герман ей отпуск на работе устроил. Так бы отвлеклась, а сейчас сидит и себя живьем пережевывает. Нервы-то не железные.

Откровенно говоря, я была совершенно с ним согласна. Физическое состояние Вики вполне позволяло вернуться к работе уже сейчас — в конце концов, не шпалы ей класть придется. И в офисе от звонка до звонка ее никто не запрет, при желании можно и на дом работу брать. Что же до душевных ран, так, чем дольше их расковыриваешь, тем дольше они не заживают.

— Герману ты об этом не говорил?

— А что толку?

— А с ней самой поговорить? Или не поговорить... — я решила, что цинизм Боба вряд ли испугает. А если да — тем хуже для меня. — Мало ли способов утешить безутешную вдову?

— Да как вам сказать, мадам, — усмехнулся Боб. — Я, может, и попытался бы, да кажется мне, что место уже занято. И вообще... Я холостяк неисправимый. — Он помолчал, как бы оценивая, стоит ли еще что-то говорить, и добавил: — Вика — настоящее чудо, и я даже не шучу, поскольку действительно хорошо к ней отношусь, но вы, мадам... Как я могу думать о ком-то еще рядом с вами?

— Клоун! — огрызнулась я, немного подумала и решила рискнуть: — Почему ты никогда не едешь со Стасом?

— Потому что мне это кажется несколько... парадоксальным, — ничуть не удивившись вопросу, ответил Боб. — Если позволите, мадам, я предпочел бы обойтись без подробностей.

— О'кей. Тогда почему у тебя нет своей машины?

— И чего я с ней делать буду? Глупо ездить на машине и не быть в состоянии ее починить.

— Ну, уж, и не в состоянии, не прибедняйся. Если ты физик, должен разбираться в технике.

— Не люблю крупных предметов. Предпочитаю все миниатюрное.

За столом воцарилось молчание. Я размышляла. И чего он со мной тут сидит? Каждый вечер, заметьте!

— Ясно, — вздохнул Боб. — Ты, значит, полагаешь, что все эти «добрые шалости» — дело моих рук, в том числе и небезызвестная авария. Очень мило с твоей стороны. Не совсем понимаю, при чем тут баллончик, а по поводу аварии у меня еще не выработалось соответствующее мнение. С одной стороны, зная Стаса, я склонен ему верить: если он утверждает, что все, обязанное быть завинченным, завинчено до упора — значит, так оно и есть. Хотя, говорят, на грех и грабли стреляют. Но, как бы там ни было, могу доложить, положила руку на сердце, — на то, чтобы открутить нужные гайки и перерезать нужные шланги, моих

скромных познаний более чем достаточно. Тут Кулибин не нужен. Но теория теорией, а... В чем, в чем, а в этом я не грешен.

— А в чем же тогда? Кулибин...

— Все мы в чем-то грешны, — отмахнулся Боб. — Кто-то нос в чужие дела постоянно сует, а кто-то слона у себя под носом заметить не удосуживается.

Оч-чень мне не понравились два последних замечания. «Нос в чужих делах» — это явно обо мне. А патологическая слепота — о ком? О Германе? Или опять обо мне? Даже если слона под собственным носом не замечает Герман свет Борисович — это очень печально, ибо означает, что и я не знаю чего-то очень важного.

И что это за тайна, из-за которой Боб не пользуется услугами Стаса? Как он выразился? «Это кажется мне... парадоксальным»? Может, Стас на самом деле из Приреченска?

А лошадь-баскетболистка по имени Лиля Макарова, подруга Ольги, и по этой причине входящая в дом? Господи! Ну, ничегошеньки я не понимаю! Куда делась моя хваленая интуиция? Где внутренний голос? При той неразберихе, что творится в доме Шелестов, внутреннему голосу положено было бы трещать без перерыва, а он, лентяй, разродился слабеньким предположением о «двух лицах» Кристины — и заткнулся наглухо. В спячку впал, что ли?

— Кстати, а какие это тяжкие труды ты мне собрался облегчать? — невинно поинтересовалась я.

— Ну, Рита... — укоризненно протянул мой очаровательный собеседник. — Если ты не психиатр, и в доме действительно происходят странные вещи, значит... Какого еще специалиста могут пригласить в подобном случае? Я, правда, их как-то по-другому себе представлял.

По-моему, Боб теперь принимал меня за частного сыщика или кого-то в этом роде. Я хотела что-то возразить, но почему-то передумала.

23

*Ты жива
еще, моя
старушка?*

**Родион
Расколь-
ников**

Коридор, где располагалась комната Вики, перекрывала Светочка со своим пылесосом. Да что же это она мне постоянно на дороге попадает!

Я постояла немного у двери, прислушиваясь. Занятие не из легких — пылесос в руках Светочки не умолкал ни на секунду. Но вот в соседней комнате слабо загудел принтер — значит, Вика не спит. Может, зря я все это за-

теяла? Принтер погудел и смолк, как будто напечатали всего одну страничку. Светочка подняла свой агрегат, но вместо того, чтобы двинуться куда-нибудь, стояла и смотрела на меня. Я вздохнула, переложила папку с бумагами из правой руки в левую и постучала.

Ждать пришлось не меньше минуты. Наконец дверь открылась. Вика была в длинном пушистом халате, оранжевом с зелеными корабликами, из-под которого выглядывали пухлые зеленые тапки с оранжевыми отворотами. Однако... На дворе плюс двадцать восемь. Лицо на фоне яркого халата казалось голубоватым, почти неживым. Из-за Викиного плеча мне были видны краешек дивана и кусочек заваленного бумагами письменного стола. И еще картинка на экране монитора. Картинка мне не понравилась.

Я постаралась выглядеть настолько смущенной и растерянной, насколько мне это вообще доступно.

— Извини, не хотела тебе мешать. Но, может быть, ты сможешь мне помочь...

— Помочь? — Вика посмотрела на меня так, будто только что увидела.

— Да я тут в документах запуталась.

— В каких документах?

— Всякие финансово-имущественные взаимоотношения между тремя конторами, я же в этом ничего не понимаю. Мне материал надо подготовить...

— Материал? — не поняла меня Вика.

— Ну да, статью, а может, и фельетон, не знаю еще, в фактуре завязла. Мне бы хоть понять, какие вопросы всем этим типам задавать. Чую, что там скользко, а разобраться — никак. А ты ведь как раз имущественным правом занимаешься, или как это называется?..

— Погоди минутку, — сказала Вика и скрылась в комнате.

Когда она меня впустила — действительно через минуту, не больше, — обстановка несколько отличалась от той, что я видела через ее плечо: никаких бумаг на столе, на мониторе светится обычная заставка, принтер выключен.

Около часа мы потрошили документы, пытаюсь разобраться, кто, кому, чего, когда и сколько. История, в самом деле, была весьма запутанная, однако Вика отделяла зерна от плевел виртуозно. Мне оставалось лишь отмечать в блокноте «узкие места» и «подводные камни», требующие уточняющих вопросов.

Щеки у Вики слегка порозовели, в глазах появился живой блеск. Это была совсем не та Вика, которую я привыкла видеть в последние дни. Через час она откинулась в кресле, на мгновение прикрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула, потом поднялась:

— Извини, я сейчас, — и скрылась в ванной комнате.

Там едва слышно стукнуло что-то деревянное, должно быть, дверца шкафчика, звякнуло что-то стеклянное, потом послышался звук льющейся воды.

На правом углу стола, возле принтера, стоял трехэтажный лоток для бумаги. На верхней полке лежала вскрытая пачка бумаги. Мне показалось, что первый лист как-то вроде бы просвечивает — что-то там «с изнанки» было нарисовано. Напряженно прислушиваясь к звукам, доносящимся из ванной, я лихорадочно пролистала всю стопку.

О-ля-ля! Однако в этом доме прямо-таки мода на занятия компьютерной графикой, точнее, одним из ее направлений... Один из листов являл собой, насколько я могу судить, точную копию картинку, замеченной час назад на экране. Другие позволяли полюбоваться вариациями на ту же тему. Текст не менялся, только шрифты и прочие эффекты. Попадались, впрочем, и рукописные — точнее, вырисованные от руки — экземпляры. В частности, тот верхний лист, что обратил на себя мое внимание...

Когда Вика вышла из ванной, я чинно листала бумаги из собственной папки и вносила в блокнот кое-какие уточнения. Поглядев на ее вновь побледневшее лицо, я начала прощаться:

— Ты уж извини, я не хотела тебя так утомлять.

— Что ты, наоборот, — слабо улыбнулась Вика. — Это все пустяки, пройдет. Давай все-таки до конца разберемся. Знаешь, я почувствовала себя значительно лучше. Надо на работу возвращаться, хватит киснуть.

Мы копались в документах еще около часа, а потом я ушла.

Светочки в коридоре уже не было, зато на площадке лестницы я натолкнулась на Германа. Ну, раз такой случай, надо пользоваться. Очень меня Стас интересовал, очень уж хотелось узнать о нем как можно больше.

— О Стасе? — удивился Герман. — А что — о Стасе?

— Он давно у тебя работает?

Мне показалось, что мой вопрос вызвал у Германа вздох облегчения.

— А-а... — протянул он, думая, похоже, о чем-то совершенно ином. — Года два. Или больше? Да я его сызмальства знаю. Почему вдруг? Слушай, давай вечером, а?

Ну вот, всегда так — только разгонишься, а тебя раз, и по носу. Ну и пусть, ну и не больно-то хотелось. Разобидевшись на хамство окружающей действительности, я с деловитым видом отправилась бродить по дому. Замысел был предельно прост — наткнуться на кого попало, и извлечь из этого «кого попало» чего-нибудь полезного.

«Кем попало» оказалась Зинаида Михайловна. Риточка, ах, Риточка, ох, да что же вы не заходите, да как раз Бориса Наумыча на побывку из больницы отпустили, да попейте с нами чайку — все, как ожидалось.

24

*Ничто так
не убивает
любовь,
как
заимность*

Казанова

Зинаида Михайловна суетилась, кажется, еще больше, чем в прошлый раз. Усаживала меня, выспрашивала, какой чай я предпочитаю, и вообще излучала всяческое радушие. Видать, соскучилась в одиночестве, без Бориса Наумовича. Или дело в чем-то другом?

Да нет, чушь какая-то в голову лезет. Хозяйка щебетала не умолкая:

— Что же вы, Риточка, печенье не берете? Неужели и вы на диете? Вот еще выдумали моду — чтобы все кости торчали, и кому это нужно?

Я поспешила заверить хозяйку, что никакими диетами себя никогда не терзаю.

— ... а печенье... о-о!.. м-м... восхитительно! Это вы сами пекли?

Зинаида Михайловна даже замахала на меня руками:

— Да что вы! Это все Ниночка, она у нас замечательная кулинарка, а уж выпечка у нее просто волшебная!

Я положила в рот еще одно печенье, и впрямь восхитительное.

— Потрясающе! Как же ее у вас еще никто не увел? Да такую хозяйку любой мужчина на руках носить будет. Где вы такое сокровище нашли и как уберечь смогли?

— Да уж... Обхаживали, бывало... — тяжело вздохнула Зинаида Михайловна. — Да она до сих пор забыть не может...

Забыть? Кого? Или что? Я изобразила на лице удивление и живейший интерес.

— Вы не спешите, Риточка? — вежливо поинтересовалась Зинаида Михайловна. — Вам полезно послушать, а то молодость тороплива, знаете ли...

Я тут же заверила ее, что ничуть не спешу и с удовольствием слушаю.

— Ну, удовольствие-то небольшое, — поправила меня хозяйка. — А польза может быть, вы слушайте, да запоминайте, как оно бывает. Нина ведь соседка наша, с Герочкой одну школу заканчивали, только она помладше. Я после Вики долго болела, и Нина по-соседски мне помогала. То пол помоеет, то сготовит... Так и повелось. Герочка даже ухаживал за ней, знаете?

— Вот как? — искренне удивилась я.

— Да-да. Только Ниночка вдруг, едва школу закончила, подхватила и уехала. Да, прямо так, не посоветовалась ни с кем, раз — и укатила. Мир посмотреть. Вот и посмотрела. Уж и не вспомню, сколько прошло, мне не до того было. А тут еще Маруся, матушка ее, совсем разболелась. Мы телеграмму — мать при смерти. Вернулась наша путешественница, поглядела я — и глазам не поверила. Всегда скромницей была, воды не замутит, а приехала на сносях. Видно, все одним миром мазаны, у всех ветер в голове. Значит, только за порог — и завил хвост веревочкой. Наверное, скрыть хотела, родила бы да оставила где. Тогда ведь не то, что теперь, на это не так смотрели, не уберегла себя — все, кому порченная нужна. А тут с Марусей такое, дожидаться уж некогда было. Вот и привезла матери подарочек. Та вроде даже и радовалась, передо мной виду не показывала, что стыдно, только какая уж тут радость. Тут ее и совсем подкосило. Ну, Нина мать схоронила, родила, да так и осталась, скрывать-то уже вроде нечего. Тяжеловато ей, конечно, с ребенком одной было, но справлялась, даже мне по-прежнему помогать успевала. Она шила замечательно, заказы на дом брала. А потом новые времена настали, мы сюда переехали, тут тоже все устраивать надо было. Герман видел, что мне без помощницы

трудно, хотел кого-нибудь нанять, да я Ниночку уговорила. Стасик как раз школу заканчивал...

Стасик?! Так Стас — сын Нины?! Вот так номер!

— Зина! — сверкнул глазами на супругу Борис Наумович.

— Да брось, уж будто секрет какой, — фыркнула на него Зинаида Михайловна.

Я сделала вид, что ничего не заметила, сосредоточившись на чашке с чаем — даже глаза прикрыла, от несравненного, дескать, удовольствия и сосредоточения на процессе...

А сосредоточиться было на чем. Информация о родственных связях — это, конечно, здорово. Ай, да Зинаида Михайловна, ай, да источник информации!

Спустившись утром в столовую — часа на два позже обычного времени, — я обнаружила там одинокую Кристину, задумчиво разглядывавшую изящный фарфоровый кофейник. Это меня несколько удивило — в конце концов, этот самый кофейник она видит каждое утро. И чего там разглядывать?

— Герман кофе пить не стал! — обиженно сообщила она. — И Ольга. И ты, конечно, тоже...

— Вы будете смеяться, леди, но я действительно не хочу кофе. Причем абсолютно и категорически. Организм, знаете ли, против.

— Ну и ладно! — Взмахнув широченным шифоновым подолом, Кристина отправилась наверх.

Оставшись в одиночестве, я, так же, как до этого Кристина, некоторое время разглядывала кофейник. Изящная вещица, что и говорить. Вот только кофе мне решительно не хотелось.

Через несколько минут в столовой появилась все еще бледная Вика, с отвращением смотрящая на стакан гранатового сока, зажатый в ру-

ке. Да что это с ними нынче? Самые обычные предметы вдруг вызывают какие-то неадекватные реакции. Чудеса!

— Привет, — бросила она и попыталась слабо улыбнуться. Приподняла кофейник, определяя наличие содержимого, и спросила:

— Уделишь чашечку?

— Да хоть весь кофейник, — гостеприимно предложила моя усталая донельзя личность. — Что-то мой желудок нынче никакого восторга по поводу кофе не проявляет, а совсем наоборот.

— Тогда я к себе заберу?

— Да пожалуйста, — пожала я плечами.

— А то в сон клонит, а мне документы кое-какие просмотреть надо, — зачем-то объяснила Вика.

— Документы? — удивилась я.

— Я на днях на работу выхожу. Хватит уже. И... спасибо тебе.

Вместо дежурного «всегда пожалуйста», я помахала Вике рукой и тоже отправилась к себе.

Часам к четырем дом почти опустел. Ольга ускакала отмечать закрытую, наконец-то, сессию. Зинаида Михайловна «запрягла» Стаса и отправилась навещать Бориса Наумовича. Вика опять не показывалась из своей комнаты — то ли готовилась к работе, то ли опять погрузилась в переживания. Ох, надо бы завтра с ней еще раз поговорить. Или пока не стоит? Герман с Кристиной отбыли на какую-то презентацию, а может, и в гости. Меня же несравненный Борис Михайлович утащил на очередную прогулку — на этот раз для знакомства с памятниками архитектуры. Я слабо пыталась возражать — мол, от вчерашнего похода еще в себя не пришла, да и вообще каменные симфонии волнуют мою душу как прошлогодний снег, но Боб оставался непреклонен...

26

*Все выше,
и выше,
и выше
стремим
мы полет
наших птиц...*

**Альфред
Хичкок**

Вика лежала на кровати, свернувшись калачиком на покрывале, как будто спала. Сперва промелькнула дурацкая мысль: она жаловалась вчера на сонливость, хотела взбодриться кофе. Значит, и кофе не помог, раз заснула прямо в одежде и постель не разобрала... и только в этот момент до меня дошло нечто простое и очевидное: не заснула же Вика почти на сутки! Так не бывает.

И рука ее, которую Герман попытался приподнять, подниматься «не захотела». Черт, не помню, с какой скоростью распространяется

трупное окоченение. Оно вроде бы еще от причины смерти зависит...

Пока в моей голове скакали все эти разумные, хотя и весьма сумбурные соображения, Герман — он вошел в комнату Вики первым, я подглядывала от двери — совершал довольно странные действия. Достал из кармана носовой платок, аккуратно, через ткань, взял со столика стакан с остатками гранатового сока, понюхал, поставил обратно, проделал ту же операцию со стоящей рядом кофейной чашкой, так же, платком, приподнял крышку кофейника, наклонился, тоже понюхал... Потом вынул из настольного лотка пачку листов — тех самых, на которых Вика рисовала свое страшное «произведение». Достал все сразу — и написанные от руки, и последние компьютерные варианты. Перелистал все, выбрал один, выглядевший, как бы это точнее сказать, наиболее рукописным, положил в центре стола, остальные засунул в карман... Меня он, кажется, не заметил...

Я попятилась, постаралась незаметно удалиться к себе и, чуть приоткрыв дверь, прислушалась. Герман вышел из комнаты Вики и, против всякого ожидания, направился по лестнице не вниз, а вверх, в башню Ядвиги. Пробыл он там недолго, от силы, минут пять. Затем по лестнице спустились уже двое. Твердая точная поступь Германа и легкие, хотя и несколько замедленные шаги Ядвиги Леонтьевны дополняли друг друга, как альт и флейта в средневековом дуэте. Они вернулись в комнату Вики, но вышли буквально через минуту-две. Точнее, вышла одна Ядвига, Герман задержался.

А я забила в угол кресла и начала бояться. Поведение Германа напугало меня почти до полного ступора.

«Ну-ка, хватит трястись, давай уже шевели мозгами! В любом направлении, главное, двигайся, не застывай, как кролик перед удавом!» — рявкнул на меня внутренний голос.

Ну, что ж, поразмышляем. Для начала можно предположить, что Вика «просто умерла». Но «просто» никто не умирает, так не бывает. Неожиданно стало плохо, потеряла сознание, не успев никого позвать? Нет. Не похоже. Она лежала в позе абсолютно мирно спящего человека.

И вообще — не верю. Почему «не верю»? Ну... Э-э... С чего бы тогда Герман посуду нюхал и с листочками возился? Все забрал, один оставил — зачем?

Чтобы ситуация выглядела идеальным самоубийством, очевидно. Поскольку Вика только что потеряла мужа и не родившегося ребенка, это будет выглядеть более чем убедительно. Быть может, он посчитал, что это и вправду самоубийство — и решил довести картину до абсолюта?

Ох, вряд ли. Герман не из тех, кто старается позолотить лилию и покрасить розу. Он упрям, но совсем не глуп. Если бы он поверил в самоубийство, он вообще ничего делать бы не стал. И вообще... Зная сестру, он никак не мог подумать, что она сама... Ведь даже я ни на мгновение не усомнилась в том, что это не может быть самоубийством, и Герман никак не мог всерьез рассматривать версию, что Вика покончила с собой. А зачем он ходил к Ядвиге Леонтьевне? Да чтобы заручиться ее поддержкой на предмет того, что, мол, у Вики была возможность раздобыть какую-нибудь отраву. В шкафах «Брюсовой башни» чего только не найти. А в состоянии депрессии наличие в пределах досягаемости яда запросто может оказаться пресловутой последней каплей. То есть, его доступность должна убедить — тех, кого надо убеждать — в версии самоубийства.

Вот и скажите мне — почему понадобилось убеждать окружающих в том, что это самоубийство?

Очевидно, потому, что на самом деле это убийство. Только так.

За окном свиристела какая-то сумасшедшая птица. Где-то в доме тихо стукнула дверь. Горло опять обволокло липким противным страхом. По спине пробежал жутковатый холодок, да что там холодок — арктический вихрь.

В дверь постучали так тихо, что я едва расслышала. Мгновенно мелькнула мысль — быстренько запереть дверь и ни в коем случае не открывать! Но я и пошевелиться не успела...

27

*Всему свое время.
Время раскидывать
грабли и время
наступать на них.*

**Соломон (из не-
опубликованного)**

Вот уж кого не ожидала, так это Ольгу с двоюродной бабушкой. Кстати, почему я не учитывала в своих подозрениях Ядвигу?

— Рита, ты мне говорила, что тебе нужно в редакции появиться. Может, Оленьку с собой возьмешь, она очень интересуется, но попросить смущается.

Ольга не выглядела человеком, который «очень» чем-то интересуется, разве что — забиться подальше в угол, под плинтус, и не отсвечивать.

Но с Ядвигой не поспоришь. На меня она взглянула всего один раз — и желание возразить или хотя бы задать какие-то встречные вопросы мгновенно улетучилось. Ну и ладно. Все одно мне хотелось побыстрее свалить из этого дома. Да и в редакции появиться было бы и впрямь неплохо.

В машине мы молчали. Стас, растерявший вдруг все свое немногословное дружелюбие, мрачный, как три гробовщика, ни на мгновение не отрывался от дороги, Ольга сидела вся какая-то пришибленная, а мне, признаться, было не до ее душевных переживаний. Произнесенное мысленно слово «убийство» вывело меня из почти двухнедельной заторможенности и дико разозлило.

Забавно, но отравленный ингалятор, из которого я едва не вдохнула, меня не разозлил, а теперь — поди ж ты! Злодея нужно немедленно определить, остановить, нейтрализовать. Любым способом, хоть физически. Но сначала его надо найти.

Чем и кому могла помешать Вика? Собственной матери? Брату, в смысле, Герману? Племяннице? Стасу? Нине? Бобу? Бред какой-то! Ну, что ж, начнем. С чего? Со способа, вероятно. Исходя из положения тела и — что очень важно — из действий Германа, единственная версия — отравление. Так... Стакан, чашка, кофейник...

Кофейник! Кофейник, из которого не выпили ни Герман, ни Ольга, ни Кристина, ни я. Та-ак... А если нет? Может, все-таки что-то другое? Какие-нибудь таблетки возле кровати или тот самый гранатовый сок... Э, нет! В комнату я заглянула сразу после Германа, то есть увидела то же, что и он. Никаких таблеток там точно не было.

Нет, хочешь — не хочешь, а придется признать, что целью каждый раз была Кристина, и

сейчас дело в том самом кофейнике — только ленивый мог не заметить, что именно она и именно из этого чертова кофейника пьет каждое утро.

Злодеем может быть... Да кто угодно. Кроме... Так... Борис Наумович в больнице, отпадает. Хотя я ведь не знаю, когда он туда вернулся. Если вечером, после нашего чаепития, то все в порядке. А что, если утром? Тогда мог бы.

Светочки вчера не было, отпадает. Хотя могла и забежать на пять минут.

Стас... Я покосилась на угрюмый профиль. Было бы логичнее, если бы он так помрачнел после аварии — как же, такое подозрение в непрофессионализме! Ан, нет! После аварии он ходил... ну да, огорченный, но обычный, в общем. А сейчас — весь почернел, будто ему не только смертный приговор зачитали, но уже и к плахе подвели. Доступ к кофейнику у него, впрочем, был — каждое утро на кухню завтракать заходит.

Равно как и Боб, впрочем. Но как-то это... маловероятно.

Зинаида Михайловна обыкновенно тоже завтракает на кухне, с Ниной. Полностью исключить нельзя и ее.

У Нины была прекрасная возможность налить в кофейник все, что угодно — но она не могла быть уверена, что «это» попадет лишь к Кристине. Или могла? Для этого нужно было оказаться «наедине» с кофейником в тот момент, когда и Герман, и Ольга, и вообще все, кроме Кристины, уже разбегутся по своим делам. Теоретически возможно, практически сомнительно. Кстати, то же самое относится и к Зинаиде Михайловне, и к Бобу, и, тем более, к Стасу.

Проще всего «приправить» кофе в столовой было Ольге. Или Герману. Поскольку и она, и он от кофе отказались.

Герман! Вот что мне не дает покоя — его странное поведение в комнате Вики. Про «путешествие» кофейника он знать не может, значит, не может и предположить, что Вика погибла по ошибке. В таком раскладе он должен кого-то в этой смерти подозревать, и этот подозреваемый, скорее всего, ему очень дорог. Потому что все манипуляции с якобы предсмертной запиской дают один-единственный результат — этот самый «кто-то» выводится из-под удара, в смысле, из-под подозрения. Ведь если это самоубийство — какие могут быть подозрения?

Нет, не в том направлении я думаю. Ни у кого не было никаких оснований желать Викиной смерти — и кому, как не Герману, это знать. Значит, он никого не может в этом подозревать, тем более прикрывать. Полный абсурд. Если только... Он мог вычислить, что смерть Вики — случайность. Или все-таки не мог? Что-то мой пасьянс никак не сходится...

В редакции, к счастью, мое длительное отсутствие прошло почти незамеченным. Ни катаклизмов, ни даже просто неприятностей не случилось.

На втором, пустующем столе в моей комнате спал Славик, один из наших репортеров. Все как обычно.

Ольгу я усадила с пачкой каких-то журналов, а сама принялась изображать рабочий энтузиазм. Надо же заняться хоть чем-то в те несколько часов, что нам придется провести в этих, уже родных для меня стенах.

На моем столе обнаружилось всего три сообщения о «пропущенных» телефонных звонках, причем два пустяковых, не требующих не только ответа, но даже минутного внимания. Третий звонок был от Марии Степановны из Приреченска. Номера телефона она, однако, не оставила, пришлось минут десять потратить на поиски.

— Вы интересовались, не знаю ли я, где Кристина сейчас, а тут так странно получилось, я подумала, что вам это, может быть, нужно...

— Что-то случилось?

— Да пустяк, но... Мне неловко было вас беспокоить, но все-таки...

— Мария Степановна, очень хорошо, что вы позвонили, никакого беспокойства, наоборот, спасибо...

— Это все, наверное, неважно, но вы спрашивали...

— Что произошло? — резко перебила я, и моя резкость заставила Марию Степановну приступить, наконец, к делу:

— Я на днях ездила в город, и знаете, бывают же такие совпадения, буквально столкнулась с Кристиной.

— Где?

— Она с каким-то мужчиной, она его Германом называла, входила в ресторан. В центре, с таким странным названием «У капитана».

— Да, знаю, есть такой. А мужчина, он как выглядел?

— Очень импозантный, постарше Кристины, уже седина пробивается, у brunetов это очень

заметно. Худощавый, одет великолепно. И Кристина тоже — как с картинки.

— Это точно она была? Вы с ней разговаривали?

— Да нет, я попыталась поздороваться, но она так, знаете, кивнула небрежно, как будто мы еле знакомы, я и отошла. Я не обижаюсь, вы не подумайте, ей, наверное, неприятно вспоминать и детский дом, и вообще все, что раньше было. Раз сейчас все хорошо...

— Но это точно была Кристина? — недоверчиво повторила я.

— А как же! — обиделась Мария Степановна. — Уж своих-то воспитанников я в каком угодно виде узнаю!

Еще раз поблагодарив, я повесила трубку. Значит, мои дурацкие сомнения и впрямь дурацкие, «Кристина вчера» и «Кристина сегодня» — одна и та же Кристина.

28

*Угощайтесь,
господа послы,
отменная
водочка —
царская!*

Иван IV

Похороны Вики ничем не отличались от других похорон, на которых я в течение жизни имела несчастье присутствовать. Никто не бился в истерике, издавая душевраздирающие вопли, никто не бросался на бледную испуганную Кристину с криком: «Это была твоя смерть!» Только на лице Бориса свет Михайловича я заметила какое-то странное застывшее выражение. Казалось, он напряженно наблюдает за присутствующими, ловя малейшее движение. Вот только что он хотел увидеть?

Три дня я пыталась поговорить с Германом, но он только отмахивался — погоди, мол, потерпи, не до тебя, все потом. Что — потом?! Черт бы его побрал!

Дом затих. Каждый молчком занимался своими делами, не проявляя большого стремления пообщаться с ближним. Впрочем, они и раньше не особо его проявляли.

Значит, болиголов... В исторических источниках, правда, фигурирует цикута, она же вех, она же водяной болиголов. Но цикута вызывает судороги, тошноту, сильные боли, так что там был именно болиголов: тяже-

леют и отнимаются ноги, и постепенно холод поднимается до сердца.

Народная медицина использует болиголов не то при ревматизме, не то при артритах, в общем, для лечения суставов. Наружно, конечно.

Пустой пузырек с ярко-красной наклейкой — такими Ядвига метит опасные препараты — обнаружили у Вики под кроватью. Содержимое флакончика, похоже, целиком переключилось в тот самый кофейник. Чистое самоубийство, короче говоря. Депрессия после потери мужа и ожидаемого ребенка, доступность яда — и вуаля! Предсмертная записка прилагается.

Якобы предсмертная — вот в чем фокус-то. Но кто об этом «якобы» знает, кроме меня? Герман, разумеется. Ибо сам же и выложил на общее обозрение наиболее убедительный вариант, чтобы уж никаких сомнений не оставалось — самоубийство.

— Ну, ты же понимаешь, что никаких других вариантов даже не рассматривалось! Все очевидно. Записка — так, завершающий штрих. Да не подпрыгивай, я просто видел, как ты подглядывала, когда... ну, в комнате у Вики. Ты, кстати, ни с кем своими наблюдениями не поделилась?

Я автоматически покачала головой. Ой, идиотка! Ты что, не знаешь, что делают с нежеланными свидетелями?

— Ну да, я так и думал. И не говори. Маме и в голову не приходит, что это не самоубийство. Если до нее дойдет — не переживет.

Впрочем, нет. Если Злодей — Герман, зачем я ему понадобилась? Достаточно выставить меня из дома, а он продолжает настаивать, чтобы я оставалась. Бессмысленно.

— А ты как догадался?

— Да уж догадался. Если верить Ядвиге — а она не хуже любой лаборатории, — отравы была в кофейнике. Он полный был?

— Ну да.

— Значит, она выпила чашки три, а то и все четыре этой, прости, смеси. Для самоубийства, согласись, довольно странно. Это раз. Я, Риточка, Вику знаю... — Герман осекся, глубоко вздохнул и продолжил: — ...знал, как облупленную. Прошла там депрессия или нет, дело темное, психология, в общем. Но не стала бы она кофе в кофейник наливать, не по ней эти церемонии, взяла бы джезву. Вот готовый взять, если уже кто-то перелил, — другое дело. Это два. Уезжая в контору, я Кристину оставил в обществе этого самого кофейника. Причем пить она так и не стала. Это три. Ты, а следом за тобой Вика спустились примерно через час.

— Герман... — осторожно проговорила я. — А не лучше бы Кристину сейчас отправить куда-нибудь? В Париж, в Токио, да мало ли? На месяц, на два? На полгода, если нужно?

— А потом все начнется опять? Нет.

— Или все-таки охрану, или...

— Нет, я уже сказал, что это не обсуждается.

— Не боишься?

— Как ты думаешь, Рита, если бы я был способен шарахаться от угроз, как балерина от пьяного травматолога, смог бы я занять то положение, которое занимаю сейчас? — устало посмотрел на меня Герман.

— Нельзя же рассчитывать, что в следующий раз он опять промахнется.

— Проманется — не проманется... Ты издеваешься? Знаешь ли, у меня не так много родственников, чтобы позволить их убивать.

— Герман... А если это не случайности?

— Что?!

— Понимаешь, он все время промахивается. Как дурак. Но сами-то способны... Все очень изобретательно. И аккуратно. Не идиот придумывал.

— То есть?

— Ну... Как на корриде. Убийство быка само по себе не очень и важно. Главное — сделать все по правилам, чтобы спектакль выглядел...

— Я понял. Главное — эстетика процесса, а не результат.

— Примерно. Только я уже не уверена, что мы правильно видим результат. Кристина — не цель, а средство. Он в тебя целится. Но тебя ведь личной опасностью не напугаешь? А вот потерять Кристину ты боишься больше всего на свете. Да и прочие тебе — не чужие. Вот он и «промахивается» — чтобы ты как следует прочувствовал. А сам в это время наблюдает, как тебя трясет.

— Значит, ты думаешь, что это все-таки посторонний?

— Не исключаю, во всяком случае, «посторонний» — понятие относительное.

*Постой,
паровоз!
Не стучите,
колеса!*

**Анна
Каренина**

— Знаешь, — покачал головой Герман, — я, конечно, не ангел, я даже могу представить, что кому-то хочется меня убить. Но чтобы кто-то ненавидел меня до такой степени... Это уже что-то запредельное, в голове не укладывается.

Я не добавила того, что вертелось у меня на кончике языка — еще страшнее ждать, кто будет следующим, а вместо этого сказала:

— Герман, а если попробовать отвести удар?

От автобусной остановки до КПП — так Герман и прочие обитатели дома называли будочку на въезде в «поселок» — можно пройти двумя дорогами. Одна, асфальтированная и освещенная, для тех, кто двигается на колесах. Пешеходная, чуть не вдвое короче, пересекает некое подобие парка. Фонарей в «парке» аж полдюжины: два на входе, остальные прячутся меж кустами и деревьями. Причем без какой бы то ни было логики.

Конечно, разумнее идти по хорошо освещенному асфальту. Но так хочется побыстрее...

Я не боюсь темноты. Никогда не боялась. Правда, иррациональный страх темноты — это одно, а элементарная осторожность — совсем другое.

Где-то в середине «парка» шелест листвы показался мне каким-то... не очень лиственным. Я замедлила шаг и вскоре заметила впереди какое-то светлое пятно. Еще шаг. Еще один...

Золотистые волосы, неповторимый, великолепно различимый — даже в полной тьме — костюм «а-ля марсельский матрос»... Если бы я не слышала собственными ушами, что костюмчик Кристины сменил хозяйку, я поклялась бы, что у дороги лежит именно она. Рассыпавшиеся волосы закрывали лицо, пришлось опуститься на колени — точнее, просто упасть, ноги не держали. Дрожащей рукой я отвела спутанные локоны...

Ольга. Собственно, сомнений в том у меня не было с того момента, как я опознала костюм.

Жутковатым холодом обдала мысль — а если бы я пошла по автомобильной дороге?..

Ольгино лицо в темноте казалось неправдоподобно белым, на губах вздулся кровавый пузырь, лопнул, начал вздуваться следующий...

Очень захотелось проснуться, но ледяная половинка мозга любезно сообщила, что, если появляются пузыри, значит, девушка дышит. Пока еще дышит. Те же пузыри неоспоримо свидетельствуют о ранении легкого, так что перевязывать ее неспециалисту, то есть мне, бессмысленно. Тут специалисты нужны. Квалифицированные.

Весу в Ольге примерно столько же, сколько во мне, значит, тащить я ее буду не меньше получаса. Да и можно ли ее двигать с раной в легком? С другой стороны... Бегом до КПП — полторы минуты. Я уложилась в минуту...

«Скорая» подъехала к дому Шелестов одновременно с машиной, на которой мы привезли Ольгу. Рана сама по себе не была смертельной — нож скользнул по ребрам и зацепил легкое лишь слегка, но крови девушка потеряла порядочно. Если бы я выбрала цивилизованную освещенную трассу, кровотечение убило бы Ольгу за три-четыре часа.

Везти ее в больницу Герман не позволил, хотя, по-моему, в больнице было бы безопаснее.

Я скрылась в свою комнату, уткнулась в спинку кресла и начала молотить по ней кулаком. Ну, сколько можно?! Я Кристине зла не желаю, но жертве, на которую охотятся, не грех бы — дабы не подвергать опасности окружающих — уже оказаться убитой. Хотя бы для того, чтобы после этого близкие могли вычислить убийцу, не опасаясь за свою жизнь.

И «ссора» почему-то не сработала. Плохо было сыграно, или кто-то нас подслушал? Или все-таки основная цель — сам Герман, а остальные жертвы — лишь средство максимально испортить ему жизнь? Кто был целью сегодняшнего нападения — сама Ольга или опять Кристина? Пожалуй, в центре «сжимающегося кольца» все-таки Кристина.

Когда же все это кончится? Или Злодей, охотясь на нее, постепенно убивает большую часть клана Шелестов, и выбирать останется — всего из ничего?

Осторожный опрос обитателей дома и в этот раз не принес никаких результатов. Да, когда мы привезли Ольгу, все были на месте. Но — с пятью выходами, знаете ли, нет проблем исчезнуть из дома незаметно. Времени у Злодея было более чем достаточно: я наткнулась на Ольгу, как минимум, через полчаса после нападения. Если же нападавший был со стороны, он вполне успел бы, как сказал классик, «добежать до канадской границы».

Вызванные поселковой охраной представители власти, то бишь полиция, нимало не сомневались: нападение было совершено очередным от-

морозком. Покрутились, покачали головами — мол, мы, конечно, поищем, но вы же сами понимаете. Тем более что все, в общем, «обшлось», пострадавшая вне опасности. Разубеждать «представителей» мы не стали. Наверное, Герман мог бы на них надавить или денег посулить, но особого смысла в этом не было.

Утром Герман дал мне возможность поговорить с Ольгой.

— Оленька, ты говорила кому-нибудь, что Кристина подарила тебе костюм?

Она слабо качнула головой. Движение было настолько неопределенным, что могло означать и «нет», и «да», и даже «не знаю».

— Оля, тебе тяжело сейчас двигаться, я понимаю. Не надо кивать, лучше моргни. Если говорила — один раз, нет — два раза. Попробуй.

Ольга долго смотрела на меня — как будто не видела или видела что-то свое. Потом медленно моргнула, даже не моргнула, просто опустила ресницы. Секунд через пять ресницы поднялись... и после такой же паузы снова опустились. Та-ак...

— Значит, не говорила? — Так и не дождавись движения ресниц, я переспросила: — Или не помнишь?

Медленно, с раздумьем — дважды: не помню. Ладно, попробуем в лоб:

— Ты сможешь узнать нападавшего? Если да, моргни один раз, нет — дважды.

Ресницы опустились сразу и сразу же поднялись. Но не успела я сформулировать следующий вопрос, как движение повторилось.

И что это значит? Видела, но не разглядела? Видела и может опознать, но совершенно не желает об этом говорить? Или... Да нет, чушь собачья, занесло меня... Скорее всего, не хочеть говорить, кого именно узнала.

А это значит, что она кого-то покрывает, так? То есть там был человек, который ей близок и

дорог. Может ли это быть кто-то из сокурсников? Теоретически да, но постоянного ухажера у нее нет, значит, куда вероятнее, что это кто-то из домашних — бабушка, дядя... отец, черт бы его побрал! Герман — единственный человек, которого Ольга не выдала бы ни в каком случае. Папочка!

Поделившись своими сомнениями с Бобом, я получила совершенно неожиданный комментарий:

— Усложняешь. По-твоему, она молчит, потому что кого-то прикрывает. Может, все проще? Самостоятельная вы очень, мадам, а Ольга ребенок еще, не забывай.

— Ничего себе ребенок!

— Она ведь привыкла, что она в доме младшая, и все к ней, как к дитяти неразумному, относятся. Тогда какой смысл говорить, кого ты видела — все равно не поверят, скажут, со страху показалось или, хуже того, наговариваешь со зла.

Мысль была неожиданная, но очень похожая на правду. В сущности, Ольга ведь лишь внешне выглядела взрослой и самостоятельной. А на самом деле? Достаточно вспомнить, как она с преподавательницей не могла справиться, точнее, не хотела.

Но почему Боб ничуть не удивился? Как будто был заранее уверен, что, во-первых, Ольга кого-то узнала, во-вторых, никому и ничего она об этом не скажет.

30

*Легко
на сердце
от песни
веселой!*

**Соловей-
разбойник**

Господи, кто? Боб? Зинаида Михайловна? Ядвига Леонтьевна? Светочка? Нина? А если и вправду Стас?.. Не мерещится же мне, в самом-то деле! Может ли женщина двадцать лет ждать и готовиться к восстановлению поправленной справедливости?

Стас? Если он знает о прошлых отношениях Нины и Германа — может ли он начать мстить? От матери он далек, как Антарктида от Китая, по крайней мере, внешне, но все же... А если он знает или хотя бы догадывается, что и он тут не последний? Ведь ему достаточно лишь взглянуть в зеркало и улыбнуться. Даже я могла бы догадаться куда раньше.

Сам Герман? Вообще бред. Зачем?

Или даже... Ольга? Что, если ее равнодушные к матери — не более, чем игра, как и до-

брые отношения с Кристиной? И отец значит для нее гораздо больше, чем это можно предположить из наблюдений? Дурацкие «письма», разорванная цепочка — это так по-детски. И разлитый шампунь — тоже. На все остальное у нее вполне хватило бы и «соображалки», и чисто физических возможностей. Удар ножом может быть попыткой отвести от себя подозрения. Правда, попытка вышла очень уж основательная. Но ведь недооценивать опасность — это тоже так по-детски...

Н-да. Ни алиби, ни, наоборот, улик нет ни у кого из обитателей дома ни по одному из «эпизодов». Зато мотивов — на любой вкус.

Пытаясь сложить два и два, чтобы получить не сапоги всмятку, а хотя бы семнадцать, я забилась в дальний угол сада и по давней привычке начала выкладывать из подручных материалов для себя самой загадочные схемы. И вдруг неожиданно раздался пронзительный женский крик, заставивший меня вскочить и помчаться со всех ног к дому. Добежав до гаража, я остановилась как вкопанная. Зрелища, представшего передо мной, хватило бы, чтобы обеспечить ночными кошмарами добрую дюжину людей на полгода вперед. Капот новенькой Кристининой машины был смят, и под его изломами, на железных внутренностях лежал... лежало...

О том, что это Стас, я догадалась лишь потому, что утром видела его именно в этой футболке. Вместо головы и плеч виднелось что-то большое, железное, с углами... Господи! Тут не то, что закричать, тут бы в обморок свалиться куда-нибудь в угол, чтобы ничего, чтобы ничего, чтобы совсем...

Ближайший угол, однако, был занят: там, поджав коленки к груди, свернувшись в маленький клубочек, сидела Кристина и, обхватив себя руками, пыталась унять дрожь. Правда, без особого успеха.

— Я... он... я не хотела...

В дверях гаража появились Герман, Боб и Нина. Герман и Боб схватились за «железное с углами» — ящик весил, наверное, килограммов двести или, по меньшей мере, сто. Нина застыла в дверях, прислонившись к косяку. Кровь в одну секунду отлила от ее лица, превращая его в гипсовую маску. Я испугалась, что она сейчас потеряет сознание, и даже шагнула ближе, чтобы подхватить, но этого не потребовалось. Сохраняя ту же каменную неподвижность, Нина охватила взглядом все помещение гаража: меня, Кристину, тело Стаса... Медленно-медленно выпрямилась, повернулась и со скоростью черепахи двинулась в сторону дома.

И тут на аллее, ведущей к дому, показалась Света. Завидев скопление публики, она мгновенно забыла о своих планах (если они у нее были) и свернула к месту событий. Вопль, который она издала, заглянув в дверь, наверняка сорвал охоту папуасам Новой Гвинеи и вызвал небольшое цунами в районе Японских островов.

На Нину этот вопль не произвел ни малейшего впечатления. Она не то, что не обернулась — даже не вздрогнула, и скорость ее движения не изменилась ни на йоту. Зато Кристина еще глубже вжалась в собственные колени и начала дрожать еще сильнее. Напрягшись, я подняла ее на ноги и почти потащила к дому.

Через полчаса, заставив Кристину выпить чуть не полстакана коньяку и столовую ложку валерьянки, я все-таки добилась от нее более-менее внятного изложения событий.

Началось с того, что новенькая машина не пожелала заводиться. Кристина попросила Стаса посмотреть, в чем дело. Дожидаясь, пока тот обнаружит и устранит неисправность, она решила присесть на скамеечку, пристроенную в дальнем углу, и, обходя машину, зацепилась за какую-то веревку ... Скрежет, грохот падения... Дальше она толком не помнит, все как-то смешалось. Наверное, она закричала, раз я слышала крик, но сама этого крика не заметила и не запомнила. Быть может, она даже на какой-то краткий момент потеряла сознание, потому что как очутилась на полу — тоже не помнит.

31

*Нет ничего
быстрее мысли.
Нет ничего
медленнее думы*

**Тарас Шевченко
(вероятно)**

— Ну, и зачем ты меня сюда притащил?

Возмущению моему не было предела. Да и кто бы мог сохранить в такой ситуации спокойствие — хватают тебя, волокут куда-то и при этом не дают сказать ни слова, только подгоняют. На протяжении тех минут, которые потребовались

нам, чтобы дойти до набережной и отыскать там свободную лавочку, я только и слышала «давай не останавливайся». Почему я действительно не остановилась, не сбежала куда-нибудь, не осталась в доме, наконец? А вот потому. Меня просто затопила исходящая от Боба уверенность в том, что все совершаемые действия абсолютно необходимы.

Усадив меня, Боб принес от ближайшей стойки кофе, коньяк и минералку, после чего заявил, что готов слушать меня со всей мыслимой для него внимательностью. Спросить хотелось обо всем сразу, и, запутавшись, я ограничилась вопросом, почему он меня сюда притащил. Ответ был дан в привычном уже для меня стиле Бориса свет Михайловича — все сказать и не сообщить при этом практически никакой новой информации:

— Немец попросил. Потому что нечего там сейчас делать. Я ведь тоже ушел, ты не заметила? Если понадобятся твои показания как свидетеля — хотя чему ты, собственно, свидетель? — успеют допросить. Потом. Хотя, по-моему, не понадобятся. Нормальный несчастный случай. Веревку я убрал, так что все в порядке, если какие следы от нее и остались, так мало ли чего в гараже навалено.

— Какую веревку? — тупо переспросила я.

— Ту самую, радость моя, за которую Кристиночке вздумалось потянуть. Неужели она тебе не рассказала? Веревка была очень грамотно зацеплена за связку двух старых аккумуляторных блоков — стояла эта конструкция на самом краешке верхней гаражной полки. Только дунь — и упадет. А с другой стороны веревочка цеплялась за новенькую машинку Кристины. Так что любой, севший за руль и решивший выехать из гаража, получил бы этой самой связкой прямо в крышу над водительским сиденьем. Я, конечно, не спец по автозапчастям,

могу ошибиться, но блок весит где-то килограммов восемьдесят. Высота там почти три метра. А корпус современного автомобиля, как ты понимаешь, далеко не танковая броня. Я, признаться, не видел эту конструкцию до того, как она сработала, но веревочка была завязана грамотно, чем-то вроде шлюпочного узла, точнее, парочки таких узлов — в статике держит мертво, а только потяни, тяжелая штука падает, веревочка соскальзывает вниз и — мало ли что там валяется. Кто же знал, что Кристиночке вздумается за кончик потянуть? Вопросы будут?

— Значит, если бы она не споткнулась о веревку, эта груда железа...

— Ну, там далеко не только железо, иначе оно столько не весило бы.

— Не придирайся к формулировкам. Значит, если бы веревка не попала Крестине под ноги, все это грохнулось бы на голову ей самой?

— Вероятно, — безразлично пожал плечами Боб. Добрый он все-таки...

Укладывала полученную информацию в голове я долго. Как ни сопротивлялась, как ни пыталась придумать что-то другое, по всему выходило, что это Стас. Милый, неулыбчивый, патологически обязательный Стас, влюбленный во все, что ездит... Он технарь по духу и крови, он был единственным хозяином гаража, в конце концов, у него были причины не любить Кристину. Только одно говорило в его пользу: когда Кристина попросила его «посмотреть, что с техникой», он не мог не помнить, что над его головой «висит» смертоносный груз. И чего же он тогда полез? Но аргумент этот был, увы, вполне крохотным. Чтобы обезвредить конструкцию, ему перед этим нужно было, как минимум, выставить Кристину из гаража. А если он сам вязал эти узлы, то знал, что в статике они абсолютно надежны. Вряд ли можно было предположить, что Кристина споткнется об веревочку.

Ладно, кто еще? В конце концов, гараж стоит открытым почти круглосуточно, а Стас не торчал там, как пришитый. Выждать и воспользоваться моментом мог кто угодно. Не встающая до сих пор с постели Ольга? Зинаида Михайловна, устанавливающая тяжеленные блоки на краешке гаражной полки и вяжущая на них шлюпочные узлы — это зрелище выходило за рамки даже моей фантазии. Нина? Не знаю, про Нину невозможно сказать хоть что-то определенное. Герман? Обладая абсолютно свободным доступом в апартаменты Кристины, он мог бы тот же несчастный случай устроить значительно проще. Боб? А вот это — запросто.

Неужели Боб?.. Или Злодеем все-таки был Стас, который сегодня попался в собственную ловушку?

— А Стас знал, что он его сын? — спросила я у Боба.

— Мог. Хотя уверенности нет.

— А Зинаида Михайловна?

— Она же не слепая. Ты и то догадалась.

— Ну... Я догадалась после того, как она мне намекнула, что Стас — сын Нины. И то не напрямик, а так, вскользь... Ты сам-то как узнал?

— Да я уж и не помню, давно дело было.

— И ничего не сказал Герману?

— С какой стати? У него своя голова есть. Каждый видит то, что хочет видеть. Да и как ты себе это представляешь? Явиться к нему и торжественно сообщить, что его шофер вовсе не его шофер, ну, то есть, он, конечно, шофер, но на самом деле сын... Сцена из мексиканского сериала.

— А Ядвига?

— А что Ядвига? Она знает все про всех больше, чем мы сами о себе знаем, но никогда никому ничего не сообщает. И что ты прицепилась — сын, не сын, знал, не знал, все равно доказательств никаких, Нина ничего не скажет.

— Не понимаю. Двадцать лет растить сына — рядом с его отцом — и...

— И что? Именно потому, что двадцать лет. Сначала, может, надеялась, что сам догадается, а потом вроде и глупо — что же раньше молчала? Ты вот что... Ты пока свой темперамент умерь, посиди спокойно.

— Да я, кажется... Надо было мне еще две недели назад домой вернуться. Или вообще здесь не появляться.

— Вот только угрызений совести нам тут и не хватало! Сказал же — посиди спокойно.

И опять, как после смерти Вики, я столь же упорно, сколь и безуспешно пыталась «поговорить» с Германом, а ему опять было некогда. Просто кошмарно некогда. Сначала надо было организовать похороны, потом отправить в санаторий Ольгу, да и работа сама по себе двигаться не станет... В общем, ни минуточки свободной, так что, даже когда удавалось с ним столкнуться в доме, он отделялся торопливым «да-да, Риточка, потом, потерпи немного»...

**Митрофа-
нушка**

Из холла доносились голоса. Я прислушалась. Говорят на повышенных тонах, а кто и о чем — не понять. Атмосфера явно накалялась, хотя разобрать отдельные слова было по-прежнему невозможно. Что за дела? Еще поубивают там друг друга...

Тихо и осторожно я сунула нос в полуоткрытую дверь...

Вот так да! Никого. Бешеный спор, так меня настороживший, сосредоточился в рамках телевизора, откуда доносились всякие душераздирающие реплики. И вдруг я почувствовала, что в холле кто-то есть. Вдруг. В одно мгновение. Так наваливается духота, когда неожиданно отключается вентилятор. Неслабое ощущение, надо сказать. Впрочем, морок быстро рассеялся. Это оказалась, всего-навсего, Зинаида Михайловна. Она сидела в массивном кожаном кресле, напоминая мумию какого-нибудь Тутанхамона — и не только размерами. Ох, и постарела она за то время, что я тут нахожусь, даже как будто усохла. Мне стало ее порядком жаль: дочь погибла, внучку ножиком порезали хоть и не смертельно, но основательно, а тут еще и Стас... Наверняка ведь она знает или хотя бы догадывается, что он приходился ей внуком.

— Здравствуй, Риточка! Не умею я с этим пультом обращаться, как его выключить?

Я ткнула нужную кнопку и, когда экран погас, спросила:

— А с вашим телевизором что?

— Да кто ж его знает? Не показывает. Герочка вот обещал мастера вызвать.

Ох, если бы все проблемы решались так же легко. Ведь у меня есть Кешка — технический гений, к тому же, он парень добрый, помочь бабушке наверняка не откажется. Если, конечно, я его на городских пространствах выловлю — это раз. Если он не грохнется в обморок от одного упоминания такой археоло-

гии, как этот чертов «Горизонт», или как бишь его там, — это два. Если... Даладно, попробовать-то можно?..

Решительно, сегодня — везучий день. Может, со смертью Стаса все неприятности, наконец-то, иссякли? Забыть все мои фантастические предположения, собрать какую-никакую доказательную базу для Германа свет Борисовича, и — прощайте, господа Шелесты, на всю оставшуюся жизнь.

Впрочем, это потом. Сейчас первоочередная задача — утешить Зинаиду Михайловну. На мое счастье, Кеша не только оказался дома, но и был «до пятницы совершенно свободен». Ну, не до пятницы, естественно, лишь до сегодняшнего вечера, но на обследование телевизора, надо думать, хватит.

Поскольку, по неясным для меня причинам, он готов оказывать мне всякие услуги по первому намеку, то явился уже через полчаса. Зинаида Михайловна ахала и ужасалась — как же такой малютка полезет в эти гадкие электрические кишки? Ничего себе малютка!

Памятуя о незыблемом правиле «не лезть под руку мастеру», я оставила Иннокентия наедине с «больным» и благоразумно удалилась. Однако не прошло и четверти часа, как доблестный борец с электроникой вновь возник на моем пороге.

— Неужели все? — восхитилась я. Кешка, конечно, гений, но не до такой же степени. Да и не бывает у победителей таких удрученных физиономий. Даже не столько удрученных, сколько озадаченных.

— Пойдем, я тебе кое-что показать хочу, — со вздохом проговорил Иннокентий.

— Солнышко, а ты меня не переоцениваешь? — удивилась я. — Я, надо полагать, отличу электронную лампу от таракана, но лишь потому, что лампы не склонны к самостоятельному передвижению.

— Не прибедайся, — буркнуло «дитя». — Знаешь ты, как лампа выглядит. А большего и не требуется. — Войдя в комнату, он продемонстрировал мне внутренности семьсот какого-то «Горизонта»: — Видишь самую большую лампу?

Самую большую лампу я видела — более того, с первого взгляда поняла, чем она привлекла внимание Глебова.

— Это ты с нее экран снял?

— Нет, не я, — терпеливо ответил Кешка. — Судя по состоянию крепежа, экран сняли достаточно давно.

— Достаточно давно для чего? Ты хочешь сказать, поздно уже бить тревогу?

— Хочется надеяться, что нет, — покачал головой Кеша. — Если, конечно, никто пока еще не умер. Это все-таки лампа, а не ядерный реактор. Да и телевизор обычно не круглосуточно смотрят, сама понимаешь, тут все от времени зависит. А я не спец по медицинской радиологии.

Честно говоря, я тоже не спец. Только и знаю, что всякие нехорошие излучения могут происходить из разных источников, а организму они все не нравятся, он от них болеет и вообще чахнет. Генерировать «нехорошие» волны могут самые разные источники: телевизоры, микроволновые печи, рентгеновские установки и все такое прочее. В телевизоре, конечно, нет никаких радиоактивных веществ, но излучение, тем не менее, наличествует. В каком диапазоне излучает электронная лампа, мне неизвестно, но... если Иннокентий говорит, что именно данная конкретная лампа излучает вредно и сильно — значит, так оно и есть.

И тогда получается, что пока на ней экран — все в порядке, а если нет... Снять защитный экран с радиолампы — способ убийства едва ли не более изощренный, чем отравленный персик Борджиа. Технический замысел, конечно, заслуживает всяческого восхищения, но направлен-то он на тех, кто этот телевизор регулярно смотрит, то есть, на старших Шелестов. Да, время от времени их посещают и другие члены семьи, но уж никак не затем, чтобы посмотреть любимый сериал Зинаиды Михайловны. И не все, между прочим, посещают, Кристина к ним точно не заходит. А это значит... Мне вспомнилась разрезанная — а не разорванная! — на четыре куска цепочка. Это значит...

Это значит, что я — идиотка!

Все настолько очевидно, что непонятно лишь одно — как я могла быть до такой степени слепой. И ведь приходила мне в голову эта идея, но была тут же убита по причине полной своей бредовости и бессмысленности.

Терминатор

По моему наущению Кешка объяснил Зинаиде Михайловне, что неисправность он обнаружил, только у него, к величайшему сожалению, нет нужной для ремонта детали, но он клянется, что к завтрашнему дню ее раздобудет и заставит этот ящик заработать.

Теперь следовало позвонить Герману, по возможности, срочно. И делать это из дома, с их неясной для меня системой параллельной связи, не стоит. Если именно сейчас, когда я уже разобралась, кто, зачем и каким образом, на меня вдруг, как на Стаса, упадет что-нибудь тяжелое, ей-богу, будет очень обидно — все распутать и в последний момент превратиться в бездыханное тело. Тем более что невозможно предугадать способ, которым это будет проделано.

Тащиться к поселковой диспетчерской не хотелось совершенно, а ближе нигде и ничего нет. Население вполне обеспечено телефонами в особняках, к тому же, в каждом доме, как минимум, три мобильника. В доме Шелестов мобильная связь тоже, конечно, имеется, но Герман и Боб отсутствуют, а аппаратом Кристины мне в этой ситуации пользоваться как-то не с руки...

Собирала я себя в кулак несколько минут, но их вполне хватило Кешке, чтобы догадаться, в чем проблема. Он вздохнул, полез в карман и, усмехнувшись, протянул мне трубку:

— Звони, куда хотела, а то раздумаю.

Дозвонившись до Германа, я попросила его поскорее приехать домой. Герман, надо отдать ему должное, мгновенно ухватил ключевое слово «поскорее», пообещав быть в пределах часа.

Должно быть, он решил, что в доме завелась еще парочка трупов, поскольку приехал через тридцать пять минут. Я попросила Кешку поработать гидом: демонстрация чертовой лампы вместе с объяснениями тянула на неплохую экскурсию.

Я же сидела и думала, что Герман, наверное, уже двадцать раз проклял тот день, когда пригласил к себе дотошную журналистку.

Мне бы теперь только два-три часа свободных — для обследования одной из комнат этого проклятого дома...

Через двадцать минут я отправила домой изнывающего от беспокойства Кешку, выпросив у него диск с разными полезными программками, а еще через десять господин Шелест весьма официально сообщил мне, что он с Кристиной отправляется в театр, на премьерный спектакль. Вернется часа через четыре...

На полочке в интересующей меня ванной комнате красовался точно такой же ингалятор, как тот, что я отвозила Вадиму. Я аккуратно пшикнула в раковину — этот «прибор» не издавал никаких посторонних запахов. Еще один кусочек головоломки занял подобающее место.

Но меня в первую очередь интересовал компьютер. Я надеялась, что человек, чувствующий себя одиноким, как и полагается Злодею, станет вести дневник или хотя бы делать какие-то заметки. Моя же задача — их отыскать.

Для очистки совести я просмотрела ящики письменного стола, хотя и не рассчитывала найти там ничего интересного. Бумага — слишком опасная форма хранения информации, «спрятать» некий текст в «недрах» своего компьютера куда надежнее.

Минут пятнадцать я бессистемно лазила по разным директориям — не попадется ли на глаза что-то подозрительное. Не попадалось. Но я же чувствую, что должны быть какие-то заметки. А я должна за эти три-четыре часа их разыскать. Пойди туда, не знаю куда, отыщи то, не знаю что...

Еще минут через сорок, после нудной проверки методом тыка, я, наконец, решила призвать на помощь логику. Что, если поискать, обращаясь к «привычкам» компьютера, а не его хозяина? В конце концов, практически все программы запоминают документы, которые активизировались последними. А если то, что я ищу, действительно дневник, обращения к нему должны быть достаточно частыми. Так, в меню «Документы» пусто, как я, собственно, и ожидала. Но список последних обращений существует не только там...

Ага. Кажется, оно. Самых последних файлов — пять. Ну, что, попробуем?

Четвертый по порядку файл затребовал пароль — yes!

Погоди радоваться, Маргарита Львовна, остудила я себя, мало ли что там. Еще через несколько секунд стало ясно, что не желающий открываться документ входил в директорию, все файлы которой запаролены. Кажется, оно. Преисполненная благодарности к гениальному Глебову, обеспечившему меня нужными программами, я приступила к взлому, начав с многообещающего имени «SCALA» — «лестница».

Пароль выглядел очаровательно — ПукьФт. Я посмотрела на клавиатуру. Ну, конечно! В режиме кириллицы набрано латинское GeRmAn, причем, заглавные и строчные буквы чередуются. Да, простенько, но логично.

Открыться-то он открылся, а дальше? Я «пролистала» десяток-другой страниц — везде одно и то же. Чертова перестраховщица! Мало ей было пароля, надо, видите ли, лишний раз обезопасить себя от посторонних глаз. Текст выглядит следующим образом:

Stujlyz jy yjcbn vtyz yf herff? f gjcktpfdnhf gjdthbn
bv dctv? Xnj z tuj yt cnj./ В ult z njulf jrf;ecm&

Ну, да ладно, теперь уже ясно, что я нашла именно то, что нужно. А способ «шифровки», похоже, самый что ни на есть простой — тот же, что и в пароле, только наоборот. Попробуем проверить. Я начала подставлять под латинские буквы соответствующие им на клавиатуре русские: с-е-г-о-д-н-я о-н...

Сегодня он носит меня на руках, а послезавтра поверит им всем, что я его не стою. И где я тогда окажусь? Значит, все было напрасно?

Я «листала» страницы, «переводя» отдельные фразы — ясно было, что на все у меня просто не хватит времени.

Опять снятся Они. Как будто у меня не получилось, и Они живы. Больше всего боюсь закричать во сне — никто не должен знать.

Главное — не сомневаться. Если я сумела тогда, в девять лет, смогу и сейчас.

Спину обдало холодом, душу — ужасом и одновременно жалостью. Последние две строчки со всей мыслимой определенностью свидетельствовали, что смерть родителей Кристины вовсе не была трагической случайностью. Через какие кошмары должен был пройти этот ребенок, до каких размеров должен был вырасти ее страх перед самыми близкими людьми, чтобы в девять лет единственным выходом стало — убить. А все,

что будет потом — уже легко. Все, что пугает тебя — убей. И каждый мертвец — ступенька, по которой ты выкарабкиваешься из болота страха. Вверх по лестнице, ведущей вниз...

После каждого «письма» Герман делается такой нежный, такой заботливый, так за меня боится, так успокаивает. Кто же это...

Светочку своими бы руками удушила! Ни рожи, ни кожи, ни мозгов, а туда же, Герману глазки строит, в моей косметике роется. Ну, я ей устрою подарочек!

А если Стас узнает, что он его сын?

Колесо получается дольше, чем руль. На целую минуту. Но лучше колесо — может сойти за несчастный случай. Руль — слишком очевидно, могут заподозрить неладное.

Нина спит и видит, как бы Германа заполучить.

Ольгу немного жалко. Если бы не эти письма, я бы не придумала, как все устроить. Но все равно она — маленькая дрянь! Герман все ей...

Я не стала «переводить» дальше, закрыла убийственно откровенный документ... Господи! Бедный Герман!

Скопировав все это безобразие, я быстренько ликвидировала следы своего пребывания и вышла из комнаты — начинало темнеть, до возвращения Германа и Кристины из театра оставалось всего ничего. За это время я успела «перевести» на удобочитаемый язык еще некоторое количество заметок — столь же откровенных. Конечно, будь у меня под рукой Иннокентий, он наверняка быстренько нашел бы мне какую-нибудь программку, делающую то же самое со всем текстом сразу. Но разыскивать его времени не было, да и особого желания, по правде говоря, тоже. Уж больно мерзкая вышла история, не для детей до шестнадцати.

Дальше все было быстро и неинтересно. Ознакомившись с моей находкой, Герман удалился, не сказав мне ни слова. Явившийся минут через пять Боб передал мне вежливое распоряжение — собирать вещички. Что ж, у меня, во всяком случае, нет оснований на него обижаться.

34

*Только у нас!
Лучшие дорожные
покрытия — самые
благие намерения...*

**Строительная
компания
«Девять кругов»**

Боб даже не попытался попроситься на чашку кофе. Довез меня до дому и сообщил, что сегодняшний вечер он уже семьдесят лет как пообещал провести с родителями. Пришлось смириться. Естественно, родители подтвердят факт его отсутствия нынче в доме Шелестов куда надежнее, чем я.

К тому же, стоило войти в квартиру, как все размышления о мужской невежливости улетучились, как вирусы от имени Касперского. Общество, встретившее меня — в моем собственном, между прочим, доме, — было теплым и разнообразным. Вокруг кухонного стола уютно устроились: майор Ильин, Лелька и, вестимо, Иннокентий, чтоб ему!

Ну, все ясно. Этот мелкий пакостник, видите ли, забеспокоился — не понадобится ли мне срочная помощь, разыскал Лельку и заодно, на всякий случай, Ильина. Уж не знаю, чего он хотел от господина майора, может, прибытия в дом Шелестов группы захвата для вызволения моей персоны? К счастью, чрезмерную активность Лелька пресекла, но если бы я не явилась, через полчаса-час народ собирался и впрямь начать действовать. Ну, или, по крайней мере, собирался Глебов. Ильин просто выжидал ...

Вообще-то, я Никиту свет Игоревича люблю очень и очень. Ей-богу. Не мужик — сокровище. По крайней мере, его присутствие объясняет, каким образом теплая компания вообще очутилась на моей кухне. Кешка-то перемещается со своего балкона на мой по репшнуру. Для Лельки спуск по веревке тоже не представлял бы затруднений, но вряд ли она стала бы устраивать такой спектакль, рискуя сделать нервные системы окрестных бабушек совсем уже нервными. А дверь я при отбытии к Шелестам закрыла так, что без ключа ее даже изнутри не откроешь.

Зато Никита Игоревич прошлым летом в порядке тимуровской помощи менял мне замки, ибо те, что были у меня раньше, вскрывались не то, что шпилькой — взглядом. Вот Ильин, как истинный мужчина, и позаботился о безопасности дамы, попутно заронив в мою голову кое-какие подозрения насчет количества прилагавшихся к новым замкам ключей... Значит, роль благород-

ного защитника не помешала майору один комплект ключей оставить для собственного пользования. Как приятно осознавать, что у тебя есть верные друзья, которые бросаются на помощь по первому твоему зову и даже вовсе без оно́го. Но мне было уже не до чего — сейчас бы спать залечь и ни о чем не думать. Слишком хорошо я представляю, что сегодня произойдет у Шелестов...

— Ну, Маргарита Львовна, зная тебя, можно предположить, что к утру в городе объявится свеженький труп, — это было первым заявлением кошмарного майора.

— Насколько я помню статистику, к утру в городе объявится не меньше полусотни свеженьких трупов, — прикинулась я полным «шлангом». — Людям почему-то свойственно умирать, разве нет? Более того, они делают это весьма регулярно. Или я ошибаюсь, и в нашем любимом городе уже прямо царство бессмертия? Только гадкая Маргарита Львовна по присущей ей вредности никак не хочет с этим согласиться, так? Или ты рассчитываешь, что это будет мой труп? Личный.

— Рита, не придуривайся, сделай милость? — устало попросил Ильин. — Не знаю, что у тебя произошло...

— Зато я знаю, — перебила я его. — Никаких свеженьких трупов по твоей части не намечается. Ну, что тебе, солнышко, на экономических преступлениях не сиделось? Жили бы мы с тобой душа в душу, как Бойль с Мариоттом или даже как Римский с Корсаковым. Знаешь что, свет моих очей? Яви уж божескую милость, ладно? Оставь меня в покое. Хотя бы на сегодня, еще лучше дня на три, а? Ну не восхищает меня сегодня твое общество, уж не обессудь. И этого спасателя малолетнего с собой прихвати, а то он, чтобы вскипятить чайник, пожарную команду вызовет.

— Ну, Рита... — жалобно протянуло «дитя». — Я...

— Ага, ты решил, что у меня по углам сидит стая террористов, которых останавливает лишь то, что они выбрать никак не могут: четвертовать меня, сжечь или утопить. А поскольку в одиночку ты с террористами воевать не обучен...

На Кешку жалко было смотреть. Вот, в самом деле, напала на ребенка, а он, между прочим, за тебя, Ритуля, испугался. Ильин был попросту в бешенстве и, кажется, в самом деле начал выбирать способ быстрой моей ликвидации, но вдруг резко выдохнул, поднялся, бросил «мир вашему дому» и вышел. Замок прощально лязгнул.

— Кешенька, не обижайся на меня, солнышко мое, ладно? Я же понимаю, ты за меня беспокоился.

— А... — Глебов открыл рот и забыл его закрыть.

— Все нормально, радость моя, только в следующий раз помни, что Ильин,

кроме того, что он милейший человек, еще и... кто? То-то и оно. А профессионал всегда останется профессионалом. Нечего ему там делать, все уже кончилось. Кстати, я и забыла тебе спасибо сказать.

— Издеваешься?

— Ну, уж, сразу и издеваюсь. За программки твои спасибо, очень пригодились.

Кешка мгновенно забыл про все обиды:

— И как?

— Не скажу «хорошо», язык не поворачивается, но все, что было нужно, получилось. Может, как-нибудь расскажу. А сейчас ступай-ка ты домой, ладно?

— Ну, теперь рассказывай, во что я тебя втравила, — потребовала Лелька.

— Ты давно вернулась? — ответила я встречным вопросом.

— Вчера. Тебя на месте нет, а тут Иннокентий объявился, ничего не объяснил, притащил сюда — ты ей друг, говорит, или не друг?

— Зараза, ничего не скажешь, — вяло согласилась я. Сил на то, чтобы возмущаться или объяснить что-то, не было совсем. А придется...

— Давай выкладывай, что у тебя все-таки стряслось? — не унималась Лелька. — Я — не Ильин твой, последствий не будет.

— Все дело в том, что юная мадам Шелест оказалась банальным вампиром.

— Что?!! — Лелька намеревалась налить кофе, но вместо этого бухнула джезву, которую держала в руках, обратно на стол, да так, что половина содержимого выплеснулось, образовав на столе огромную лужу.

— Кровь по ночам она, конечно, не пила, хотя с нее, ей-богу, стало бы. Ты, кстати, семью Германа себе представляешь?

— Вику знаю, сестру его, ну, Бориса, конечно, Стаса, шофера...

— Бывшего шофера, — уточнила я. — Ладно, поехали. Маму Германа зовут Зинаида Михайловна, Нина — что-то вроде домоправительницы, дочь Ольга, остальное по ходу дела будет ясно. Жила-была в одной деревне девочка. Не сиротка, при родителях. Но мамочка с папочкой у нее были хуже покойников — алкаши, в доме — шаром покати, да и поколачивали ее, я так думаю. В общем, несладко девочке жилось. Натерпелась. И в какой-то момент сломалась, решила — хватит. Было девочке в то время девять лет. Как-то осенним вечером, когда мамочка с папочкой, по обыкновению, изволили надраться и захрапеть, девочка, вместо того, чтобы, как всегда, прятаться в пристройке, прокралась в избу и закрыла выюшку. До того, как угли прогорели. Наутро местный участковый констатировал, что пара деревенских алкоголиков скончалась от неправильного обращения с печкой. Отравились, дескать, угарным газом. Девочку, по отсутствию каких бы то ни было родственников, отправили в детдом.

Больше всего она боялась вновь скатиться в то же самое болото. Упорства ей, как ты понимаешь, было не занимать. Так что удивляться не приходится, что школу девочка закончила одной из лучших, успев попутно обаять директрису и выучить второй язык. Но это так, детали. В институт поступила, я полагаю, легче легкого, тем более что ей, как несчастной сиротке, вероятно, какие-то льготы полагались.

Однако она быстро поняла, что упорная учеба — отнюдь не гарантия безбедной и спокойной жизни, и, осмотревшись, начала другую охоту. Институт бросила, и не прошло и полугода, как начала работать в конторе у Германа. Спустя еще совсем недолгое время мы можем видеть бывшую бедную сиротку уже в качестве новоиспеченной мадам Шелест. Хэппи-энд.

И тут обнаруживается, что покой по-прежнему только снится. А вдруг кто-то узнает, что она детдомовская? А вдруг долгожданного супруга убедят в том, что они неровня? А вдруг разлюбит и вышвырнет?

— Господи, чушь какая! Герман не способен никого никуда вышвырнуть. Хотя... вообще-то...

— То-то и оно, что «хотя вообще-то»... И не смотри со своей колокольни. Ты не росла в развалившейся избе, прячась от пьяных родителей.

— Да, пожалуй. Чего не было, того не было. А ты уверена, что ее родители не сами угорели?

— Либо так, либо ей это привиделось. Главное, что она сама уверена в том, что сделала. А дальше уже все очевидно. Домашние Германа терпеть ее не могут — так же, как когда-то ненавидели родители. Значит, надо максимально упрочить свои позиции.

— Я же ее видела несколько раз — такая нежная, хрупкая...

— Угу. Я на том же прокололась. И Герман, кстати. Казалось, что вокруг беззащитного создания собираются злобные враждебные силы... А они собирались не вокруг, а в ней самой. И знаешь, дело может быть даже не в материальном достатке, а в том, что это чудовище выросло из ребенка, которого никто не защитил, когда в этом была необходимость. Возможно, если бы Герман не любил своих домашних и не пытался всех объединить, ничего бы и не было. Она бы чувствовала, что ее, наконец-то, любят — и все в порядке. А тут приходилось делиться, и не богатством — любовью.

— Но ведь оттого, что человек любит, например, сестру, он не станет меньше любить жену.

— А Кристине, я думаю, казалось, что, если у Германа, кроме нее, никого не останется, тогда он точно никуда не денется. Вдобавок ко всем своим страхам она обнаруживает, что у Германа есть сын, о котором он, кажется, не догадывался.

— Ты что, мыльную оперу мне рассказываешь?

— Все гораздо проще. Стас — сын Нины, это никакой не секрет. Сто лет назад, чуть не в школьном возрасте, у Германа с Ниной был роман. И, как я думаю, они поссорились. Да так серьезно, что она уехала, куда глаза глядят. А уже вдали от дома обнаружила, что беременная. Из-за больной матери пришлось вернуться. Она ведь гордая, видимо, хотела, чтобы Герман сам догадался, чтобы прощенья попросил. Но ты же знаешь мужиков — их пока носом не ткнешь...

— Так Герман Борисович до сих пор, что ли, не знает?

— Сейчас-то, наверное, уже знает, да что толку? Но это так, преамбула, вернемся к Кристине.

При полной моральной недоразвитости мозгов у нее навалом. А тут и удачный случай нарисовался. Ольга отца очень любит, наверняка страшно ревновала и начала подбрасывать молодой мачехе угрожающие письма. Не от большой злобы — так, насолить немного. Но Кристина этим тут же воспользовалась: ах, кто-то из домашних ее ненавидит и преследует. Показала письма Герману — кстати, не удивлюсь, если к Ольгиным произведениям Кристина и от себя изрядно добавила, и порванную цепочку, его подарок, разлила у себя в ванной шампунь... Герман, естественно, испугался и начал беречь ее больше. Понимаешь, мне бы сразу догадаться, что к чему, как только я эту цепочку увидела. Ее никто не рвал — ее разрезали.

— Ну и что? Какая разница?

— Цепочка была разрезана всего на четыре куска. Если бы разорвана — понятно, это ж не нитка, разорвать непросто. А разрезать-то можно буквально на мелкие кусочки. Это если бы действительно кто-то посторонний злобствовал. Сама же Кристина цепочку банально пожалела. Вещь действительно очень красивая. Четыре-то куска ювелир починить сможет, а если совсем растерзать — вряд ли. Жалко. Но я не догадалась. Идиотка!

— Ну, знаешь! — возмутилась Лелька. — Ты что, ясновидящая, что ли?

— Оно и плохо. Три трупa, не считая Ольгиной раны.

— Что?!

— Что слышала. После подготовительного этапа начались несчастные случаи. Причем каждый раз создавалось впечатление, что направлены они против Кристины, а другие люди оказывались жертвами по чистой случайности. У машины, на которой она собиралась ехать на примерку, отвалилось вдруг колесо — но в машине в это время не Кристина, а Вика с мужем. Тимур погиб, у самой Вики — выкидыш, Стас, увы, отделался ушибами.

— Увы?!

— С точки зрения Кристины, конечно, увы. Потом она подсунула мне этот чертов ингалятор с синильной кислотой. То ли ей показалось, что я задаю слишком много вопросов и вообще опасна, то ли решила убедительно продемонстрировать, что на нее действительно покушаются, а я просто под руку попала. Мне думается, что она его для Светочки готовила, да терпения не хватило. Кстати, в тот момент у меня возникли первые подозрения. Дальше опять начались несчастные случаи. Ну, то есть якобы несчастные случаи. Кристина утащила из шкафчика Ядвиги ядовитую настойку и налила ее в кофейник, из которого сама, естественно, не пила, просто на столе оставила.

— Для кого?

— Для кого получится. Я так понимаю, ей было, в общем, все равно, лишь бы не Герману. А он как раз уходил, и, уходя, видел, что она собирается пить кофе, так что сомнений бы не возникло, для кого отравка предназначалась. Но тут Кристине, можно сказать, повезло: кофейник попал к Вике, так что официальные лица посчитали это самоубийством. Обстоятельства были весьма подходящие: такая трагедия, девушка в депрессии, только что потеряла мужа и ребенка.

— И Герман Борисович поверил, что Вика?..

— Он-то как раз не поверил, но решил, что Вика — случайная жертва, а целились в Кристину. Согласись, а что еще он мог думать? Я и то купилась. Через несколько дней Ольга возвращалась домой поздно, на подходе к поселку на нее кто-то бросился с ножом. Ну, шпана, наркота окрестная, обычное дело, да? Все осложнилось лишь тем, что незадолго перед этим Кристиночка отдала ей свой летний костюм, который довольно часто носила. Ольге он жутко нравился — бело-голубой, в матросском стиле. Значит, что? Либо и впрямь шпана, либо кто-то обознался.

Последней жертвой оказался Стас. На верхнюю полку гаража Кристина взгромоздила аккумуляторные блоки. Или они там уже были, а она этим просто воспользовалась. Затем сказала Стасу, что с машиной чего-то не ладится, он полез под капот, а Кристина в это время вроде бы зацепилась за веревочку и случайно за нее дернула. Конструкция грохнулась прямо Стасу на голову. По-моему, в это время Герман уже что-то заподозрил.

— А Кешка там как объявился?

— Я притащила. Не отвлекайся, я все по порядку. Самыми плохими отношения у Кристины были с Зинаидой Михайловной. И она проделала с их телевизором, ну, старших Шелестов, простенькую, но очень действенную операцию —

сняла защитный экран с одной из ламп. По прошествии некоторого времени облучение должно было свести старичков в могилу. Училась-то она в техническом вузе, не забывай, и вообще с мозгами в этой прелестной головке полный порядок. Но... Тут, кажется, получилось по принципу — сколько веревочке не виться, а кончику быть. Телевизор-то старенький, начал дурить. Не из-за лампы, а сам по себе. И тут уж так повезло, что телемастер в тот день приехать не мог, я Зинаиду Михайловну пожалела и вызвала Кешку. Ну а когда он мне эту чертову лампу продемонстрировал, никаких сомнений не осталось — если бы Злодей охотился за Кристиной, тогда при чем тут старшие Шелесты, она-то в их комнате, за их телевизором не бывает. Вспомнила про цепочку, все и сложилось. Жаль, что поздно.

— А почему же ты сказала, что к утру еще один труп будет? — спросила Лелька.

— Так ведь Герман Борисович очень самостоятельный. Он ведь не станет обращаться в соответствующие органы. Тем более, что им и предъявить-то особенно нечего. Я так думаю, что он заставит Кристину до донышка исповедаться, а потом... Он ведь добрый, не злопамятный совсем. Мне кажется, это будет избыточная доза снотворного. Случайно. А семейный врач — должен же у них быть семейный врач — подтвердит, что Кристина в последнее время отчего-то сильно нервничала, спала плохо, ну, и так далее. Несчастный случай, не подкопаешься. Материальных интересов тут никаких, так что не будет полиция этим заниматься, пожурит безутешного вдовца за неосторожность, и то вряд ли.

36

*Каким я был,
таким остался*

**Джеймс
Бонд**

Недели через две — Кристину уже похоронили, все произошло точно по моему сценарию — я благополучно возобновила свою журналистскую беготню и как раз выходила из одной дружественной организации, регулярно снабжавшей меня всякими полезными материалами. Еще не успев понять, в чем дело, я совершенно рефлекторно рванулась обратно в подворотню, из которой только что вышла, и, осторожно оглядевшись, увидела «мерседес», тормознувший метрах в двадцати от меня. Секунд через пять из него вышел Герман. Он обошел машину, открыл правую

дверцу, и из салона выпорхнула... Нина. Невозможно определить, что именно произошло — ни лицо, ни стиль одежды и макияжа, ни тем более фигура не изменились, но это была совсем другая женщина. Она сияла, она потрясала воображение...

Парочка направилась к дверям кафе, уютно расположившегося почти напротив того места, где Герман тормознул, а я лихорадочно проверила свою наличность. Дороговатое для меня заведение, хотя на чашку кофе, надо полагать, хватит. Ну, не могла я ничего с собой поделать — ужасно хотелось послушать, о чем они будут беседовать. Уж очень выразительными были их лица — спокойно-выжидательное у Нины и восторженно-потрясенное у Германа.

Кофе оказался на удивление неплохим и даже не очень разорительным. А полутьма, едва-едва рассеиваемая небольшими светильниками, как нельзя лучше соответствовала моим планам. Еще не хватало, чтобы парочка меня заметила. Герман-то настолько увлечен своей спутницей, что не обратит внимание даже на бегемота в павлиньих перьях, отплясывающего сарабанду, а вот Нина... От ее взгляда мало что укроется.

Столики разделялись резными деревянными колоннами, даже, скорее, перегородками, так что видимости почти никакой, зато слышимость — выше всяких похвал. Поскольку сквозь резной переплет кое-что все-таки просматривалось, я выбрала столик, к которому Нина сидела спиной. А Герману было не до того, чтобы следить за окружающей действительностью. Он каялся:

— Ниночка, родная моя! Я ведь ничего не знал. Почему ты ничего мне не сказала?

Нина не ответила, но ее правое плечо чуть-чуть приподнялось.

— Конечно, я дурак фантастический, должен был сам догадаться. Но мне и в голову не приходило... А мама знает?

Молчание, легкий вздох, потом тихий, немного усталый голос:

— Наверное, она со мной об этом не говорила.

— Почему же она мне ничего не сказала? Хотя бы когда Марина уехала в свою Францию. Сама ведь мне говорила, что не чаёт внуков дожидаться, а тут...

— Ей так было удобнее. С женой сына не станешь обращаться, как с кухаркой.

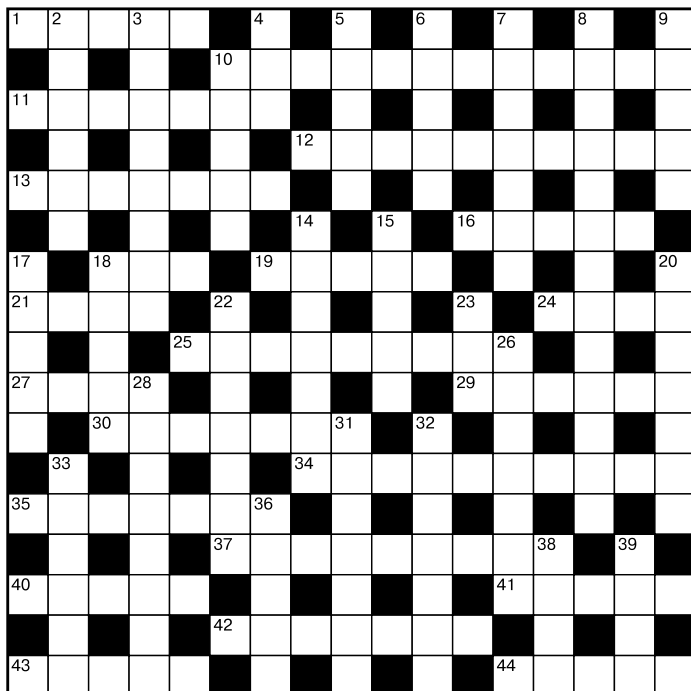
Когда такого рода душещипательные беседы встречаются в книжках, всегда можно пропустить две-три страницы текста. Жаль, что в жизни такое невозможно. И чего меня сюда понесло?

Мелодрамы, как и памятные фотографии, интересны только участникам событий. Незаинтересованному свидетелю они, в лучшем случае, скучны. Я расплатилась за кофе и быстренько смотала удочки.

Не прошло и года, как Герман пригласил меня на свадьбу. Угадайте, какой ресторан они выбрали? Я поздравила, восторженно поблагодарила и, конечно, не явилась. Хватит с меня «Золотых львов»! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какой хищник украшает герб Гайаны? **10.** Кто из героев романа «12 стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова благодаря знанию французского и немецкого сумел заработать за день семь рублей двадцать девять копеек? **11.** Металл, вспыхивающий на воздухе. **12.** «Только вот судьба у нас с тобою — не смешной ...» **13.** В каком зимнем виде спорта скорость достигает 100 километров в час? **16.** Европейская столица с кафедральным собором Александра Невского. **18.** «Место охоты на под-

садных уток». **19.** «Приют Ильича» в Разливе. **21.** Соло по ходу оперы. **24.** Остров, мимо которого лежал путь в царство славного Салтана. **25.** Столичная фамилия американского президента. **27.** Великая певица. Во взглядах на ее творчество разошлись пастор Шлаг и штандартенфюрер Штирлиц из народного телесериала «Семнадцать мгновений весны». **29.** «Философ Божий». **30.** Кто подбрасывает тарелки, чтобы не потерять кусок хлеба? **34.** У голливудской красотки Деми Мур с детства было врожденное ... **35.** «Цика-

ющий» летун хвойных лесов. **37.** Какой великий художник из Италии умер от солнечного удара? **40.** «Парижская вечеринка». **41.** Кто из русских писателей вывел волшебную породу лошадей? **42.** «Гудящая груша». **43.** Лара с лицом Анджелины Джоли. **44.** Головной убор великого сыщика Эркюля Пуаро.

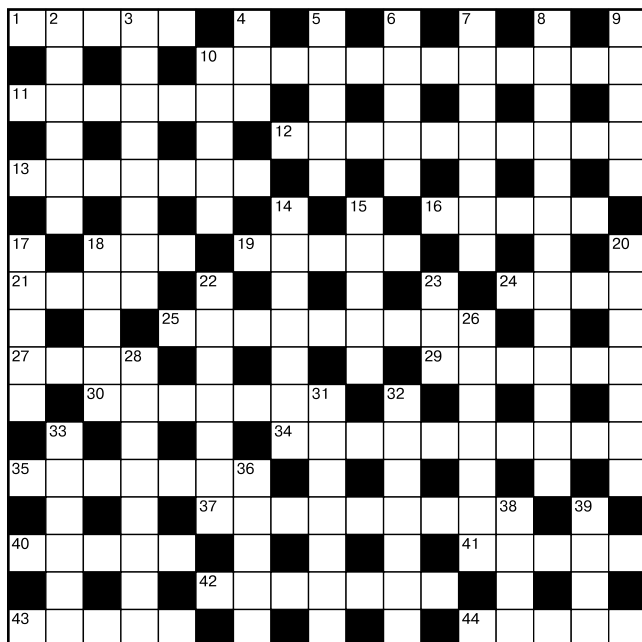
ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** О человеке, сделавшем этот предмет, Омар Хайям сказал так: «Руку нищего взял он и голове шаха». И что получилось? **3.** Она распространяется только на преступников. **4.** «Мы живем, чтобы давать ... каждому новому дню». **5.** Где работает героиня Ларисы Удовиченко из фильма «Автостоп» Никиты Михалкова? **6.** Кто посвящал свои стихи девочке с голубыми волосами? **7.** Какой жанр связывает поручика Ржевского с Чапаевым? **8.** Философия собственных интересов. **9.** Кольцо, зацепившееся за себе подобных. **10.** Великий американский математик, написавший первый научный

трактат в 7 лет. **14.** Какой цветок служил римским жнецам напоминанием о вечном небе? **15.** «Музыкальный финал» кинокомедии «Правдивая ложь» с Арнольдом Шварценеггером. **17.** Какая роль прославила англичанку Джоанн Хиксон? **18.** «Очередная серия» лотереи. **20.** Злейший враг библиофила среди насекомых. **22.** В какой столице некоторые таксисты ставят на свои авто колеса меньше стандартного диаметра, чтобы получить со своих клиентов побольше? **23.** Убийца денег. **26.** «Совсем уж домашний» наряд. **28.** Профессия Стаса Садаляского из фильма «Небеса обетованные». **31.** Оружие, эксплуатирующее силу упругости в хулиганских целях. **32.** Рекламная акция в роддоме: «Роди двойню и получи третьего в ...». **33.** В какой гостинице «амуры разводят»? **36.** «Губительная сталь» из светского языка XVIII века. **38.** «Никогда не терял ... столько времени, чем учась у вороны». **39.** Самый крупный синий алмаз в мире.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Банан. **7.** Изыск. **10.** Ереван. **12.** Нострадамус. **13.** Интернет. **14.** Биллион. **17.** Водоворот. **18.** Каша. **19.** Щит. **22.** Ветвь. **23.** Гонулулу. **24.** Жилет. **26.** Бальзаминол. **28.** Зенит. **30.** Веер. **31.** Конец. **32.** Поэт. **34.** Зов. **36.** Нектар. **38.** Диаспора. **39.** Горыныч. **40.** Уолт. **41.** Ремонт. **42.** Балаган.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чешир. **2.** Цейтнот. **3.** Кабриолет. **5.** Азот. **6.** Артрит. **8.** Зрачок. **9.** Стул. **11.** Галлы. **12.** Невозврат. **14.** Бог. **15.** Навуходоносор. **16.** Валуи. **17.** Винил. **20.** Собакевич. **21.** Токио. **22.** Вечер. **25.** Львов. **26.** Бит. **27.** «Ювентус». **28.** Зеркало. **29.** Страсть. **31.** Кобыла. **33.** Маг. **35.** Эстет. **37.** Роза. **38.** Дыба.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Любимая пианистка Иосифа Сталина, пожертвовавшая свою Государственную премию Православной церкви «на покрытие бесконечных грехов» «вождя всех времен и народов». **10.** Центр земли войска Донского, основанный атаманом Матвеем Платовым. **11.** Жук, повинный в «плаче» яблоневых почек. **12.** Что император Николай I заменял провинившимся офицерам на посещение оперы «Руслан и Людмила» Михаила Глинки? **13.** Самые древние жители Земли, сохранившиеся до наших дней. **16.** Каким драгоценным камнем в Древнем Китае по-

лировали топоры для церемоний? **18.** Физик, чей коэффициент помогает определить рейтинг шахматиста. **19.** Самый плебейский из римских холмов. **21.** Реклама конца XIX века «Эта новинка машины Жаккара избавит Вас от чужого любопытного взгляда, не загораживая света, подобно занавесу». О чем речь? **24.** Мантия магистра. **25.** В какой тюрьме сидел Адольф Гитлер после провала «пивного путча»? **27.** Кто овладел сокровищами гномов Одинокой горы? **29.** Какой индонезийский танец исполняют сидя? **30.** Какая страна занимает второе место в мире по экспорту тростникового са-

хара? **34.** Пивная зависимость на языке медиков. **35.** Абхазская лютня. **37.** «Переходное время года» у французов. **40.** Из чего построена уникальная мечеть Дженне в африканской стране Мали? **41.** Обладатель наибольшего числа олимпийских медалей в истории легкой атлетики. **42.** Особое отложение в головном мозге, наблюдаемое при «болезни Альцгеймера». **43.** Какую профессию получила в училище будущая кинозвезда Нина Русланова? **44.** Базовая фигура в танго.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Бывший денщик Петра Великого, ставший начальником первой в России полиции, учрежденной в Санкт-Петербурге 27 мая 1718 года. **3.** Опасный прием игры тореро с быком. **4.** Треть метра по древнегреческим меркам. **5.** Казахская лепешка. **6.** Непальский народ, чей представитель отмечился при первом покорении Эвереста. **7.** Какой фармацевт предложил шкалу жгучести перца? **8.** Профессия героя комедии «Кушетка в Нью-Йорке». **9.** Способ охоты с не-

заметным приближением. **10.** «Из земли исходит, землей питается, льется, как вода, разливает свет». **14.** Продажа через торговые автоматы. **15.** Советский разведчик из «Кембриджской пятерки», выпивавший в конце жизни по бутылке коньяка за вечер. **17.** Последнее прозаическое творение Михаила Лермонтова. **18.** «Женщина верит, что дважды два будет пять, если хорошенько поплакать и устроить скандал» (английская писательница). **20.** Какое кушанье подают с тем, чтобы «заглушить» вкус предыдущего блюда? **22.** Герой сериала, любивший ходить в лес, чтобы поиздеваться над кукушками. **23.** Кто перевозит по небу героев сказки о стране Оз? **26.** Какой инструмент способен на самую большую «низость» в духовом оркестре? **28.** Кто слыл матью воинственных амазонок? **31.** Сливочный крем для пирожных. **32.** Типичное душегубство. **33.** Самая маленькая из ныне живущих колибри. **36.** Какой город слывет столицей французского шампанского? **38.** Жанр кино о «циничных ценностях». **39.** Урожайный бог латышей.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Курды. **7.** Адамс. **10.** Левкой. **12.** Ганфштенгль. **13.** Амритсар. **14.** Лобаста. **17.** Дигиталис. **18.** Ипат. **19.** Люк. **22.** Цагра. **23.** Ангстрем. **24.** Чумар. **26.** Пальмировка. **28.** Синид. **30.** Эрик. **31.** Тирас. **32.** Аиди. **34.** Лук. **36.** Взгляд. **38.** Суриката. **39.** Робертс. **40.** Рыло. **41.** Козимо. **42.** Парашют.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Илхам. **2.** Дворник. **3.** Портсигар. **5.** Убар. **6.** Дифрос. **8.** Донати. **9.** Мыло. **11.** Атлас. **12.** Гамадриад. **14.** Лео. **15.** Аппроксимация. **16.** Отоми. **17.** Дюбуа. **20.** Антимахус. **21.** Астор. **22.** Цадик. **25.** «Бьюик». **26.** Пин. **27.** Пэчворк. **28.** Сингиль. **29.** Пинагор. **31.** Тугела. **33.** Ияр. **35.** Киноа. **37.** Дога. **38.** Стью.

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на **1 месяц** с учетом доставки стоит **79 руб. 20 коп.** Подписка на **3 месяца** с учетом доставки стоит **237 руб. 60 коп.** Подписка на **6 месяцев** с учетом доставки стоит **475 руб. 20 коп.** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта каталожная подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2013 года через любое отделение связи. Примерные образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Вся пресса
в одном
месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Эта женщина бледной тенью скользит через все исторические документы, связанные с Петром Великим. Супруга старшего сводного брата Петра, мать трех дочерей, царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова, которую попрекали в пристрастии к шутам и карлицам и в необразованности, пользовалась у Петра I особым уважением. Последняя русская царица, незаметно взшедшая на историческую сцену и проведшая всю жизнь в тени других «высоких персон», сошла с этой сцены со всей возможной в то время пышностью. Всего семи лет не дожила она до того момента, когда ее нелюбимая дочь Анна наденет на себя корону своих предков... »

Светлана **Бестужева-Лада** «Последняя русская царица»

« В ноябре 2000-го года произошло неслыханное событие: русской православной церковью на Архиерейском соборе был канонизирован адмирал Федор Федорович Ушаков. Пожалуй, впервые в российской истории и истории русской православной церкви рассматривался вопрос о канонизации воина-моряка, который вызывал много сомнений и у мирян, и у священнослужителей. Ведь Ушаков воспринимался всеми как знаменитый флотоводец, в чем же была его святость? Ответ на этот вопрос дает простая и прекрасная жизнь моряка Федора Ушакова.

Денис **Логинов** «Святой флотоводец»

« Значительная личность всегда легендарна. Не мог не стать легендой и Расул Гамзатов, весельчак, жизнелюб и мудрец, щедрый и гостеприимный, к тому же, лучший тамада на Кавказе. Легенды о нем — не случайность, а одно из свидетельств масштабности и значимости его личности. Человек из Дагестана, человек из России, человек из большой литературы — вот кто такой Расул Гамзатов.

Майя **Орлова** «Поэт, сын поэта...»

« Чем дальше отстоит от нас какой-либо исторический персонаж или историческое событие, тем сложнее понять, где реальность, а где — приукрашенная историками действительность. С каждым десятилетием мы все больше отдаляемся от великих эпох и великих людей. Герой этого очерка, Николай Михайлович Карамзин, сделал все возможное, чтобы у нас осталось как можно больше свидетельств о жизни нашей страны, об истории Государства Российского.

Евгения **Гордиенко** «Историк Государства Российского»

« Детектив **Андрея Дышева** «Классная дама»